

Сказания вьетнамских гор

Annotation

В эту книгу вошла лишь небольшая часть эпического наследия вьетнамских гор. Представленные в ней сказания говорят о мужестве, трудолюбии и неиссякаемом оптимизме народа.

- [Сказания вьетнамских гор](#)
 -
 - [Эпические сказания народа эдэ](#)
 - [Сказание о Дам Шане](#)
 - [Сказание о Дам Зи](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Сказания вьетнамских гор

Перевод с вьетнамского Н. Никулина

* * *

*Издательство
«Художественная литература» Москва 1970*

Перевод под редакцией

С. ХОХЛОВОЙ

Предисловие Н. НИКУЛИНА

Художник Г. КЛОДТ

Эпические сказания народа эдэ

Сорок лет назад впервые было записано и опубликовано «Сказание о Дам Шане» народа эдэ, в котором необычность поэтической образности и содержания сочетается с архаичностью фольклорных традиций и самой жизни, подчиненной матриархальным обычаям.

Четверть века спустя последовала публикация другого сказания, в предисловии к которому Ж. Кондоминас, известный французский этнограф, с сожалением отмечал, что остальное эпическое наследие эдэ безвозвратно утрачено. Ученый, однако, ошибался. Заботу о культурном наследии всех национальностей Вьетнама после Августовской революции 1945 года взяла на себя народная власть. В 60-е годы благодаря труду и таланту фольклористов ДРВ было подготовлено к печати и издано около десяти сказаний эдэ, сохранившихся в живом бытовании.

Знатоками эпоса у эдэ в большинстве случаев являются старики. Почти каждый из них может рассказать полюбившийся отрывок. Но целые сказания помнят немногие. Вот их-то и приглашают наперебой то в одно, то в другое селение. Платы за свое выступление сказитель не берет, а довольствуется угощением.

С наступлением вечера все селение собирается в большом доме послушать сказителя. Особенно многолюдно бывает после сбора урожая, когда все освобождаются от хозяйственных забот в поле или в лесу.

Сказитель усаживается на помосте, возле очага, зажигаются светильники. Начинается спектакль своеобразного «театра одного актера». О таком спектакле рассказывает вьетнамский фольклорист Дао Ты Ти.

С трех сторон вокруг сказителя усаживаются слушатели. Первые его слова: «А сказание о Дам Шане, которое вы хотите послушать, соседи, доподлинно таково...» — еще тонут в шуме, но через несколько мгновений слушатели затихают, они напряженно следят за жестами и мимикой сказителя. Его лицо по ходу повествования меняется: становится то печальным, то радостным, то гневным. Он то напевно декламирует, то поет, подражает трубным крикам слонов, рычанию тигров, журчанью горных ручьев, гомону птиц. В комических эпизодах слушатели громко смеются, рассказчик же либо смеется вместе со всеми, либо умолкает, дожидаясь, пока не утихнет смех.

Бурные исторические события и потрясения, которые пережил и переживает Южный Вьетнам в последние десятилетия — Августовская

революция, антиколониальная война Сопротивления, борьба с американской агрессией, — в корне изменили некогда замкнутую и застойную жизнь горных селений. Исчезли либо нарушены многие из давних традиций и обычаев. Все реже собираются люди послушать сказителя. Эпос вытесняется из жизни общины, и если в старину исполнение сказаний считалось ритуалом, то теперь их пересказывают главным образом в домашнем кругу, для детей. Идет процесс упадка эпической традиции, еще недавно игравшей важную роль в духовной жизни эдэ, народа, по сути дела, и сейчас бесписьменного, для которого фольклор, и прежде всего эпос, был единственным доступным ему словесным искусством. Постепенно эпические сказания эдэ забываются, исчезают вместе со стариками, знатоками эпоса. В памяти потомков сохраняются только сюжеты, а образность эпоса, его стилевые особенности либо совсем стираются, либо претерпевают изменения. Архаические слова и обороты речи, ставшие непонятными, заменяются новыми. Резко сокращается число повторяющихся словесных формул — так называемых «общих мест». Этот упадок эпической традиции в большей мере отразился на втором из помещенных в книге произведений — «Сказании о Дам Зи». Определенной «модернизации» подверглось и содержание сказаний: так, при пересказе эпоса были опущены эпизоды, в которых божества произносят наставительные речи, воспринимаемые современным сказителем как образец нелепости и косности.

Центральное место в эпосе занимает героический образ богатыря, по своей воле идущего на подвиг — будь то былинный Илья Муромец или богатырь Дам Шан из сказания народа эдэ, вождь, который «носит на голове двойную повязку, а на плечах мешок из звериных шкур».

Но если былинная застава богатырская стоит на защите всей земли русской, утверждая идею патриотизма, то герои сказаний — вожди племен, — естественно, представляют не народ и отечество, а роды, «свои селения». В этих образах воплотилось идеализированное представление о могучих защитниках «людей селения», а также о ревнителях родовых обычаев, об искусных и смелых воителях, способных отомстить врагу, захватить чужое добро и пленников — рабов.

Как и во всяком архаическом эпосе, в сказаниях эдэ опоэтизированы не только воинские подвиги, но и труд, который рисуется как богатырское деяние, а образ самого богатыря нередко ассоциируется с мифологическими первоучителями людей. Архаичен в сказаниях идеал селения, восходящий к представлениям родового общества, где все члены общины живут в богатстве и довольстве. «Каждый знает — и кто на западе

живет, и кто на востоке живет, — как богато селенье Дам Зи, как здесь много гонгов из бронзы, узорчатых кувшинов, — все знают, что здесь в изобилии рис и вино».

Общинники ревниво оберегают равенство всех членов рода. На вопрос прохожего, где дом вождя, люди селения отвечают: «Откуда здесь взяться вождю? Мы равны меж собою, как воды в ручье, как арековые пальмы в роще».

Сказания эдэ сохраняют живую связь с мифологией и примитивными верованиями. Дам Шан, житель Земли, добирается до обиталища богов — небесного селения Айдис. Почитаемое божество появляется среди людей.

На языке эдэ сказания именуются «кхан», что означает «воспевание», «восхваление». Это название, пожалуй, свидетельствует о том, что развивались сказания из песен, которые воспевали реально существовавших богатырей. Вполне вероятно, что образы богатырей в эпосе имеют историческую основу.

Важную роль в сказаниях играет «драматический» элемент, так как любое сказание состоит в основном из диалогов и монологов и его легко превратить в действие.

Художественные образы в сказаниях навеяны красотой тропической природы Вьетнама. Сравнения нередко как бы образуют цепочки: «Шла она — словно феникс летел, словно ястреб над равниной парил, словно воды бежали в горном ручье». Представления о красоте, передаваемые этими сравнениями, бывают весьма своеобразны: «Что ни шаг, надувается юбка от ветра, будто наседка, которая хочет цыплят защитить, распушив свои перья...» Сравнение, даже когда речь идет об абстрактных понятиях, ощутимо в своей материальности:

«Когда шел внизу, мимо свай, под мостом, моя храбрость была величиной с золотую чашу, когда я к тебе поднимался, она стала величиной с серебряный таз, а когда я вошел, в твои покои, моя храбрость стала велика, как кувшин вина, который слона стоит».

Метафоры, как это свойственно фольклору, являются скорее своеобразными иносказаниями, имеющими тенденцию превратиться в символику: «Баньян, растущий у ручья», говорят о вожде племени.

Как и в любом эпосе, важную роль играют повторы. Дважды похищают жену у Дам Шана, и дважды вступает он в смертельный поединок, чтобы вызволить ее; много раз испытывают свою силу и

ловкость три брата из «Сказания о Дам Зи». Повторяющиеся эпические формулы взяты из церемониала приема гостей. И в наши дни у народа эдэ, например, учтивый хозяин, скромно приглашая гостя к еде, произносит те же слова, что героиня «Сказания о Дам Шане»: «Отведайте моего риса, который плесенью пахнет, поганой похлебкой моей не погнушайтесь...» Эти слова не портят гостю аппетита, и, отведав угощения, он с той же скромностью отвечает: «Так сытно я никогда еще не ел. Дома один огурец грызу три года. А одного арбуза мне на три жизни хватило бы».

Гиперболы тоже нередко представляют собой словесные формулы, постоянно употребляемые в сказании. Например, упоминание о сотне рабов, идущих впереди героя, и о тысяче рабов, идущих позади, когда Дам Шан направляется из своих покоев в гостевую, явно предназначено для того, чтобы воспеть богатство и могущество дома, и отнюдь не воспроизводит реальной картины этого шествия.

По форме — сказания эдэ, стихотворно-прозаические, но рифма в них отсутствует, хотя звуковые повторы имеются.

Известные науке сказания эдэ можно условно разделить на два типа. К первому типу следует отнести сказания, в которых преобладающим является героическое начало, богатырский подвиг. Таково «Сказание о Дам Шане». «Сказание о Дам Зи» относится ко второму типу сказаний, в которых главную роль играют любовные коллизии, путешествия, приключения.

Эпос любого народа составляет ценнейшую часть его культурного наследия, естественно, что эпические сказания эдэ оказались своеобразным центром притяжения для других фольклорных жанров, в частности, жанра сказки и песни. Некоторые сказания вобрали в себя разные жанры народной лирики от любовных песен до погребальных плачей и причитаний. Много образцов песенного фольклора включено в «Сказание об И Тхоа», представляющее собой историю любви юноши И Тхоа и девушки Хэдуп.

Эпические сказания есть, разумеется, не только у эдэ, а и у других малых горных народов Южного Вьетнама. Но ни по объему, ни по поэтической силе, ни по впечатляющей мощи образов они не могут сравниться со сказаниями эдэ, хотя, естественно, не лишены своеобразия. В сказаниях народа банар о богатыре Йонг Ты большую роль играет элемент фантастики, волшебства. Йонг Ты подчиняет своей воле чудесного Владыку слонов, летает, сражаясь со злыми духами, на волшебном кхиене — куске дерева, обитом металлом, который служит горцам щитом и метательным орудием. Народная фантазия наделила Йонг Ты

неистребимым мужеством: даже после своей гибели, когда истлела его плоть и обнажились кости, он продолжал сражаться с врагами. И все же нельзя сказать, что фантазия в сказаниях преобладает над реальностью.

Народ эдэ живет на плоскогорье Тэйнгуен в южной части Центрального Вьетнама. Вплоть до Августовской революции этот народ находился на ранней доклассовой ступени общественного развития.

Эдэ селятся на склонах невысоких гор. Издали их свайные жилища напоминают гнезда огромных птиц, селения, словно острова, вздымаются над необозримым морем джунглей, а по склонам гор разбросаны поля риса, кукурузы, батата.

Вокруг селений бродят стада быков, буйволов — их не используют на полевых работах, а закалывают во время совершения ритуалов. Говорит этот народ, один из самых древних в тех краях, на языке малайско-полинезийской языковой семьи, его численность — около полутора-двух тысяч человек. Эдэ занимаются главным образом подсечно-огневым земледелием: они «пашут огнем и боронят ножом». Их земля плодородна. «Одного урожая риса хватает с избытком на два-три промежутка между урожаями», — говорят старики.

Земельные и лесные угодья у эдэ принадлежат всей общине. Расчистка леса под пашню ведется сообща, так как сделать это в одиночку было бы просто невозможно.

При подсечно-огневом земледелии велика роль женщины в сельскохозяйственных работах. Мужчины только вырубают деревья, «готовят будущее поле», почти все остальное делают женщины. Они рыхлят и пропалывают землю, сеют зерно, собирают урожай, варят пищу. Женщины ловят рыбу и собирают съедобные травы. В свободные часы они усаживаются в тени деревьев, прядут, красят пряжу, ткут одеяла, шьют рубахи, вышивают узоры на набедренных повязках и юбках. Мужчины плетут корзины, верши для рыбной ловли, занимаются кузнечным делом. Меновые отношения у эдэ развиты слабо, хозяйство у них натуральное. В погожие дни мужчины охотятся на диких зверей, расставляют силки и западни. Охотятся также на слонов. Их дрессируют, а потом выменивают на медные гонги, котлы, серебряные запястья, раньше меняли еще и на рабов.

Поскольку женщина играет важную роль в хозяйственных делах, с ней очень считаются в семье и в общине. Глава селения почти во всем советуется с женщинами. При решении важных хозяйственных дел (обмен слона, медного гонга или кувшина с вином, то есть того, что составляет ценнейшее достояние семьи, определяющее ее богатство) мужчина

испрашивает согласие жены. Девушка первая рассказывает юноше о своем чувстве и дарит ему «запястье любви». Сватов присылает невеста, а не жених, она же платит выкуп за жениха, жених переезжает в дом невесты. «Птичка улетает вслед за уплывающей рыбкой», — говорят эдэ.

Если мужчина этому противится, над ним смеются: «Сколько бы буйвол ни упирался, а как проденут ему в ноздри веревку, так и против воли пойдет в хлев». Пока жена не заплатила выкуп, она живет в доме мужа, но после уплаты муж переходит в дом жены. Дети принадлежат не отцовскому роду, а материнскому, дочь получает значительно большую часть наследства, чем сын, который, женившись, уходит из своего дома.

При разводе муж обязан уйти из дома жены. Если он был прилежен в работе, ему выделяют небольшое имущество. Если же был ленив, только тем и занимался, что запускать змеев да гулял у ручья, он уносит из дома жены только свой лук со стрелами, корзину и большой нож.

У эдэ до последнего времени сохранился обычай «бесконечной цепочки», который восходит к древнейшим брачным отношениям: в браке у них состояли не отдельные мужчины и женщины, а два рода. Согласно этому обычаю, супруг или супруга ни в коем случае не должны оставаться вдовыми.

В случае смерти одного из них материнский род покойного должен дать замену. Случается, что в мужья или жены дают ребенка, и брак остается номинальным, пока мальчик или девочка не достигнут брачного возраста. По обычаю «бесконечной цепочки» дед или бабка по материнской линии могли вступать в брак со своими внуками или внучками для того, чтобы, как гласит поверье, укрепить свой род и сделать его долговечным.

В общинах эдэ сильны традиции равенства общинников и взаимной помощи. Они сообща строят дома, все вместе покидают селенье, когда переходят с одного горного поля на другое, вместе охотятся на тигров, диких буйволов, слонов. На ритуальные пиры собирается все селенье.

В прошлом между общинами нередко происходили военные столкновения, поводом служила месть за нанесенные обиды. Пленных обращали в рабов — у эдэ существовало домашнее рабство. Однако, прожив некоторое время в доме хозяина, раб мог жениться даже на дочери хозяина, стать членом его семьи и его побратимом.

«Сказание о Дам Шане» — это поэтическое повествование о жизни богатыря и его подвигах, однако сказитель воспекает не только вождя племени, Дам Шана, он воздает также хвалу всем общинникам, всем «людям селенья».

Образ героя раскрывается в поступках, которые он совершает, следуя обычаям, неписаным законам жизни, либо нарушая их. Жизнеописание Дам Шана начинается со сватовства к нему Хэни и Хэбхи. Гибель героя осмысливается как кара за дерзкое нарушение обычая.

Такое жизнеописание богатыря Дам Шана сложилось, очевидно, не сразу. Долгое время отдельные эпизоды, объединенные одной поэтической идеей, накапливались вокруг одного и того же героя и первоначального сюжетного ядра, которое сейчас трудно определить.

Длительный процесс формирования самого сказания привел к противоречивости и определенной изменчивости образа Дам Шана на протяжении повествования. Поначалу трудно узнать в Дам Шане богатыря, он нежится в своих покоях, терпеливо сносит помыкательства старшей сестры. В описании героя воплощен идеал мужской красоты у народа эдэ:

«Яркий румянец играет на щеках, будто от гнева или от вина. Сменяются губы, как спелый арбуз красные, будто побеги чеснока тонкие. Шея гладкая — баклажан созревший. Борода густая, как лиана, извивается. Посмотришь на Дам Шана — глаз не отведешь».

При всем своеобразии сравнений Дам Шан здесь все же нарисован реалистично. И совсем иначе он выглядит, когда празднует свою победу над врагом. Тут он уже предстает могущественным вождем и в его описании преобладает гиперболизация:

«Ноги у Дам Шана были огромные, как стропила, бедра — как сваи. А сам он был словно могучий слон. Дышал он — будто гром гремел. Лег на помост — помост сломался, — вот какой он силой обладал, еще когда лежал во чреве матери».

Противоречиво и изменчиво отношение Дам Шана к женам. Если в начале сказания он выказывает к ним неприязнь, даже становится причиной их гибели, то потом, исполняя свой долг, вызволяет одну из жен из беды, бьется из-за нее с другим вождем и, наконец, оживляет обеих жен, когда они умирают.

Эта противоречивость никак не объясняется в сказании, что, впрочем, характерно для фольклора. Просто сказителю представлялись вполне естественными у героя чувства жалости, печали и гнева при горестной вести.

Богатырская «строптивость» Дам Шана, упрямство и своеволие приводят его к смертельной опасности. Ведь своеволие Дам Шана направлено в конечном итоге против обычаев материнского рода, матриархальных установлений, которые в сказании считаются единственно приемлемыми и освященными властью божеств.

Народ, творец сказания, восхищается волей, силой, богатырской удалей Дам Шана, однако не сочувствует его бунту против матриархальных обычаев, ибо патриархальные порядки создадут угрозу равенству членов рода. Эта двойственность отношения к герою создает своеобразный фон и подтекст в сказании. Дам Шан не желает подчиниться обычаю «бесконечной цепочки» и стать мужем «суженых» Хэни и Хэбхи, которые прислали к нему сватов, грозя за неповиновение карой.

Чтобы заставить Дам Шана жениться на его «суженых», в дело вмешивается само божество — Небо. Здесь это своеобразный художественный прием: средствами эпического фольклора нельзя реалистично изобразить борьбу рассудка и чувства в душе героя (ведь та самая женитьба, которой Дам Шан упорно противится, сулит ему богатство и могущество), сказитель не может также, не умаляя достоинства богатыря, объяснить, почему он в конце концов покорился обычаю. И в сказании конфликт психологический, внутренний разрешается весьма просто: божество избивает героя, наставляя его на истинный путь: «Семь раз ударяло Небо Дам Шана длинной бамбуковой трубкой, семь раз погружался Дам Шан в смертный сон, и семь раз Небо его оживляло».

Дам Шан не желает переезжать в дом своих жен. А переехав, проявляет полное равнодушие к хозяйственным делам и заботам, предается молодецким забавам и игрищам. Оно и понятно. Положение молодого мужа в доме жен еще непрочное, он не хочет трудиться ради приумножения чужих богатств. За пренебрежение к своему супружескому долгу богатыря ждет наказание: его жену похищает другой вождь.

Чтобы вызволить похищенную жену, Дам Шан собирает войско из всех племен, но оно не воюет, а служит лишь фоном, на котором особенно ярко проявляется богатырская сила героя (все это огромное войско не может, например, сломать ограду возле дома врага, что легко удастся Дам Шану). Это типичный эпический поединок, когда схватка враждующих вождей один на один решала исход сражения. Столь же типична и взаимная перебранка врагов перед боем. И все же описание поединка и сами слова, с которыми враги обращаются друг к другу перед боем, не лишены своеобразия.

Враги, противостоящие героям сказаний эдэ, не принимают вида

фантастических чудовищ, как, например, в русских былинах. Внешность врага изображается весьма скудно, несколькими штрихами. Зато подробно рассказывается о том, как вероломный враг попирает родовые обычаи, показано его моральное уродство, а гиперболизация силы и воинского умения врага, его устрашающее обличье, подчеркивают отвагу и мощь героя, величие его победы.

Отомстив похитителю, Дам Шан более не вспоминает о жене. Теперь для него главное — трофеи: захваченное добро и рабы. Весьма характерна «шутка» Дам Шана, с которой он обращается к захваченным рабам, призывая их «потрудиться для собственного блага» и приготовить колодки из бамбука и дерева. Звериная жестокость в обращении с рабами, унижение человеческого достоинства становятся нормой при рабовладении.

В одном из эпизодов Дам Шан выступает в качестве первоучителя людей, мифологического персонажа, добывающего различные блага для своих соплеменников. Он отправляется в Небесное селение, получает от божества семена злаков и выращивает небывалый урожай. Эпизоды, в которых Дам Шан водил своих соплеменников ловить рыбу, крабов и креветок, воспроизводят с известной долей эпической гиперболизации реальные картины труда народа эдэ.

Каждый последующий подвиг Дам Шана труднее предыдущего и требует еще большего мужества. Напряжение в повествовании все нарастает и достигает своей кульминации, когда богатырь Дам Шан устремляется в Небесное селение, чтобы взять в жены женщину Солнце. Здесь, видимо, нашли свое отражение зачатки нового обычая (точнее — возвращение к древнему обычаю, приобретающему новый смысл), согласно которому мужчины похищали невест из другого рода.

Гибель Дам Шана говорит о том, что матриархальные обычаи, против которых он выступал, еще прочны. В этом смысле сказание является своего рода предупреждением тем, кто захотел бы последовать примеру Дам Шана.

Народный оптимизм, однако, не хочет смириться с гибелью героя. Душа Дам Шана переселяется (это представление восходит к ранним религиозным верованиям, а не к буддизму) в его племянника, сына старшей сестры. Младенца нарекают Дам Шаном и отдают, согласно обычаю «бесконечной цепочки», в мужья вдовам погибшего героя, закрепляя тем самым за родом Дам Шана имущественные и другие права. Не сын продолжает дело отца (это было бы проявлением патриархальных порядков), а представитель его материнского рода, сын старшей сестры.

Центральному героическому образу Дам Шана в сказаниях эдэ

противостоит другой персонаж — Дам Зи из одноименного сказания, где нашло своеобразное отражение усугубление неравенства между членами рода.

Дам Зи — вождь, как и Дам Шан, но он не стремится к подвигу. «Сказание о Дам Зи» названо, как велит традиция, по имени старшего из трех братьев, хотя подлинным героем сказания является младший брат, Син Мэнга. Он оказывается сильнее, мужественнее и предприимчивее старших братьев и совершает подвиг за подвигом, однако все плоды этих подвигов пожинает старший брат — Дам Зи, что тоже обусловлено традицией.

В фольклоре доклассового общества конфликты, происходящие в роде и племени, переосмысливались, как распри в семье, между ближайшими родственниками. Это характерно прежде всего для сказки. В «Сказании о Дам Зи», как и в сказке, идет спор между братьями, симпатии сказителя явно на стороне младшего брата, но спор этот здесь не приводит к открытой вражде между ними, не приводит к разрыву, потому что для младшего брата, Син Мэнги, превыше всего защита родовой чести. Именно он, а не старшие братья, становится ее защитником.

Недовольство простых общинников выделением родовой верхушки, стремящейся встать над ними, проявляется в обрисовке старших братьев; насмешливо и с иронией говорится об их никчемности, беспомощности, даже о неказистой внешности. Однако именно они, старшие, ведут караван, с важностью восседая на слонах, а рабы обмахивают их веерами.

Само по себе величие власти не имеет ценности в глазах сказителя. Однако сказитель пока не обличает, он лишь ставит под сомнение власть старших, старейшин, не подкрепленную авторитетом, завоеванным личными качествами и заслугами, но и это уже накладывает своеобразный отпечаток на все сказание. Скрытая вражда между младшими и старшими ощущается почти в каждом эпизоде.

При обрисовке образа Син Мэнги подчеркивается цельность его натуры, в нем много черт народного героя не совсем эпического плана. От Син Мэнги веет обаянием молодости, силы, ума, находчивости, и недаром именно ему готова была отдать предпочтение красавица Хэбиа Плао, которую Син Мэнга, согласно обычаю, отдает в невесты старшему брату.

Интересно, что, став невестой Дам Зи, Хэбиа Плао мгновенно начинает испытывать чувство привязанности к своему жениху, которого она совсем недавно оскорбила, назвав старым и безобразным. Эта перемена представляется сказителю само собой разумеющейся, и он не ищет каких-либо психологических или иных объяснений для столь резкого поворота в

настроении девушки. Син Мэнга удачлив в любви, и в сказании живописуются сцены его любовных свиданий с красавицами (у эдэ, как у многих народов, стоящих на ранних ступенях общественного развития, существовала свобода добрачных отношений юношей и девушек). Весельчак и балагур, Син Мэнга легко привлекает внимание обитателей селения, где живут одни девушки. Селение это действительно существовало некогда, поскольку был обычай поселять отдельно взрослых девушек и вдов.

Син Мэнга, как и почти все древние богатыри, умел побеждать врагов не только благодаря физической силе, но и с помощью хитрости и колдовства. Заклинания, которые произносит Син Мэнга, его слова, обращенные к духам, придают ему еще больше ловкости и силы.

Замечательно в сказании воспевание трудовых деяний героя: сбор дикорастущих трав, растений, плодов, пригодных в пищу. Будничное занятие предстает в сказании как грандиозная эпопея, как богатырский подвиг: выполняя желание матери, братья устраивают настоящий поход. По джунглям тянется караван прирученных слонов. Братья ищут съедобный чудо-тростник, которым пожелала полакомиться их мать. Поход этот превращается в поиски приключений и богатырских искусов и забав, в которых неизменно одерживает верх младший брат. Сказитель восхваляет его умение, силу, смекалку, в то время как старший брат Дам Зи выглядит нерасторопным, глуповатым брюзгой.

Поход за невестой для Дам Зи, который предпринимают братья, чреват опасностями. Мать предостерегает сыновей. По-видимому, речь здесь идет о том же обычае, который хотел утвердить Дам Шан, отправляясь за женщиной Солнцем.

Можно предположить, что рассказ о морском путешествии и морском сражении (заключительный эпизод сказания) восходит к древним историческим воспоминаниям горного народа эдэ, который, видимо, жил когда-то у моря, либо заимствован из фольклора других народов.

В сказаниях эдэ намечается дальнейший процесс циклизации. Многие герои, занимающие центральное место в одних сказаниях, выступают также и в других, но уже в качестве второстепенных персонажей. Так, герои «Сказания о Дам Зи» торжествуют победу над Дам Шаном, главным героем «Сказания о Дам Шане». Возможно, здесь сказывается влияние местных племенных тенденций: свой, местный, герой побеждает прославленного, но чужого, бесчисленно приумножая тем самым собственную славу и богатство.

В эту книгу вошла лишь небольшая часть эпического наследия

вьетнамских гор. Представленные в ней сказания говорят о мужестве, трудолюбии и неиссякаемом оптимизме народа.

Н. Никулин

Сказание о Дам Шане

I

Стала Хэни сзывать братьев:

— О брат мой, И Зин! О брат мой, И Лин! О братья, И Зан и И Лан, И Сух и И Сах! Живы ли вы, мои братья? Спешите ко мне!

Спросил И Зин:

— Зачем ты сзываешь братьев, сестра?

Отвечает Хэни:

— О братья, не ради пустячных дел я вам кинула клич. Далеко разнеслась добрая слава о нашей семье, даже горные духи о нас прослышали. И в восточной стороне и в западной — повсюду люди заводят речь о сестрах Хэни и Хэбхи. Как на могучем дереве не счесть веток и листьев, так не счесть наших родичей. Отчего тогда мы живем в печали, отчего нет у нас в доме мужа?

И снова спрашивает И Зин:

— Кто тебе полюбился, сестра? К кому ты прилипла сердцем? На чей зов откликнулась?

— Ни на чей я зов не откликалась. Кого нам выберут старшие братья, того мы и полюбим. А наперекор не пойдем — ни братьям нашим, ни родителям.

Говорит И Зин:

— Живут на свете два брата. Одного зовут И Коат, другого зовут И Моат. Старший брат одет в железный панцирь, младший брат одет в стальной панцирь. Оба они воины, богатыри, славятся силой. Хотите вы их взять в мужья, о сестры?

Отвечает Хэни:

— Я не хочу. Ни одного не хочу взять в мужья. И мне все равно, что они могучие вожди, и мне все равно, что они владеют множеством звонкоголосых гонгов.

— Кого же ты хочешь в мужья, если тебе не по нраву воин, одетый в панцирь из стали?

— Я Дам Шана возьму в мужья, бабка мне так велела, и дед нарек Дам Шана моим женихом, но бабка моя, Хэклу, умерла, и отдали меня в жены моему деду — И Кла. Дед сажал меня на колени, а Дам Шана брал на спину. Принес дед в жертву небесным духам буйвола и сотворил молитву. А потом сказал: «Не долго быть тебе моей женою. Я уже стар, я как чахлое поле в горах, как сухое трухлявое дерево».

Когда еще была жива моя бабка, дед ей говорил: «Пусть женою и мужем станут Хэни и Дам Шан. А если Дам Шан возьмет себе в жены девушку из другого селенья, в западной стороне или в восточной, пусть он будет тогда пастухом, пасет табуны для Хэни, пусть он будет погонщиком, пусть стережет слонов для Хэни, пусть подметает за слонами навоз, убирает навоз за лошадьми. А если Дам Шан возьмет в жены Хэни, станет он могучим вождем, будет владеть множеством гонгов. Если Хэни пойдет

за парня из другого селенья, в западной стороне или в восточной, пусть пасет у Дам Шана свиней, пусть стережет у Дам Шана кур, пусть задает корм его свиньям и гнезда для кур готовит».

Так говорил мой дед. Если Дам Шан возьмет меня в жены, он станет могучим вождем и будет владеть множеством бронзовых гонгов.

Пойди, о брат, спроси у Дам Шана, чтит ли он заветы, нашего деда, помнит ли, что дед говорил? Или забыл его слова?

Отвечает И Зин:

— Какого же буйвола выбрать и в жертву богам принести в честь сватовства? Какого нам выбрать быка? Какого взять борова? Надобно устроить праздник, забить кур и принести вина. Эй, в доме! Кто лучше всех умеет привязать к столбу кувшин с вином, пусть привяжет! Кто искусен жарить курицу, пусть жарит курицу! Кто горазд вешать гонги, пусть развесит гонги!

Вскричали слуги:

— О госпожа, в какой гонг ударить?

И отвечала госпожа:

— Ударьте в самые громкоголосые гонги, ударьте в самые звонкоголосые гонги! Бейте, пусть их звон дойдет до всех краев! Бейте, пусть услышат в каждом доме этот звон! Пусть он в землю уйдет сквозь настил! Бейте, пусть его небеса услышат! Пусть обезьяны от страха свалятся с ветвей на землю! Бейте, пусть злые духи его услышат и не причиняют зла людям. Пусть мыши и кроты перестанут рыть свои норы! Пусть змеи в испуге выползут из всех расселин! Пусть лани и олени застынут на месте, уши наострят, пусть зайцы наострят уши, выронят травинки изо рта. Пусть все сущее слушает Хэни и Хэбхи!

Вот окончено пиршество. И Зин, И Лин, И Лан, И Сух, И Сах поднялись с циновок и ушли. Вскочили они на коней, а у коней округлы спины, как у белок-летяг. Вскочили они на коней, а у коней коротки спины, как у белок-летяг. И понеслись кони.

Взвились — миновали гору, подпрыгнули — водопад позади остался! Быстрее ветра долетели они до селенья. Или так скажем: прилетели, будто ветром подхваченные.

И увидели братья селенье на вершине горы, горбатой, как черепаха. На склонах горы поля раскинулись. Как муравьи, кишат стада быков. А тропа меж полей до того широка, что если встанут на ней два воина, один протянет копье, другой протянет меч, меч и копье не коснутся друг друга. Разворотили тропу конские копыта, посмотришь издали — похожа тропа на старую лохматую веревку. В селенье ходят юные рабыни — сосок к

соску, толпятся юные рабы — плечом к плечу.

Лучше места не сыщешь в целом свете!

Куда ни взглянешь, везде следы копыт — их так много, как следов тысяченожек. От ног слоновьих в земле остались вмятины, огромные, как ступа. А медных котлов в селенье столько, сколько улиток в лесу. Дома там длинные, как звон гонга. Террасы широкие — птице не облететь. Возле каждого дома и на каждом крыльце скачут дрозды, резвятся золотые иволги. Узорные платки сушатся на шестах, им счету нет.

Два брата оставили коней на привязи, одолели двумя прыжками лестницу, потом дважды топнули ногою, и закачался дом — семь раз качнулся вправо и семь влево.

И Зин вонзил нож в стену, И Лин вонзил нож в стену. Потом они уселись, руки положили на колени, тонкие оба, как нити, гибкие, как пламя. Славные гости, доброго обхожденья достойные.

Родные сестры храброго Дам Шана, Хэли и Хэанг, сидели в этот час за плетеной стеной.

Говорят они:

— Надобно гостей приветить! Эй, кто циновки стелет — несите-ка циновки побыстрее, кто стелет одеяла — несите одеяла! И изголовье приготовьте! Кто бетель подает, пусть несет бетель. Табак мелко нарежьте и положите в медную чашу. Бетель приготовьте искусно, в блюдо медное положите! О мужи! — сказали они затем. — Что привело сюда столь уважаемых и чтимых вождей? Что привело вас к нам, ничтожным?

— Мы пришли, сестра, не для того, чтобы валить плетни или ломать изгородь. Нет, мы полны смиренья. Мы лишь хотим одно дело с тобою рассудить.

Слуги постелили белые циновки, а сверху постелили красные циновки.

Направилась Хэли в Дамшановы покои, плывет Хэли, как пава, — стан у нее стройный, гибкий. Распахнула она две створки двери. В покоях — две скамьи и две подушки. Дам Шан в гамаке лежит, рассыпались по гонгу волосы.

И говорит Хэли:

— О брат мой! В дом нагрянули чужеземцы-тъямы, выйди приветить гостей. Старший из них посредине сидит, тебя дожидается.

Отвечает Дам Шан:

— Не стану привечать гостей! А вы зажарьте курицу и принесите кувшинчик вина. Молодого вина, пятидневного.

Холи все сделала, как брат велел. Положила в огонь курицу, — мало

ей показалось одной курицы, еще одну зажарила. Рис очистила, и засиял он, как цветок эпанг, засверкал, будто солнце. Варить его стала. Быстро сварила: не успела изжевать листок бетеля, а рис уже и подавать можно. Разложила она яства на блюда чеканной меди, перед гостями поставила:

— Отведайте, гости.

И Зин пододвинулся к блюду, И Лин пододвинулся к блюду.

Говорит Хэанг:

— Отведайте моего риса, который плесенью пахнет, поганой похлебкой моей не погнушайтесь, курицу ястреб задрал, да жрать не стал. А стряпал для вас попугай, тот самый, которого ястреб трепал.

И Зин и И Лин съели самую малость и отодвинули блюдо.

Говорит Хэанг:

— Почему, о мужи, вы едва прикоснулись к рису, отчего погнушались моим угощением? Неужто напрасны наши труды?

Отвечает И Зин:

— Так сытно я никогда еще не ел. Дома один огурец грызу три года. А одного арбуза мне на три жизни хватило бы.

Кликнула слуг Хэанг:

— Эй, слуги! Бегите скорей за вином!

— Какой кувшин достать, о госпожа?

— Тот, что с черным-пречерным вином, тот, что восемь лет в земле простоял. Тот, который с натугой поднимают пять пар рабов с шестью, а трое снизу поддерживают.

И закричали слуги:

— Несите мотыги, несите скорее, будем кувшин откапывать!

И обратились они к кувшину с такими словами:

— Не сетуй, господин, на судьбу! Пусть сладким будет твое вино, а не кислым. Пусть выпьют его за доброе дело, а не за злое. Эй, братцы! Дружно возьмемся и взвалим на спину!

И вносят слуги кувшин в дом.

— Кто лучше всех умеет привязать к столбу кувшин с вином, пусть привяжет. Кто горазд вешать гонги, пусть живо развесит гонги.

— А в какой из гонгов ударить, о госпожа? — спросили слуги.

— Ударьте в самые громкоголосые гонги, ударьте в самые звонкоголосые гонги! Бейте! Пусть их звон дойдет до всех краев! Бейте! Пусть услышат в каждом доме этот звон! Пусть он в землю уйдет сквозь настил! Бейте! Пусть его небеса услышат! Бейте, бейте! Пусть обезьяны от страха свалятся с ветвей на землю! Пусть нас духи его услышат и не причиняют зла людям! Пусть перестанут рыть свои норы мыши и кроты!

Пусть змеи застынут в изумление, пусть вздрогнут зайцы. Пусть поднимут уши лани и олени, позабудут о траве. Пусть все сущее слушает гонги Дам Шана!

И говорит Хэанг:

— Пейте вино. Оно будто ягоды в джунглях. Сварено всего три дня назад.

И Зин подошел к кувшину и стал пить. Вино было крепкое — еще не успело по глотке разлиться, а уж в голову ударило и уши у И Зина вниз опустились. Стал тянуть И Зин через тростинку вино. Сделал первый глоток — кувшин на треть опустел. Сделал второй глоток — кувшин опустел наполовину. Сделал третий глоток — в кувшине ничего не осталось.

Говорит И Зин:

— Я кувшин до дна осушил.

— Теперь воды налейте в кувшин, — велела Хэанг.

Тотчас наполнили кувшин водой, и Хэанг опустила в кувшин тростинку, стала пить. А пока она пила, И Зин говорил:

— Не станем скрывать, зачем мы к тебе пришли. Когда идут на рыбную ловлю, совет держат, как ловить рыбу. А у нас к Дам Шану дело, с ним совет хотим держать. Где же он, куда запропастился?

Отвечает Хэанг:

— Дам Шан дома, он в дальних покоях.

— Отчего же он не выйдет гостей приветить? Как льнет юноша к девушке, как ищет пчела цветок, так ожидали мы встречи с вами. А разговор у нас будет особый, без табака и бетеля не обойтись.

Услышала это Хэанг, поднялась и пошла к Дам Шану:

— О брат! Выходи! В дом нагрянули чужеземцы-тъямы. Старший из них ждет тебя не дождется.

— Что же им надобно?

— Сватать пришли тебя, брат. Сватать в мужья Хэни и Хэбхи.

— Нет, сестра! Не нужны мне в жены ни Хэни, ни Хэбхи. Устрой им пированье, вели забить буйвола, пусть и живого буйвола с собой уведут. Мало им покажется — бронзовый гонг прибавь, слона отдай, раба подари!

Вернулась из дальних покоев Хэанг, плавно станом покачивает. И говорит Хэанг гостям:

— Кто от рисовых полей птиц отгоняет, получает в награду бананы и сахарный тростник. В знак добрых чувств вы привезли нам медный браслет. Но не захотел брат принять его — он не сможет верши плести для Хэни, привязывать цепями слона, седлать коней, стеречь добро.

И Зин отвечал:

— Не беда, что он не сможет верши плести, не беда, что он не сможет цепями слона привязывать. Пусть воссядет он на циновке, пусть повторяет заветы, которые оставили нам предки — прабабки наши и пращуры. А если не согласится, пусть узнает тогда, как мы чтим заветы предков. Хочет Дам Шан получить от нас медные гонги в подарок, привезем ему гонги. Хочет слонов или хочет рабов, приведем ему рабов и слонов. Только мы непременно должны его сосватать.

Говорит Хэанг:

— Как из безмозгой черепашьей головы не достанешь мозга, как с увядшего цветка не соберешь меду, как не заставишь благоухать камень, так не прикажешь сыну вождя сделать то, что ему не по нраву. Но он хочет отдариться. Возьмите же эти звонкоголосые гонги.

И Зин удивился:

— На что нам надобны ваши гонги? Разве мы малые дети, разве не можем сосватать мужа сестрам своим? Эй, И Лин, эй, И Лан! Что вы стоите там, во дворе? Найдите веревку, изловите быка из стада, которым владеют хозяева этого дома, мяса покушаем вволю. Пусть не думают, будто мы глупые малые дети, которые не могут сестрам мужа сосватать.

Надела тогда Хэли безрукавку, шпильку воткнула в волосы, как делают женщины из племени бих и из племени мнонг, вошла в покои к Дам Шану, за левое ухо до крови его ущипнула, за правое дернула — кровь потекла. Потом принялась бить его по спине. Скрючился от боли Дам Шан и говорит:

— За что бьешь ты меня, сестра?

Отвечает Хэли:

— За что бью тебя? А ты пойдй погляди, что в доме творится. В нем полно чужеземцев. Тесно стало в доме от чужаков. Старший из них посредине сидит, тебя ищет. Теперь что ни день будут братья Хэни съедать по быку, что ни день станут съедать по буйволу. Рассердились они, что ты не хочешь их приветить.

И вскричал тут Дам Шан:

— Эй, слуги! Несите котел с водой, я вымою руки, несите чашу с водой, я омою лицо.

Плащ, что был под рукою, Дам Шан отбросил — он старым ему показался, и другой плащ взял взамен. Рубаху красивее надел и набедренную повязку поярче. Вышел из покоев Дам Шан, за ним — пятеро слуг.

Спросил Дам Шан у слуг:

— Хорош ли мой наряд?

— О господин, — отвечали слуги, — отменный наряд! О господин, красивейший наряд!

Но снял Дам Шан набедренную повязку и повязал другую, еще красивее, надел рубаху еще краше. Повязка засверкала, будто цветок кэу. Рубаху ему пожаловало само Небо. Сияла шапка, как цветок эме. Поистине молодой вождь и богатырь отважный. К гостям вышел Дам Шан: впереди сто слуг и тысяча позади, а в середине выступает сам Дам Шан.

Воссел он на скамью, под ноги ему циновки постелили, вниз белые, а сверху алые. Яркий румянец играет на щеках, будто от гнева или от вина. Смеются губы, как спелый арбуз красные, будто побеги чеснока тонкие. Шея гладкая — баклажан созревший. Борода густая, как лиана, извивается. Посмотришь на Дам Шана — глаз не отведешь.

А в это время к дому Хэни, опираясь на посох, пожаловало само Небо, чтобы сватовство уладить.

Спрашивает Небо:

— О дети мои, неужто все еще нету в вашем доме жениха?

Хэни отвечала:

— О том я не знаю. Я даже не ведаю, согласен он или не согласен. Может быть, и не согласен. Братья еще не вернулись.

И молвило Небо:

— Добром вы не кончите дело, если будете полагаться на братьев. Самим вам надобно ехать к Дам Шану и брак с ним заключить.

— Эй, слуги! — крикнула Хэни. — Поймайте завтра на заре слонов и приведите их сюда.

— О госпожа, каких слонов пригнать? — спросили слуги.

— Самцов поймайте длиннохвостых, тех слонов, у которых бивни прямые, а не гнутые. Эти слоны наводят страх на людей и днем и ночью.

Пригнали слуги слонов, седла, плетенные из индийского тростника, укрепили на спинах самцов, на спинах самок — седла чуть помягче. К тому слону, который с одним бивнем, звонкие колокольца привязали. Дважды меняли наряд Хэни и Хэбхи — и один другого был лучше. Сверкали юбки, словно цветок кэу, сияли кофты, как цветок эме. Этот наряд им подарило само Небо.

— Хорош ли наш наряд? — Хэни спросила слуг.

— О госпожа, отменный наряд! О госпожа, красивейший наряд!

На левой руке — золотой браслет, на правой руке — двойное запястье. Точно стальной щит, блестит тело; волосы уложены на затылке в пучок, как у женщин из племени мнонг, как у женщин эдэ перевязаны спереди.

Одна только прядь ниспадает свободно, развевается, как перья у павы. Волосы гладко причесаны, блестящий пучок — как шишак на огромном гонге. Что ни шаг — надувается юбка от ветра, будто наседка, которая хочет цыплят защитить, распушив свои перья, что ни шаг, то мерещится хлопанье крыльев взлетающей птицы меланг, что ни шаг — налетает ветра порыв, унося шелуху и мякину от рисовых зерен.

Сели Хэни и Хэбхи на слонов; слуги положили на седла белые циновки, а сверху еще алые; подушки тоже не забыли. Припасли табак и бетель.

И отправились сестры к селенью Дам Шана. Когда подошли совсем близко, Хэни вдруг спрашивает:

— Где тропа, которая прямо к селенью Дам Шана ведет?

Откликнулся прохожий, юный И Дам:

— Подождите меня. Я тоже в селенье Дам Шана спешу, чтобы гонги продать. Я — пеший, а вы — на слонах, почему бы не взять и меня вам с собой?

— Эй, юноша! Взбирайся скорей на слона, вместе поедем.

И поехали они вдвоем на одном слоне. Сначала И Дам попросил у Хэни табака и крепко прильнул к ней. Потом спросил бетеля. Сам же подарил ей звонкоголосый гонг.

И сказала тогда Хэбхи:

— Не знала я, сестра, что у тебя уже есть муж. Не знала я, о ком ты мечтала. А мне такой муж не нужен. Я на слоне ездить хочу, а не босиком ходить. Хочу рабами владеть! Эй, погонщик! Поворачивай-ка слонов. Сестра уже нашла себе мужа.

Сказала Хэни И Даму:

— Оставь меня, юноша, ступай себе.

А Хэбхи не унималась:

— Сестра! Такое постыдное дело я не могу стерпеть.

И снова сказала Хэни И Даму:

— Покинь же меня, юноша. Разве ты не видишь, что сестра сердится? Сестра, — снова сказала Хэни. — И Дам ушел. Теперь мы поедем с тобою вдвоем.

Подъехали сестры к селенью Дам Шана. Увидели слуг, которые рушили рис, и спрашивают:

— Эй, слуги! Где живет здешний вождь, покажите!

Отвечают слуги:

— Откуда здесь взяться вождю? Мы равны меж собою, как воды в ручье, как арековые пальмы в роще.

Сказала Хэни:

— Зачем смеяться над нами, или вы глупцы, которые только и знают, что муравьев ловить?

Сказали ей слуги:

— Ничего мы не знаем. Пойдите спросите того кузнеца. Он скажет вам верное слово.

Так и сделали сестры, подъехали к кузнецу и спросили:

— О, молви, старый, какая тропа ведет к дому вождя?

Ответил кузнец:

— Неужто вы до сих пор не научились отличать богатый дом от бедного дома? Так знайте же: в богатом доме свиней из бамбуковой кадки кормят, а в бедном доме — из бронзовых гонгов.

Рассердилась Хэни:

— Будто глупец насмехается ты, старый, над нами!

Подъехали сестры к дому Дам Шана. К помосту слоны подошли. Спрыгнули сестры на землю. И вот сто рабов идут впереди, тысяча идет позади, а посередине Хэни и Хэбхи выступают. Подошли к тому месту, где свалены были дрова и нечистоты, остановились.

Раздался голос Дам Шана:

— О сестры, Хэли и Хэанг! Куда вы смотрите? Разве не видите, что гости стоят возле дров, что они повесили на плетень кнут, которым погоняют слонов, что они положили на помост седло? Их слоны ушами прядают, о землю ногами бьют.

Поспешно вышли Хэли и Хэанг, циновки перед гостями расстелили.

Хэанг сказала:

— Присядьте на циновки, сестры.

— Мы и постоять можем, вы за гостей нас не почитайте.

— За гостей? Гости я здесь не вижу, — был ответ.

Уселись сестры на циновки — Хэни села на красную циновку, Хэбхи села на красную циновку. Хэли и Хэанг тоже на красные циновки сели.

Тут поднялся с ложа Дам Шан, взял в руки кинжал с изукрашенной рукоятью, спрыгнул на землю и пошел — спокойно и плавно. Шагнет — и руку выбросит вперед, потом другую, да так проворно! Проворнее змеиное идет он по тропе, быстрее змеи прао хэмай по траве скользит, везде проходит без труда.

Пришел Дам Шан к дому Хэбиа Дьет Ключить, своей возлюбленной, поднялся на помост, с силой топнул у порога — семь раз качнулся дом. Дам Шан вонзил кинжал в плетень и вошел в покои.

Неласково встретила его Хэбиа:

— Никак, пожаловал тот молодец, которого ястребы клевали да коршуны трепали. Что надобно тебе? Или примерещилось, что умерла я и ты для меня гроб принес?

— Не гневайся! Ведь скоро я буду есть рис в чужом доме, пить вино в чужом доме, буду есть мясо чужих буйволов и быков. А сейчас ты малый кувшин вина принеси, выпьем его с тобой вместе. Табаку и бетелю принеси. А услышишь звон гонгов в моем доме — приходи, только не мешкай.

Возвратился Дам Шан к себе и вскричал:

— Эй, слуги! Кто горазд — вино готовьте! Кто горазд — развешивайте гонги! Кто горазд — буйволятину жарьте побыстрее!

Зазвонили гонги, загремели барабаны, прокатилось вдали эхо, и наступила тишина.

Воскликнула Хэбиа:

— Эй, слуги! Слышите? Гонги звенят в доме Дам Шана, барабаны гремят в доме Дам Шана.

Надела Хэбиа новую юбку. Потом другую, еще краше, надела. И вышла. И вот уже идут сто рабов впереди, позади — тысяча, а Хэбиа посередине выступает. Подошла она к дому Дам Шана, туда, где дрова были свалены. Увидел ее Дам Шан и крикнул сестрам:

— Эй, Хэли и Хэанг! Куда вы смотрите? Разве не видите, что гостья стоит возле дров, повесила на плетень кнут, которым погоняют слонов, положила на помост седло? Ее слон прядает ушами и о землю ногами бьет!

Тут Хэли и Хэанг циновки перед гостьей расстелили.

— Присядь, сестра!

— Могу и постоять. За гостью вы меня не почитайте. Здесь гости-чужаки — другие.

— Какие гости? Гостей я здесь не вижу, — был ответ.

И Хэбиа на циновку села. Стал сравнивать Дам Шан. Сперва сравнил он Хэли и Хэанг, и видит: Хэли красивей на три пальца. Потом сравнил он Хэбхи и Хэанг, и видит: Хэанг красивей на три пальца. Сравнил Хэбхи и Хэни, и видит: Хэбхи красивей на три пальца. Сравнил он Хэни с Хэбиа, и видит: Хэни красивей на три пальца.

И принялись тут все за яства и вина. Народ собрался со всего селенья. Принесли в жертву душам умерших предков и душам вождей пять кувшинов вина и буйвола. Помолились за здоровье Дам Шана, и снова жертву принесли: пять кувшинов больших и буйвола. Выпили соседи все вино и удалились восвояси.

Хэни вскричала:

— Эй, слуги! Седлайте слонов!

И слуги водрузили седла. Взобрались на слонов Хэни и Хэбхи.

Хэни опять вскричала:

— Тот, кто должен заменить нам умершего мужа, пусть сядет с нами на слона!

Дам Шан ответил:

— Раз вы владеете слонами, езжайте, а сын вождя пойдет пешком.

Хэни и Хэбхи быстро спрыгнули на землю и пошли пешком, с Дам Шаном рядом. Когда они приблизились к ручью, Дам Шан сказал:

— Давайте побежим к селенью. Если вместе прибежим, возьму вас в жены. А отстанете — не возьму.

И побежали они. Быстро побежали, что есть мочи. Вдруг на ноге у Хэни вскочил волдырь.

— Послушай, Дам Шан! Волдырь хочу проткнуть, дай меч!

— На что тебе меч? Я перевяжу твой волдырь шелковым платком. Я оберну твой волдырь шелковой накидкой!

Так он и сделал, и опять все трое пустились в путь. Бежали долго — мимо пастбищ, где буйволы паслись, мимо тех мест, откуда бумажных змеев запускают, и прибежали прямо к дому Хэни. Только Хэни вошла в дом, как рухнула без памяти. Взметнулась кверху юбка, взметнулась кофта. А Хэбхи лишь до дому добежать успела и на пороге рухнула, ноги торчат наружу, а голова в доме. В лохмотьях кофта, юбка вся в клочья изодрана. А Дам Шан уже сидит спокойно возле дома. После полудня, когда солнце осветило террасу, явились Дамшановы сестры. Долго пришлось им звать Хэни и Хэбхи, еле дозволились.

— О сестры! Сосватали мы вам мужа, и теперь он в вашем доме. Сколько буйволов надобно умершим предкам в жертву принести?

Хэни отвечала:

— Принесем в жертву пять кувшинов вина и буйвола, чтобы почтить умерших предков. Семь кувшинов вина и буйвола принесем мы в жертву за здоровье Дам Шана. За здоровье Хэни — пять кувшинов вина и буйвола. А Хэли и Хэанг — сестрам Дам Шана — по буйволу подарим. Слона подарим матери Дам Шана, и к слону в придачу — погонщика. Еще ей надо подарить рабынь, чтобы рис варили, рабов, чтоб травы собирали и буйволов на закланье водили.

Ел Дам Шан свинину и вином запивал. Так все до утра пили, а утром родня Дам Шана собралась домой.

На прощанье молвила Хэанг:

— О брат! О женах заботься, пусть они будут счастливы. Смотри,

бездельником не стань, гулякой не сделайся. С самого утра, пораньше, в поле выходи, а после полудня расставляй силки и сети, птиц и зверей лови, чтоб жены дичью лакомились.

II

День целый отдыхал Дам Шан и ночь отдыхал. А утром проснулся, увидел во дворе бревно и кликнул парней из селенья:

— Эй, идите все ко мне, придумал я забаву, давайте бревно толкать — посмотрим, кто из нас сильнее.

По одну сторону бревна пятеро рослых парней встало, а по другую сторону — Дам Шан. Начали толкать бревно — кто кого переборет. Верх взял Дам Шан.

Сказал тогда И Зин:

— Свояк, ты стань на наше место, а мы на твое встанем.

И снова встали пятеро против Дам Шана, а он один как перст. Весь день предавались забаве, и каждый раз верх брал Дам Шан.

Но тут Хэбхи подала голос:

— Муж мой, иди скорее в дом! На блюде рис стынет, курица, которую я для тебя зажарила, засохла, стала будто костлявый тощий ястреб.

— Что мне спешить домой? — ответил Дам Шан. — Садитесь, ешьте, если голодны. Я занят: видишь, бревно с молодцами толкаю.

Сказал — и снова забаве своей предался. Но Хэбхи опять его позвала:

— О муж мой! К нам в дом явился незнакомец, слона торгует.

— А мне что за дело? — ответил Дам Шан. — Если хочешь — покупай, не хочешь покупать — не надо. Когда я не жил в вашем доме, кто для вас покупки делал?

Хэни и Хэбхи сами купили слона.

Говорит Хэбхи:

— Только и славы, что у нас есть теперь муж. А в доме все по-прежнему. Муж должен, восседая на циновке, стеречь добро, заветы предков хранить. У нас же будто вовсе нету мужа.

Дам Шан все это слышал — он стоял под помостом, — быстро поднялся в дом, схватил свой нож и ушел.

Хэни вскричала:

— О муж мой, куда ты? Вернись, поешь хоть рису.

Дам Шан не ответил. Не от вина было красно лицо его, а от гнева, когда возвращался он к дому старшей сестры.

Спросила Хэанг:

— Брат мой, где твои жены?

Дам Шан отвечал:

— Какие там жены... Я им не нужен, да и мне они надоели. Не хотел я жениться, но была на то твоя воля, сестра.

Сказал так Дам Шан и ушел в покои, улегся в гамак. Рассыпались волосы по циновке. Весь день и всю ночь он держал дверь на запоре.

Тут явилась Хэни.

— Ты не видала Дам Шана, сестра? — спросила она Хэанг. — Он к тебе в дом не вернулся?

— Дам Шан у себя в покоях. А что меж вами случилось? Вы затеяли ссору?

— Не затевали мы ссоры, — отвечала Хэни. — Хэбхи позвала Дам Шана рису поесть, а он разгневался и покинул дом.

Сказала так Хэни и пошла в Дамшановы покои.

— О муж мой! Возвратись к нам в дом! Родичи там тебя ждут и рабы!

— А что за нужда мне туда возвращаться? Нет, лучше я в своем доме останусь.

Надели тогда Хэни и Хэбхи корзины на плечи, побрели к ручью за водой. Увидел их Дам Шан в окно и грозно вскричал:

— Что смотрите, рабы и слуги, что глаза таращите? Или не знаете, что перед вами дочери вождей самых могучих и богатых?

Тут слуги разом кинулись за сестрами, корзины у них взяли с тыквенными бутылками: кто одну, кто две. Когда же Хэни и Хэбхи возвратились, Дам Шан им сказал:

— Велите изловить слона и сюда привести!

Бросились слуги слона ловить.

— Эй, слон! Эй, слон! — зывали они громко. — Ты ешь побеги бамбуковые, ты жуешь листья в зарослях бамбуковых. Хэни — твоя госпожа, Хэбхи — твоя госпожа.

Услышал это слон, и ярость его обуяла, грозно затрубил он и ринулся на слуг. Укрылись слуги в зарослях бамбука, но слон растоптал и расшвырял бамбук. В другую рощу побежали, слон и ее в щепы разнес, кому-то бедро раздробил, кому-то ногу размозжил. В страхе слуги бросились к дому хозяев, жалобно закричали:

— Не можем мы изловить слона, не можем его сюда привести. Он взъярился, обуздать нам его не под силу. Мы боимся его. Кто ни пойдти из нас, он любого растопчет.

Хэни на мужа посмотрела:

— Как же нам быть, Дам Шан? Выходит, никто тут у вас слона не смеет поймать и привести сюда?

Поднялся тут Дам Шан:

— Я изловлю слона! Вот только длинный железный прут возьму и брусочек захвачу тяжелый, медный. Укрошу слона!

Два храбреца пошли на пастбище слонов к лугам. Один — Дам Шан, второй — Прон Мын, известный своим упрямством.

Сказал Дам Шан:

— Зови слона.

Прон Мын ответил:

— Боюсь я звать слона, он — бешеный. Не ровен час придавит да растопчет.

— Смерти страшишься? Трус! Зови слона!

Прон Мын повиновался:

— О слон! Ты ешь побеги бамбуковые, ты жуешь листья в зарослях бамбуковых. Хэни — твоя госпожа, Хэбхи — твоя госпожа.

Опять взъярился слон, грозно затрубил и в дикой злобе помчался на Прон Мына. Испугался Прон Мын и за Дам Шана спрятался.

Дам Шан вскричал:

— Эй, слон! Презренный! Ты бесишься! Как госпожа твоя, Хэни.

Тут на колени слон припал, склонился, внимая словам Дам Шана.

Взобрались Дам Шан и Прон Мын на слона. Но слон к селенью не пошел, а в лес помчался и там остановился перед большим баньяном. Понукает его Дам Шан, а слон и шагу не ступит.

Поднял тогда Дам Шан голову и на баньяне среди листьев увидел две ветви с цветами: на одной сияли нежною красотою три цветка, на другой благоухали два цветка.

Сказал Дам Шан:

— Спускаюсь-ка я и привяжу на цепь слона.

Сказал он так и длинной палицей с крюком захотел достать цветы.

— На что тебе эти цветы? — подивился Прон Мын.

— Хочу их унести с собою, — сказал Дам Шан и стал карабкаться вверх по стволу. Но только он добрался до цветов и прикоснулся к ним, цветы на другие ветки перелетели, на те, что были рядом. Дам Шан за ними потянулся, но цветы, будто на крыльях, дальше перелетели. Как ни старался Дам Шан, не мог он до цветов добраться и наконец, усталый, так и заснул на ветке. Спал крепко, а душа его улетела тем временем к божеству, которое Небом зовется.

Говорит Небо:

— Сорвать те цветы, Дам Шан, тебе не под силу, ими владеют Хэни и Хэбхи. Если ты согласишься жить у них в доме, я подарю тебе эти цветы, наслаждайся ими, сколько душе угодно.

Дам Шан отвечал:

— Уж лучше умереть, чем быть мужем Хэни, лучше любые муки принять, чем быть мужем Хэбхи.

Молвило Небо:

— Коли не хочешь ты, сын мой, пешим ходить, коли желаешь рабами владеть и слонами, ты должен взять в жены Хэни и Хэбхи.

— О Хэни, — спрашивает меж тем Хэбхи, — скажи, отчего Дам Шан до сих пор не вернулся? Быть может, его растоптал слон? Пойдем же поищем его!

И они побрели по следам слона, того, который увез Дам Шана, и добрались до баньяна, увидели цветы и сели в густой тени, ожидая, что будет.

Сказало тогда Небо Дам Шану:

— Взгляни, твои жены пришли.

— Жены? Какие жены? Лучше возьми мою жизнь, лишь не вели жениться на Хэни и Хэбхи.

Грозно нахмурилось Небо:

— Правду ли ты говоришь?

— Правду, — отвечает Дам Шан.

Взяло тогда Небо бамбуковую трубку, длинную, сучковатую, замахнулось, да как стукнет Дам Шана по голове, и погрузился Дам Шан в смертный сон. Оживило Небо Дам Шана и спрашивает:

— Теперь ты согласен жить в доме Хэни и Хэбхи?

— Нет, не согласен, — ответил Дам Шан.

Семь раз ударяло Небо Дам Шана длинной бамбуковой трубкой, семь раз погружался Дам Шан в смертный сон, и семь раз Небо его оживляло. И когда в седьмой раз Небо спросило:

— Что ты теперь надумал, Дам Шан?

Дам Шан отвечал:

— Я согласен. А правда, что пешком я больше не буду ходить, если стану жить с Хэни и Хэбхи, правда, что буду владеть во множестве слонами и рабами?

Отвечает Небо:

— Обещаю тебе это.

Дам Шан очнулся от смертного сна, смело дотронулся до веток

цветущих, но упали ветки: одна — прямо в рукав Хэни, другая — в рукав Хэбхи.

Дам Шан им сказал:

— О Хэни, о Хэбхи! Не видали вы, куда делись цветы, те, что с баньяна упали на землю?

Хэни отвечала:

— О муж мой, я не видела их.

Дам Шан спустился с баньяна и вместе с Хэни и Хэбхи стал искать чудо-цветы. Искал, искал — все напрасно. Втроем они в дом возвратились, и Дам Шан сказал:

— О Хэни, о Хэбхи! Вы должны покинуть мой дом. Вернетесь, когда я найду те цветы. А если не найду, мужем я вам не буду, а вы не будете женами мне.

Побрели Хэни и Хэбхи прочь из дома Дам Шана. Вышла Хэни во двор и вдруг видит — цветы у нее в рукаве. Обрадовалась Хэни и как закричит:

— Я чудо-цветы нашла!

— Верно ли ты говоришь? — спросил Дам Шан.

— Верно.

— И Хэбхи нашла цветы?

— Нашла! — звонким голосом отвечала Хэбхи. Возрадовался Дам Шан, сел на слона и вместе с Хэни и Хэбхи отправился в их селенье.

Сказала Хэни:

— Взгляните на эти цветы! Крылышки-лепестки мы разделим и тотчас съедем, а стебли дома сварим с сердцем быка и тоже съедем.

Вслед за Хэни повторяла Хэбхи:

— Эти цветы — чудо из чудес! Крылышки-лепестки мы тотчас съедем, а стебли сварим с сердцем быка.

На полпути вспомнил Дам Шан, что оставил дома рубахи и набедренные повязки и решил вернуться за ними.

— Хэни, ты жди меня здесь, а Хэбхи пусть идет вперед. Я возвращусь домой, возьму рубахи и набедренные повязки.

Потом он сказал слону:

— Эй, слон! Если увидишь толстый бамбук — срывай с него листья, увидишь тонкий бамбук — ешь побеги. Твоя госпожа Хэни сидит у тебя на спине.

Дам Шан вернулся домой, пошел в покои, чтобы одежды собрать, но вдруг уснул крепким сном. Слон ждал его целую ночь, ждал целый день и еще одну ночь, а на третью ночь убежал. Добрался слон до зеленых лесов, до буйных зарослей, поднялся на дальние горы. Тут слона увидал Пак Куэ,

друг Дам Шана, он по лесам бродил, ходил вдоль рек, охотился на птиц и зверей.

Пак Куэ удивился:

— Что за слон, откуда он взялся? Не жена ли Дам Шана сидит у него на спине?

Тут Хэни подала голос:

— О юноша! Помоги мне усмирить слона!

— Какими словами я должен его подозвать? Скажи мне!

— Вот какими словами: «Эй, слон! Эй, слон! Ты ешь побеги бамбуковые, ты жуешь листья в зарослях бамбуковых. Хэни — твоя госпожа, Хэбхи — твоя госпожа».

Хотел Пак Куэ подозвать слона, но тот затрубил что есть мочи и ринулся на Пак Куэ. Побежал Пак Куэ, укрылся в бамбуковой роще, но слон растоптал и расшвырял бамбук; укрылся тогда Пак Куэ в соседней роще, но слон, все круша своими бивнями, и там его настиг, только треск кругом раздавался.

Сказала Хэни:

— Не усмирить нам слона! Поспеши в селенье к Дам Шану, передай, что семь дней я его жду, семь ночей дожидаясь.

Ушел Пак Куэ, у ручья повстречал он Хэли и спросил:

— О сестра! Где мой друг, где Дам Шан?

— У жен своих в доме, — отвечала Хэли.

— У жен? Но одну из них слон унес в джунгли, которые зеленеют вокруг.

— Верно ли ты говоришь? — спросила Хэли.

Вернулись Пак Куэ и Хэли в селенье.

Спрашивает Хэли у Хэанг:

— О сестра, где наш брат? Слыхала я, что жену его слон унес в джунгли, которые зеленеют вокруг.

— Откуда ты это знаешь, сестра?

— Пак Куэ мне сказал, друг Дам Шана.

Молвила Хэанг:

— Пойди в покои Дам Шана, взгляни, может, он нежится там.

Хэли в покои вошла, смотрит: Дам Шан почивает. Тряхнула она Дам Шана за одно плечо, потом тряхнула за другое, вдруг видит: стоит на огне фарфоровая чаша, а в ней, словно вода, олово блестит. Взяла она чашу и юноше в левое ухо влила горячее олово. Дам Шан лишь тряхнул головою, Хэли в правое ухо влила горячее олово — проснулся Дам Шан и с ложа поднялся:

— Сестра, и не стыдно тебе так забавляться?

— Хороша забава, — сказала Хэли. — Знаешь ли ты, что случилось с твоей женой? Слон умчал ее в джунгли, которые зеленеют вокруг.

Вылил Дам Шан олово из левого уха, вылил олово из правого уха. Сестры сварили ему рис в дорогу, положили в корзину, еще сердце быка и буйволиное сердце сварили и тоже в корзину положили; взвалил он на плечо мешок из звериных шкур, взял меч и лук и отправился в джунгли.

Дам Шан шел по слоновьим следам. Помет слоновий давно высох, бобы и тыквы на нем выросли.

Дам Шан то взбирался высоко на гору, то спускался в долину, где звенят ручьи, но следов не терял. Он шел, причитая и плача: «Она погибла, красавица наша, смерть настигла ее. А была она светлой, как вода в бамбуковой трубке, прозрачной, будто вода в тыкве-бутыли — не было краше ее во всех селеньях!» Долго шел он так, то спускался в долины, то карабкался на горы, но вот перебрался он через ручей и увидел наконец слона.

— Эй ты, презренный! — вскричал Дам Шан. — Где же ты бродишь?

Услышав голос Дам Шана, слон подошел и пал на колени. Дам Шан на него залез.

— О Хэни, — спросил он. — Чем ты забавлялась? Если охотилась на носорогов, отдай мне рога — я их продам. Если охотилась на слонов, отдай мне бивни — я их продам.

— Со мною случилось несчастье, — только и успела промолвить Хэни и упала на землю. Смерть за ней пришла. Но Дам Шан разжал ей зубы и дал отведать рису. Хэни ожила и поела рису. Потом возвратились они в селенье и пировали там с утра до вечерней зари.

III

Все дни Дам Шан проводил в забавах: от зари до зари вертел он волчок.

Хэбхи выходила, звала его:

— О муж мой! Рису поешь! Он давно на столе, остыл, стал тверже камня. А курица, которую мы для тебя зажарили, засохла и стала будто костлявый тощий ястреб.

— Если вы голодны, ешьте! А я опять запущу волчок!

Забавам не было конца.

А между тем Мэтао Гры, богатый и могущественный вождь,

прослышал о красоте Хэни и отправил к ее дому слуг, чтоб они истину отделили от лжи и рассказали ему все как есть.

Повелел своим слугам Мэтао Гры:

— Эй, слуги! Пойдите взгляните, прекрасна ли вправду Хэни. Если вас спросят, зачем вы явились, скажите, что с ночи ушли на охоту, а к утру с пути сбились.

Сказал так и отпустил слуг. Взобрались они на слона. Одни на спину сели, другие — на шею, в руках все держали мечи и луки. Подъехали они к дому Хэни и внутрь заглянули.

Спросила Хэни:

— Эй, что вам надобно, что вы здесь ищете?

И услыхала в ответ:

— Всю ночь в лесу мы охотились за всяким зверьем. Угости же нас, хозяйка, рисом.

Хэни тотчас дала им рису и другими яствами накормила.

Наелись охотники, а потом спрашивают:

— Где же ваш хозяин?

— Хозяин запускает волчок.

— Запускает волчок?

— Да, вон там, на лугу, где пасутся быки и коровы, где бродят буйволы.

— А коль ты позовешь его, он придет сюда?

— Нет, не придет, — отвечала с грустью Хэни. — Как-то раз явился торговец слонами, я кликнула мужа, да только напрасно. Рису поесть и то домой не заходит.

Охотники, не мешкая, взобрались на слона и поспешили к своему вождю.

Мэтао Гры вскричал:

— Эй, ничтожные, говорите скорее! Видели вы Хэни иль не видели? Прекрасна она или нет? Только правду скажите.

Слуги ему отвечали:

— Всю правду мы тебе скажем! И впрямь прекрасна Хэни. Она, словно солнце, сверкает, она — как вечернее звездное небо. Будто иглы у дикобраза длинны и тонки ее пальцы.

И снова спросил Мэтао Гры:

— Прекраснее ли она той из моих жен, что готовит табак для меня?

— Во сто крат прекрасней! — разом вскричали слуги.

— А той, что бетель мне готовит?

— В тысячу крат Хэни красивей!

— А коль сравнить ее с моею старшей женой?

— Хэни во много крат прелестней!

И тотчас слугам повелел Мэтао Гры:

— Слона поймайте да ведите скорей ко мне!

Снарядили слона, укрепили седло, сел Мэтао Гры на слона и поехал к дому Хэни. Вошел в дом и сел посредине.

Спросила Хэни:

— Что за дело привело тебя к нам, о вождь?

— Приехал я проведать друга своего, Дам Шана. А где же он сам?

— Мой муж занят: запускает волчок в лугах за селеньем, — отвечала Хэни.

— Что же ты медлишь? Зови мужа, я в гости к нему приехал, — молвил Мэтао Гры.

— Что толку его звать? Он не откликнется и домой не придет.

Хэни, чтобы гостя приветить, зажарила курицу, да еще натолкла в ступе белого блестящего рису. Потом еще курицу с рисом сварила. Сели они с гостем, поели и вина не забыли выпить. Чуть не до вечера просидели. Молвил наконец Мэтао Гры:

— Пора собираться мне в путь. Жаль, нету дома Дам Шана, не то посидел бы я с ним под этим кровом гостеприимным.

— Останься и отдохни, — сказала хозяйка.

— Нет, мне пора; был бы дома Дам Шан, я бы еще погостил.

Сказал так Мэтао Гры, поднялся и вышел, а трубку свою бамбуковую нарочно возле ложа оставил. Взобрался он на слона и поехал к воротам, но вдруг воротился.

— О Хэни, я трубку свою оставил, отдай мне ее.

Хэни звонко крикнула:

— Эй, слуги! Трубку найдите и гостю скорее подайте!

— О хозяйка, сама принеси мне трубку, — почтительно попросил гость. — Никому не вели к ней прикасаться!

Взяла Хэни трубку и протянула ее гостю. Хитер был Мэтао Гры; прикинулся он, что трубку никак не достанет, а сам, изловчившись, поднял в седло вместе с трубкой и молодую хозяйку. Палкой взмахнул и погнал слона.

Вскричала Хэни:

— О сестра! Отнеси мужу весть! Пусть узнает, что недруг явился в дом, что украл его жену, из родного селенья ее увез.

Хэбхи так быстро бежала к Дам Шану, что запыхалась, а лицо ее стало мокрым от пота.

— Куда ты спешишь так? — спрашивает Дам Шан.

Хэбхи отвечает:

— Твою жену прямо из дому выкрал чужак и с собой увез.

— Кто посмел это сделать?

— Мэтао Гры.

— На моих жен всякий позарится, потому что я могучий вождь. О, горе тебе, Мэтао Гры! Ты похитил у меня жену, так узнаешь теперь силу моей руки. О слуги, о люди селенья, скорее домой!

Когда все вернулись, Дам Шан сказал:

— О люди селенья! Вот что вам надобно делать! Достаньте вина и быка заколите, чтоб совершить моление, да ниспошлют нам духи милость и помощь! Несите же кувшин, ведите пятнистого буйвола, которого духи когда-то в дар нам послали. Выкопайте корни у благовонных деревьев — их корни принесут нам победу. У бананов выройте корни — они дадут нам бессмертье, как дали бессмертье предкам нашим в битве с мнонгами.

В отлитый из бронзы барабан, дамху что есть мочи ударьте и в священный барабан, который нам послало Небо, что есть мочи ударьте. Так ударьте, чтобы содрогнулось все вокруг, чтобы люди бих погнались буйволов и с данью поспешили, а лаосцы — привели слонов, чтобы бедняки — и те в дар принесли свиней и кур.

О братья И Сух и И Сах, И Ла и И Пуй! Вы горазды на самое хитрое дело, уладить его вам так же просто, как бусы на нить нанизать или уложить корзину. Зовите же к нам все племена! И большеротых мнонгов зовите, и вислоухих бихов скликайте. Мы ждем их! Пусть они вместе с нами вызовут на бой могущественного вождя. И бихских вождей зовите — у них ожерелья из тигриных клыков. И мнонгских вождей зовите — у них ожерелья из змеиных зубов. Сзывайте племена с запада, с востока, всех сзывайте! О слуги мои! Несите колья, пики, луки, стрелы! Великая грядет битва!

Огромное войско собралось, огромное войско двинулось, словно стадо диких оленей, тысячи воинов шли. Их было так же много, как муравьев, когда они бесконечной чередой ползут из-под земли. Каких только не было седел на слонах! Одни из индийского тростника. Другие — с навесом. А юноши — те, что покрепче и посильнее, прямо на головы слонам уселись. Рабов шли тысячи, а посредине выступал Дам Шан.

Войско заполонило всю долину. Воины перешли ручей и видят: растет в два ряда бамбук — толстый и тонкий. Настоящая живая изгородь. Не пробраться им сквозь эту изгородь. С одной стороны у нее крепкие ворота, и с другой стороны тоже крепкие ворота. Стали люди пробивать проход в

изгороди. Звонят гонги, гремят бронзовые барабаны — зовут всех без страха идти вслед за могучим вождем, который носит на голове двойную повязку, а на плече — мешок из звериных шкур. Возвысил грозно голос Дам Шан:

— О Мэтао Гры! Не медли, отопри ворота, пока солнце не опалило наши лица.

Но кликнул тут рабов Мэтао Гры:

— Эй, слуги! Слышите вы, за оградой курица приبلудная кудахчет? Или это мне примерещилось? А может, это младенец пищит? Эй, слуги! Не мешкайте, идите точить топоры! Мечи до блеска наточите. Да взгляните, кто там стоит за оградой. Если недоброе они замыслили, ворота покрепче закройте, плотней прикройте двери!

Тут подал голос Дам Шан:

— Эй, слуги! Берите тяжелые молоты, топоры, остро отточенные! Рубите изгородь под корень, подсекайте сверху, валите и дробите в щепы!

Разом поднатужились воины, подмяли изгородь и, как муравьи в муравейнике, заполонили весь двор перед домом. Потом двинулись прямо к террасе.

Вскричал Дам Шан:

— Не мешкай, выходи на бой!

— Ведь ты мне друг, Дам Шан! — откликнулся хитрый Мэтао Гры, — войди в мой дом и буйвола в подарок от меня прими.

— Зачем мне твой подарок? Я не возьму буйвола. Ты жену мою похитил, а это хуже всякой раны, ты будто ногу мне отсек, будто грудь разорвал и сердце вынул. Я твой дом разнесу и чаш понаделаю из его бревен, лестницу спалю, учиню пожар.

— погоди, Дам Шан, сейчас спущусь. Только удара мне не наноси, пока по лестнице буду идти.

Дам Шан сказал:

— Не бойся. Пока ты по лестнице будешь ползти, я не подниму на тебя руку. Вот видишь: свиньи твои здесь, внизу, так разве я их бью или режу?

И хриплым голосом Мэтао Гры ответил:

— Не наноси удара, пока обеими ногами не стану на землю.

— Пока не станешь ты на землю, не подниму на тебя руки. Вот видишь: здесь буйволы твои стоят, так разве я их режу или бью?

Мэтао Гры меж тем ступил на землю.

Сказал Дам Шан:

— Что ж, начинай, метни обитый сталью острый кхиен.

И тотчас размахнулся Мэтао Гры, метнул обитый сталью острый кхиен. Но грозный кхиен отскочил от Дам Шана, как от сухой коры зерно, только щелкнул легонько.

Вот Дам Шан занес высоко свой кхиен, размахнулся: зазвенело все вокруг. Кхиен, вращаясь, полетел и, словно меч, блеснул.

Три раза Мэтао Гры обежал вокруг холма, на всех трех пастбищах возле селенья траву помял. Семь раз Мэтао Гры метал копье в Дам Шана. Одно копье быстрее белки-летяги устремилось, норовя попасть прямо в бедро Дам Шану, но пролетело мимо, пронзило лишь борова.

Вскричал Дам Шан:

— А боров тут и ни при чем. Но коли метишь ты мне в бедро, держись!

Семь раз Дам Шан взмахнул копьем, волчком завертелся на месте. И быстрое, быстрее белки-летяги, копье вонзилось в бедро злодею.

— Скажи, — вскричал Дам Шан, — отчего вдруг твое бедро стало багровым?

— Это след от одеяла твоей жены, — сиплым голосом ответил Мэтао Гры.

И хоть звучала в его голосе насмешка, ковылял он, как курица с перебитою ногою, как птица с переломанным крылом. Потряс он громким кличем восток, громким воплем всполошил запад и побежал к хлеву, где свиньи спят. Дам Шан в мгновение обрушил тот хлев. Помчался Мэтао Гры к апельсиновой роще. Дам Шан разорил всю рощу. Без отдыха бежал Мэтао Гры, искал спасенья. На запад трижды устремлялся и трижды на восток. До кучи слоновового помета добежал, споткнулся, увяз. Попробовал подняться на колени, но Дам Шан его настиг и придавил ногою, торжествуя победу.

— О, погоди, Дам Шан! — взмолился Мэтао Гры. — Я тебе буйвола в дар принесу.

— Что проку оставлять тебя в живых? — ответил Дам Шан. — Я проткнул тебе бедро копьем, ты все селенье осквернил поганой своей кровью, уж лучше в густую траву брошу я твою голову. Пусть твою челюсть муравьи сожрут. Потому что ты, Мэтао Гры, злодей, ты вырвал у меня сердце, похитил мою жену, обрек меня на страданья. Ни в низине, в племени бих, ни высоко в горах, в племени мнонг, нет подобных злодеев. Эй, слуги! Желтым и черным муравьям отдайте голову Мэтао Гры, пусть жрут ее! — Сказал так Дам Шан и снова обратился к слугам: — Эй, рабы и слуги! Идите с нами!

— Отчего и впрямь нам не пойти за Дам Шаном? Хозяин наш мертв.

Он, верно, уже гнить начал. Да и покинуть его не зазорно. Лишь достойный может господином зваться. Лишь достойный может зваться старшим. Давайте унесем добро из дома, последуем за Дам Шаном.

А было у Мэтао Гры рабов и слуг — что ланей и оленей в стаде, когда оно идет на водопой, что в муравейнике черных муравьев и желтых, что пчел, которые в улей несут нектар, что юношей и девушек, когда они идут к ручью, — и все они несли добро Мэтао Гры.

Сказал Дам Шан:

— Эй, рабы и слуги! Потрудитесь для собственного блага. Колодки сделайте из бамбука и дерева, которые пленникам надевают на шею! И еще колодки, которые пленникам на руки надевают!

Рабы отвечали:

— Колодки, которые пленникам на шею надевают, колодки, которые надевают им на руки, уже готовы, они лежат горой среди селенья.

Засмеялся Дам Шан:

— Слова эти я сказал забавы ради. Я не заставляю вас колодки на шею надевать, руки вам связывать не стану. А бревна разломаю и порублю те сваи, на которых дом Мэтао Гры стоит.

И двинулись рабы и слуги Мэтао Гры к селенью Дам Шана. Добрались до места и принесли в жертву душам предков пять кувшинов вина и буйволицу. И помолились прославленным вождям, давно почившим. Просили духов быть милостивыми и помогать в тяжелый час.

Дам Шан воскликнул:

— Я одержал победу и множество рабов привел. Добром богатого и сильного вождя Мэтао Гры я завладел. Ныне о душе своей я возношу молитву и в жертву духам отдаю семь кувшинов вина и семь буйволиц. Еще семь кувшинов вина несите, чтобы задобрить духов, заколите еще семь быков и семь боровов в придачу. Пусть будут духи всегда ко мне добры, пусть помогают, чтоб никто в могуществе со мною не сравнился, чтоб не было мне равных.

Долго пировали жители селенья, будто в праздник сбора урожая. А наевшись и напившись, разошлись по домам.

IV

Целый день отдыхал Дам Шан, целый вечер и еще ночь. А утром молвил:

— Мы долго пировали, вдоволь попили вина. Пришла пора расчищать

лес для посева. Пусть все выйдут — и люди, которые живут в селенье, и духи, которые здесь обитают. Пусть все выйдут, не то нас одолеет голод. Закрома опустели, табак на исходе, а сладких корней совсем не осталось. Выходите все поскорее, чтобы лес расчистить и землю засеять!

Все к густому огромному лесу пошли и срубили деревья — семь гор исполинских могли бы уместиться на расчищенном месте. А когда подсохли на солнце поваленные деревья, люди факелы принесли из селенья и костер развели, да такой, что все кусты и деревья дотла сгорели.

Увидел это Дам Шан и сказал:

— Пусть каждый займется своим делом. Землю пусть перекопают, пусть промотыжат поле, пусть вырвут сорные травы. Пусть на славу все потрудятся!

И услышал он в ответ:

— Землю мы перекопали, промотыжили поле, вырвали с корнем сорняки. Дожидаемся теперь дождя, чтобы семена посеять.

Сказал им Дам Шан:

— Погодите, я поднимусь на Небо и попрошу семян.

Сказал так Дам Шан и ушел.

— О Небо! — крикнул он громким голосом. — Спусти мне твой шест, чтоб я мог до тебя добраться!

Спустило Небо шест, — а шест был из чистого золота, — и взобрался Дам Шан на Небо.

Небо спросило:

— В ранний час пожаловал ты ко мне. Уж не стряслась ли с тобой беда?

Дам Шан ответил:

— Беда нас миновала. Пожаловал же я затем, чтоб семян разных у тебя попросить.

Небо дало Дам Шану разных семян, по одному от каждого растения.

— Разве хватит этой горсточки, чтоб засеять поле? — подивился Дам Шан.

— Да, хватит, — отвечало Небо. — В каждом конце поля посей по одному зерну и соберешь богатый урожай.

Дам Шан спустился на землю, до поля добрался и кликнул рабов:

— Эй, вы! Сто человек пусть борозды проводят в поле, а тысяча — пусть копает лунки!

Тотчас вышли на поле рабы, тучей покрыли землю, неисчислимы, будто термиты или муравьи, и закричали:

— Мы посеяли семена!

— Теперь я построю шалаш на высоких сваях, — сказал Дам Шан, — чтобы стеречь посеvy.

Построил он шалаш и ночью в поле пошел отгонять зверей: косуль, оленей, кабанов. Чтоб птицы разные, павлины и фазаны, не портили посеvy и рис не клевали. А Хэни в это время дома на крыльце сидела, шила рубаху, Хэбхи сидела возле высоких свай и пряла пряжу.

День отдыхал Дам Шан, вечер отдыхал и ночь. А утром клич бросил:

— О Блим из селенья Бло! О Бло из селенья Бланг! Эй, парни, которые на дерево ловко умеют взбираться и ныряют искусно! Эй, люди селенья Хун! Поймайте своих слонов и ведите их сюда!

Спросил юноша Блим:

— А в какие края мы поедем, когда слонов оседлаем?

Ответил Дам Шан:

— Завтра с утра пойдем рыбу ловить, вечером снова на рыбную ловлю отправимся. Мне надоело буйволиное мясо и мясо быка. Хочу отведать креветок и крабов. Вот почему и велю я вам собираться в путь.

Настало утро. Сел Дам Шан на слона и повел к реке всех жителей селенья — и было их великое множество, как муравьев в муравейнике.

Молвил Дам Шан:

— Мы войдем в воду.

И все вошли в воду. И в единый миг наловили они вдоволь рыбы и вдоволь креветок и крабов. Крокодил забился в подводный грот, но и его поймали. Черные змеи и угри — и те не ускользнули.

А пока Дам Шан ловил рыбу, прослышал Мэтао Мэсей о красавицах Хэни и Хэбхи. Повелел он слугам своим хорошенько все разузнать. Когда они возвратились, спросил:

— Верно ли, что нет никого прекрасней Хэни, скажите мне правду.

Слуги ему отвечали:

— Верно! Словно завязь банана, круглы ее икры. Точно молнии, сверкают белые бедра, когда юбка на ветру раздувается. Во всех селеньях слывет она первой красавицей.

Воскликнул тут Мэтао Мэсей:

— Не медля седлайте слонов!

И слоны вереницей двинулись в путь. На одном слоне седло из индийского тростника, на другом — седло с навесом. А парни — те, что покрепче, — уселись прямо на шеи слонам.

Мэтао Мэсей богат и могуч. В его селенье колодки для пленных высятся целыми грудами. Словно у зверя, ноги вождя волосами покрыты,

острыми, как ножи отточенные. Грозно сверкают глаза, будто он выпил целый кувшин вина, — даже огромный буйвол трепещет от страха под взглядом Мэтао Мэсея.

Мэтао Мэсей подошел к ручью, увидел юношей и малых ребят, которые забавлялись в воде. Вскричали его рабы:

— Эй, парни! Где здесь всем истокам исток, где мать всех здешних птиц?

— В нашем селенье нет больших раскидистых деревьев, нет деревьев выше нас и пальм высоких нет.

В гневе закричал Мэтао Мэсей:

— Эй, криворотые, эй, вислогрудые, я вас спрашиваю, где здешним истокам исток, где мать всех здешних птиц, где ваш вождь?

И ответили ему женщины селенья:

— Неужто не слыхал ты, чем славен наш вождь Дам Шан? Слава о нем до лесных духов дошла, до горных духов докатилась. Горы и леса полны его славой. Рабов он может иметь ровно столько, сколько пожелает. Нога его не коснется земли — слонов у него ровно столько, сколько надобно ему.

Мэтао Мэсей прошипел:

— Жалкие, презренные людишки, выходит, я для них недостаточно богат и славен. Ну, погодите же!

Подъехал Мэтао Мэсей к селенью. И видит дом, длинный-предлинный, как серебристый звон чудесного гонга. Увидел террасу, такую длинную, что скачущий конь успел бы ноздрями воздух вобрать, прежде чем промчаться мимо. Женщины толкут в ступах рис, далеко разносится звон пестов. Словно огонь, сверкают стальные кхиены — глазам смотреть больно. Шесты из бамбука сгибаются под тяжестью пряжи, которая сушится на солнце. А сколько разных тканей сушится на солнце! Черные, белые, пестрые ткани. Люди едят буйволятину и мясо быка. На стропилах висит столько вяленых туш, что они весь дом затеняют. На помосте стоит столько медных чаш и блюд, что гостю и присесть негде. Одна стенка дома изукрашена искусной резьбой. Лестница шире самой широкой циновки, и если две пары рабов друг другу навстречу понесут на шестах кувшины с вином, они не столкнутся. Поистине это дом могучего и богатого вождя.

Сошел со слона Мэтао Мэсей, поднялся на террасу — сваи семь раз покачнулись; вошел он в дом, выпятив грудь, снял островерхую шапку и сел. От страха громко заплакали дети, захлебнулись слезами: селенье наполнилось воем и криком.

Слуги вскричали:

— О госпожа! К нам нагрянули гости! Старший посреди дома сидит, молчит, ждет, затаив злобу. То ли они бихи, у которых ожерелья из тигриных клыков, то ли мнонги, у которых ожерелья из змеиных зубов. На людей селенья эдэ они не похожи. Ноги у них гладкие, будто выбриты, с бедер словно содрана кожа. Туловища как спелые тыквы, а сами они на пятнистую белку-летягу похожи. Ярko сверкают глаза.

Хэни скинула юбку, другую надела. Потом спросила Хэбхи:

— Красива ли моя юбка, скажи мне, сестра.

Отвечает сестра:

— Чудесная юбка. Она, как два цветущих сада, прекрасна.

А была эта юбка черна, словно туча, несущая ливень, прекрасна, словно цветок хэбе, она сияла, как солнце, и сверкала, как молния, — людей ослепляла. Прическа у Хэни была высока, словно волшебный цветок. Одна прядь на плечо ниспадала свободно. Если бы вдруг захотела Хэни распустить свои волосы, они упали бы до самой земли, словно льющийся с гор водопад, они прикрыли бы все ее тело, как скрывает густая листва мощный ствол дерева. Но Хэни их сколола серебряной шпилькой и узорную шпильку воткнула: даже тайфун не смог бы сейчас испортить ей прическу.

И пошла Хэни к гостю неторопливым шагом. Изгибался ее стан, как ветвь под тяжестью плодов, словно ветвь под ветром был он гибок. Юбка так была длинна, что едва за Хэни поспевала: Хэни уже далеко, а юбка вслед ей вьется. Ее грудь высоко вздымалась, и плавной была походка: одну ногу на землю поставит, тут же другую над землей поднимет. Шла она, словно феникс летел, словно ястреб над равниной парил, словно воды бежали в горном ручье. Прелестней Хэни и не сыщешь, Вот зазвенел вдалеке ее голос, а уж она, легко ступая, к гостю подходит.

Спрашивает Хэни:

— Что привело тебя к нам, какое дело?

— Не дело меня привело, а безделье. Где же сам хозяин, где Дам Шан?

Хэни отвечала:

— Дам Шан далеко, он в лесах охотится, ловит рыбу в ручьях, пищу добывает для нас. А ты закури нашу трубку. Этот табак топором порубили, секирой порезали: он никуда не годится. Набьешь трубку не плотно — он высыпается, набьешь плотно — он тотчас вспыхнет, а станешь курить — язык обожжет! Кури же, о гость, нашу трубку!

Мэтао Мэсей сказал:

— Твоя трубка табаком набита. Я же дома курю только листья лесных

деревьев. Собираю их в джунглях и набиваю трубку. Потому не могу табаком попотчевать гостя.

Вскричала Хэни:

— Эй, слуги! Идите на задний двор, двух куриц приготовьте, да чтоб одна была несущою. Растолките в ступе рис, пусть он станет белым, как цветы эпанг. Да сварите его поскорей. Как только я прожую бетель, рис должен быть готов. А поспеет, вы из котла его выньте, положите на блюдо, на то, что сверкает, как цветы, на то, что блестит, как яркие птичьи перья, — мы попотчуем гостя!

Сказала так Хэни, а потом обратилась к гостю:

— Откушай, о гость, наших блюд, отведай плесневелого рису, похлебки поганой да на меня погляди! Я, дерзнувшая гостя приветить, подобна вороне иль ястребице.

Сказал в ответ Мэтао Мэсей:

— Отменное у тебя угощение. Хоть раз доведется мне сытно поесть. Дома я одну тыкву три года жую, один огурец три дня грызу.

Сказал так Мэтао Мэсей и, стыд позабыв, всей пятерней в блюдо забрался. Ухватил он ком риса, величиной с голову лисицы, потом еще один, величиной с собачью голову, и в рот отправил. Зелени съел самую малость, а от курицы отхватил три самых жирных куска.

Велела Хэни слугам кувшин вина принести, тот, который восемью веревками перевязан, в котором вино почернело. Пять рабов несли тот кувшин на бамбуковых шестах. Еще десять рабов его снизу поддерживали. Трое пошли листья рвать, чтобы крышку сплести. Ту крышку пятеро насаживали на кувшин. А один раб пошел звать соседей, чтоб помогли выпить до дна тот кувшин. Соседи пришли и принесли с собой гонги — одни с бронзовым звоном, другие — с серебристым. Ударили в гонги — рухнул настил, еще раз ударили — крыша свалилась.

Вскричала Хэни:

— Эй, в гонги ударьте! Да так, чтоб раздался затейливый звон, которому вас обучили деда и прадеды. Вино же разбавьте водой. О гость, отведай вина, оно у меня перекисло, вином и не пахнет.

Мэтао Мэсей отвечал:

— Пусть твое вино сладко, пусть кисло — мне все равно, я выпил бы его. Я на все согласен, как девушка-дурнушка, которую сын вождя вдруг задумал взять в жены. Но скоро стемнеет, пора в путь собираться.

Стал прощаться Мэтао Мэсей, а меч свой нарочно у очага оставил. Вышел из дому и крикнул:

— О хозяйка! Я забыл свой меч, подай мне его.

Велела Хэни:

— Эй, слуги! Подайте гостю меч!

Слуги схватили меч, понесли Мэтао Мэсею, но он не взял меча.

Слуги сказали:

— О госпожа! Что нам делать? Гость не берет у нас меча.

— Придется, видно, мне самой отнести.

Хэни отнесла гостю меч, но Мэтао Мэсей сидел на слоне и не мог до меча дотянуться. Хэни ближе к нему подошла. Наклонился Мэтао Мэсей, схватил меч, а вместе с мечом и Хэни. Усадил он ее на седло и помчался во весь дух.

Закричала Хэни:

— О братья И Сух и И Сах! Бегите к Дам Шану, относите ему дурную весть: скажите, схватили меня чужаки прямо в доме, в нашем родном селенье. Связали меня, как буйвола или быка, и держат в неволе, как дрозда или попугая.

Кинулись к коням И Сух и И Сах. Один поскакал на быстром, как белка-летяга, коне. Другой — на кобыле, как лань, проворной. Понеслись ураганом, в пути сокрушили три горы, истоптали три пастбища с дивной травой. Дробно стучали копыта коней.

Говорит Дам Шан:

— О братья! Что привело вас ко мне? Уж не повесил ли кто для забавы гонг в моем доме над очагом? Или, быть может, какой-нибудь вождь нас ограбил? Или с вашими сестрами беда приключилась? Говорите скорее.

Отвечает И Сух:

— Нашу старшую сестру чужаки схватили прямо в доме. Связали, как буйвола, как птицу лесную.

Воскликнул в гневе Дам Шан:

— Кто же дерзнул посягнуть на гору, которая всех гор выше? Или не слышал он о Дам Шане, о вожде, который носит на голове двойную повязку, а на плече — мешок из звериных шкур? Или неведомо ему, что слава о Дам Шане давно уже долетела до горных духов, дошла до речных духов? Не сыщешь богатыря, который не слышал бы о Дам Шане. Никто с Дам Шаном не сравнится. Звонкоголосых гонгов и рабов он может иметь столько, сколько пожелает. Неужто тот, кто дерзнул оскорбить Дам Шана, не знает об этом? Кто отважился испробовать храбрость тигра? Кто рискнул испытать смелость медведя? Кто он, дерзнувший познать вкус моей печени, горька она или сладка?

Говорит И Сух:

— Слышал я, что его зовут Мэтао Мэсей, что он богат и могуч.

Крикнул Дам Шан:

— Эй, люди! Нам надобно вернуться в селенье! Не мешкайте! Сети старцам оставьте, пусть они примутся за рыбную ловлю. А старейшины, все те, кого почитают старшими в доме, пойдут за мною. Надо все разузнать. Посмотрим, кто посмел ступу с пестом разлучить, кто жену мою выкрал из дома, будто тыкву сорвал в огороде, кто непрошеным гостем в мой дом пошел. Медлить нельзя! Выступаем тотчас же! Мы пойдем по следам коней и слонов и настигнем злодеев!

И люди пошли за Дам Шаном. Было их столько, сколько оленей и ланей в стаде, которое к водопою идет. Они не шли, а летели, как крылатые муравьи, катились лавиною, будто термиты. И очень скоро подошли к селенью.

Молвил Дам Шан:

— Эй, рабы и люди селенья! Забейте буйволов, вина достаньте, помолимся духам. Пять буйволов мы в жертву принесем душам покойных предков. Потом молитву сотворим, чтобы удачу Небо нам послало, и в жертву принесем семь кувшинов вина. Мы найдем злодея, который похитил мою жену. Эй, И Сух и И Сах! Вы сладкоречивы, вожди добреют от ваших слов. Идите же и приведите вислоухих бихов. И большеротых мнонгов позовите. Киньте клич могучим вождям, — тем, что на западе живут и на востоке, тем, у которых на голове повязки до самых плеч. Несите луки, копья, пусть всю землю заполонит оружие. И воинов пусть у нас будет так много, как муравьев, пусть будет наше войско похоже на тучу. Пусть будет бесконечной, словно нить, вереница наших воинов. Эй, братья в железных доспехах! Эй, братья в доспехах из стали! Вы, ловкие и проворные, носящие меч и кхиен, с нами идите!

Услышали тот клич вожди и спросили:

— Куда же, Дам Шан, ты замыслил двинуться?

— Мы пойдем на бой с богатым и могучим вождем. Пойдем, чтобы пленных рабов привести и захватить чужие земли!

Сказали вожди:

— Раз так, мы пойдем за тобой.

И двинулось войско, похожее на черную тучу, змеей извивалось, шло по горным тропинкам. Как муравьев, не счесть было воинов. Перешло войско ручей и вступило в селенье. Огромным было то селенье. На полях, которые у самых джунглей раскинулись, сорной травинки не сыщешь. На высоких холмах рис созревает. А селенье на склоне одного холма стоит. На вершине пасутся стада буйволов, темных, как спелые баклажаны, и стада буйволов, красных, словно арбуз. Домов в селенье — как песчинок на

берегу. Ручей бежит по ровным каменным плитам. Изгороди, те, что пониже, из индийского тростника и железа, а те что повыше, — из острых колючек.

Путь к селенью загородили острые шипы, густо понатыканные. Кинешь, к примеру, кабачок, он непременно на шип угодит. А если белка-летяга туда попадет ненароком, и земли не успеет коснуться, дырявой станет, как решето. А до чего там крепки ворота! Из двух рядов бамбука толстоствольного сбиты, тонкоствольным бамбуком в два ряда обшиты. Подпорки у ворот — каждая из трех деревьев сложена.

Видят воины: пирует Мэтао Мэсей, ест мясо быка и буйволятину, как будто Новый год справляет. Рабы и слуги в гонги бьют и в барабаны. Те, что поискусней, бьют в переливчатый гонг. Гонгами весь дом заполнен. Каких здесь только нет! И плоские, из меди сделанные, и гонги с шишаками. Вяленые туши быков и буйволов подвешены к стропилам — в доме от них темно. Столько медных чаш и блюд на помосте, что между ними пройти негде.

Дам Шан поднялся в дом, послушал, посмотрел. Рабы и слуги в гонги непрестанно били, услаждая слух Мэтао Мэсея. Дам Шан вместе с гостями стал есть мясо быка, потом за буйволятину принялся. А утром покинул дом вождя и на лестнице порубил в щепы сосуды для воды, те, что были сделаны из толстоствольного бамбука.

Мэтао Мэсей вскричал:

— Эй, слуги! Кто это там? Уж не Дам Шан ли, мой враг?

Выбежали слуги на помост, огляделись и говорят:

— О господин, здесь был твой враг! Он порубил в щепы сосуды для воды из толстоствольного бамбука.

Тут раздался грозный голос Дам Шана:

— Эй, Мэтао Мэсей! Быстрее отопри ворота, пока солнце не опалило наши лица!

Мэтао Мэсей крикнул:

— Эй, слуги! Поглядите, кто к нам пришел. Если с добром пожаловал, пусть заходит; если недоброе замыслил, ворота закройте покрепче, плотней прикройте двери.

Сказали слуги:

— За оградой враги стоят.

— Что за враги? Каковы они на вид?

— У них пестрые набедренные повязки. На голове — красивые платки, как у богатых вождей. Кхиены их остры, мечи сверкают, точно солнце. Как тыквы, округлы у них тела. Как белки-летяги, они проворны и

готовы ринуться в бой. Глаза у них дивно сверкают.

— Скорей отоприв ворота! — снова воскликнул Дам Шан.

Мэтао Мэсей ответил:

— Жалкие черные псы! Раз уж вы пришли, я готов угостить вас обедками с нашего пира и остывшим рисом.

Дам Шан сверкнул глазами:

— Эй, люди! Рушьте ограду!

Все кинулись выполнять приказ Дам Шана. Но даже братья его и родичи не сумели свалить ограду.

Сказал тогда Дам Шан:

— О брат, ты, который одет в железные доспехи! О брат, ты, который одет в стальной панцирь. О юноши, могучие и крепкие, рушьте ограду, разбейте ее в щепы!

И услышал Дам Шан в ответ:

— Мы не можем! Убей нас за это, если хочешь! Брось, как падаль! Но нет у нас мочи разбить эту ограду, разнести ее в щепы.

Тогда Дам Шан сам подошел к ограде, толкнул ее всего лишь раз — и повалил. К дому Мэтао Мэсея ринулось войско, неисчислимое, как стадо ланей, которое идет на водопой, как муравьи в муравьиной куче.

А дом и терраса залиты лунным светом, изукрашена лестница деревянной резьбой, — птичьими клювами. Она шире самой широкой циновки, и если две пары рабов друг другу навстречу понесут на шестах кувшины с вином, они не столкнутся.

Крикнул Дам Шан:

— Живее спускайся, Мэтао Мэсей, я отрублю тебе голову.

Отвечает Мэтао Мэсей:

— Зачем мне спускаться, я здесь славно забавляюсь: хочу узнать, упруги ли груди у твоей жены.

— Не мешкай, — грозно крикнул Дам Шан. — Не то я сейчас в щепы разнесу лестницу! Подожгу солому, и твой дом запылает, как факел.

— погоди, сейчас спущусь. Только удара мне не наноси, пока я буду идти по лестнице!

Дам Шан сказал:

— Не бойся. Пока ты будешь ползти по лестнице, я не подниму на тебя руки. Взгляни: здесь, внизу, твои свиньи. Я ведь их не бью и не режу!

И вышел наконец Мэтао Мэсей. Его кхиен, и острый и округлый, переливался, как радуга, меч его сиял. С мечом в руках Мэтао Мэсей был похож на грозного, разгневанного бога. Он туго завязал набедренную повязку, надел рубаху с пуговицами, сошел вниз, и стал с опаской

пробиравшись сквозь толпу воинов, как рассветный туман, который, крадучись, стелется по земле.

Дам Шан воскликнул:

— Что же, начинай. Метни острый кхиен, обитый сталью!

— Да нет, — хрипло ответил Мэтао Мэсей. — Уж лучше ты начни. Ведь я подобен острой шпоре молодого петуха, а она тверже железа. Я будто отточенная шпора у дикого петуха, а она как колючка дерева кчам, на которую наступить страшно.

— Нет, начинай ты первым, — стоял на своем Дам Шан.

Размахнулся Мэтао Мэсей и метнул кхиен. Но грозный кхиен отскочил от Дам Шана, как от сухой коры зерно, только щелкнул слегка.

Вскричал Дам Шан:

— Эй, Мэтао Мэсей! Кого ты дразнишь? Зерно?

— Нет! Я дядю твоего дразню.

— Какого дядю?

— По матери и по отцу!

— Давай разом метнем кхиены!

Воскликнул грозно Мэтао Мэсей:

— Презренный! Или тебе неизвестно, что я всю жизнь в драках провел и в схватках? Не в первый раз я выхожу на бой, чтобы рабов полонить и чужими землями завладеть.

— Ну погоди же, — сказал Дам Шан, занес кхиен, подпрыгнул и перелетел через пастбище. Еще раз прыгнул — и позади бамбуковая роща осталась. Он то бросался к западу, то бежал к востоку. Мэтао Мэсей ловко и проворно за ним гнался, думал, вот-вот настигнет. Метнул копье, но угодил в связку бичей из буйволиной кожи.

— Зачем кромсать бичи? — спросил Дам Шан. — Уж лучше целил бы мне в бедро!

Тут как раз Хэни кинула Дам Шану бетель. Он попал ему прямо в рот. Пожевал Дам Шан бетель, и силы его выросли во сто крат.

— Беги, Мэтао Мэсей, — крикнул Дам Шан. — Теперь мой черед за тобою гнаться!

Дам Шан высоко занес кхиен — раздался свист, будто грозный вихрь налетел. Потом Дам Шан вниз опустил кхиен — все вокруг зашумело, будто тайфун налетел. Хижину, которая стояла рядом, ветром в прах развеяло. А Дам Шан то высоко заносил свой кхиен, то стремительно опускал его вниз.обежал вокруг трех гор, все потоптал. То наступал на врага, копыта метал, то защищался, отражал удары. На бедре Мэтао Мэсея, как звезды, сверкали следы от острых копий Дам Шана. Но ни одно копье

не вонзилось ему глубоко в тело. Устал Дам Шан, задремал, и во сне к нему явилось Небо.

Молвил Дам Шан:

— О Небо! Пришел мой смертный час! Много раз я целился в бедро врагу, много раз попадал, но враг, как видно, неуязвим.

— Я знаю. Выслушай же мой совет. Возьми из ступы пест и метни в ухо врагу.

Очнулся Дам Шан. Схватил пест и метнул в ухо врагу. С лязгом свалились на землю железные доспехи. Мэтао Мэсей побежал к хлеву, где свиньи спят. Дам Шан в мгновение обрушил тот хлев. Мэтао Мэсей бросился к хлеву, где буйволы жвачку жуют. Дам Шан и этот хлев обрушил, обратил в прах. И тут Мэтао Мэсей повалился на землю, прямо в грязь.

— Смилуйся! — взмолился Мэтао Мэсей. — Не губи. Я подарю тебе буйвола и слона.

Отвечает Дам Шан:

— Не надо мне твоего буйвола. Не надо мне твоего слона. Ты украл у меня жену, а это все равно что обе ноги мне отрубить.

Сказал так Дам Шан, взмахнул секирой и снес Мэтао Мэсею голову, водрузил ее на кол и выставил возле дороги.

— Эй, рабы Мэтао Мэсея, птицы лесные! Пойдете ли вы со мной? — воскликнул Дам Шан и пошел по домам звать людей.

И люди, которые жили в селенье Мэтао Мэсея, сказали:

— Зачем нам здесь оставаться? Хозяин наш мертв, поди уж гниет его тело.

Тогда крикнул Дам Шан своим слугам:

— Стучите по стенам и стропилам домов, людей скликайте!

И снова сказали люди селенья:

— Зачем нам здесь оставаться? Подожди нас, Дам Шан, мы только зададим корму свиньям.

— Эй, рабы! Идите все за мною! Ваш хозяин мертв. Кто лошадей пасет, пусть гонит лошадей. Погонщики слонов пусть поймают слонов и приведут в наше селенье. Кто за буйволами ходит, пусть гонит буйволов.

Сказали люди:

— Мы пойдем за Дам Шаном! Наше селенье уже зарастает сорною травой, а там, где стояли дома, перец вырос. Нет у нас больше господина.

— Эй, рабы, птицы лесные! Живее собирайтесь!

И стали стекаться рабы Мэтао Мэсея к Дам Шану, бесчисленны, как стада оленей и ланей, которые на водопой идут. И было их множество, как

муравьев крылатых и как черных муравьев. Стал Дам Шан еще могущественней, еще богаче. А сколько он захватил плоских медных гонгов и гонгов с шишаками! Как девушки и парни, которые несут воду из ручья, как пчелы, которые несут в улей нектар, так несли рабы добро Мэтао Мэсея.

Говорит Дам Шан:

— Эй, люди! Вино несите и ведите буйволов! Пять буйволов и пять кувшинов вина мы принесем в жертву почившим предкам, которые дают нам силу и помогают побеждать врагов, брать рабов в плен, захватывать уголья. Семь буйволов и семь кувшинов вина мы принесем в жертву духам, чтобы не гневались и укрывали нас от зла, как ветви старого раскидистого дерева, чтоб даровали нам богатство и силу! Пусть все придут: и те, которые ходили с нами в бой, и те, которые оставались дома. Ударьте в самые звонкоголосые гонги, ударьте в барабаны. А тот, кто поискусней, пусть ударит в переливчатый гонг. Слоники и слоны друг за другом пусть подходят к помосту, будем привечать гостей! Надобно забить побольше буйволов и быков, чтоб вдоволь было мяса в доме, а чаши и блюда медные на помосте расставить, да столько, чтоб негде было между ними пройти.

Спросили слуги:

— В какие гонги ударить, о господин?

Дам Шан ответил:

— Ударьте в самые звонкоголосые гонги, в те, которые хранятся в плетеных корзинах. Бейте, пусть их звон дойдет до всех краев, пусть он в небеса взлетит! Бейте, бейте! Пусть его услышат в джунглях носороги, и слоны насторожатся. Пусть забудут самки детенышей своих молоком кормить. Пусть лягушки и цикады смолкнут, пусть внимают гонгам Дам Шана.

Дом наполнился гостями, они пришли, чтобы отведать вина. Вожди из всех окрестных селений с чадами и домочадцами собрались на победный пир. Дам Шан возлежал на ложе, волосы по бронзовому гонгу рассыпав. Гости пили вино и заедали его свининой и козлятиной. Свинину сварили в трубках из бамбука але, козлятину зажарили в трубках из бамбука мэо. Веревки, на которых гонги висели, переплелись, словно паутина, так много их было. А двор от пестрых тканей, которые на шестах висели, расцвел, как сад.

Целый день Дам Шан пил вино, всю ночь он пил вино, но не захмелел и вел с гостями мудрые речи.

Земля под домом промокла от вина и так им напилась, что дождевые

черви и букашки выползли на свет, лягушки заквакали, будто дождь полил или наводнение случилось. Так тесно было в доме, что мужчины друг друга плечом касались, а женщины — грудями, великой радостью наполнились сердца при виде могущественного вождя, который во множестве владеет гонгами и слонами, которому подвластны леса и горы, который истребил не одного врага. Его знают все племена на западе и на востоке, слава о нем дошла до горных духов.

Еще свинины принесли слуги, еще поставили вина.

А гости возносили хвалу Дам Шану, и не было конца их речам. Все сошлись на том, что он самый славный, самый смелый и самый могучий вождь. И если так случится, что в схватке он вдруг потерпит поражение, то все равно не отступит и напоследок своего добьется. Дам Шан накинул плащ поверх рубахи, в ушах у него звенели кольца, в руках он держал острый чеканный меч с узорами — кто бы мог сказать сейчас, что Дам Шан не богат. Ноги у Дам Шана были огромны, как стропила, бедра — как сваи. А сам он был словно могучий слон. Дышал он — будто гром гремел. Лег на помост — помост сломался, — вот какой он силой обладал, еще когда лежал во чреве матери. Но вот пированье к концу подошло, в кувшинах вино иссякло, гости утомились и разошлись по домам.

V

Целый день и всю ночь Дам Шан отдыхал. А утром бросил клич:

— Эй, И Сух! Эй, И Сах! Вы сладкоречивы, вы ловки, на самую высокую гору вскарабкаетесь, вы опора вождю. О И Блим из селенья Бло! О И Бло из селенья Бланг! Вы славьтесь тем, что ловко лазаєте по деревьям. Эй, люди селенья Хон и селенья Хун! Среди вас есть много умелых и сильных.

Спросили И Сух и И Сах:

— Зачем ты нас сзываешь, Дам Шан?

Дам Шан отвечал:

— Не ради забавы я кинул клич. Надо срубить деревья мрда и кту, ротанговую пальму и индийский тростник.

Молвил И Сух:

— Мы все пойдем. Только скажи, в каком лесу ты хочешь рубить деревья. И по какой тропе надобно идти?

Отправились они в путь. Впереди шла сотня человек, позади — тысяча. Каждый нес секиру или мотыгу. С утра и до ночи, от ночи до

рассвета ходили и искали, — то в редколесье зайдут, то в самую чащу углубятся.

Велел Дам Шан:

— Эй, люди! Порубим этот лес. Кто может — пусть берется за секиру, кто топором работать горазд — пусть за топор берется. Но прежде скажите мне, что за дерево там стоит?

И услышал Дам Шан в ответ:

— Это — дерево Хэни и Хэбхи, зовется оно смук. Второе дерево смук растет к востоку от дома Хэни и Хэбхи, а третье — к западу. Это дерево жизни Хэни и Хэбхи. Оно наливается соками от вод глубинных ручьев. Листва на дереве смук прегустая, а веток не счесть. Ни одно из деревьев не может с ним сравниться. Чтоб обойти это дерево вокруг, надобен год. Чтобы взобраться на его вершину, надобен месяц. Каждый лист ширины такой, что конь не перескочит. Корнями оно уходит в глубь земли, а вершиной упирается в небеса. На всем свете нет дерева выше. А сколько ему веков — и сказать трудно. Само Небо посадило дерево смук, само его окопало. Растет дерево смук, а земля вокруг трещит и лопается. Согнется оно под ветром и тут же выпрямится — ни одна веточка не сломается — такое оно гибкое. Поистине, чудо-дерево.

Но сказал Дам Шан:

— Все равно мы его срубим. Топоры получше наточите! На ножах зубрины сровняйте точильным камнем!

Ждут Хэни и Хэбхи Дам Шана. Ждут месяц, ждут год. Вскричала наконец Хэни:

— Эй, люди! Скорее слонов ведите!

И стали слуги звать слонов.

— Эй, Жут! Ты ешь побеги бамбука але! Эй, Де, ты кормишься бамбуком мэо! Хэни и Хэбхи, что владеют вами, собрались в джунгли искать Дам Шана. Он ушел за индийским тростником и лесными бананами. Год прошел с тех пор, минуло много лун. Цикада возвестила о том, что пришел Новый год.

Промолвила Хэни:

— Поедем искать Дам Шана. Может быть, он заблудился в джунглях или забрел в трясину?

Отвечали слуги:

— О госпожа! Мы немедля за тобой пойдем.

И двинулись в путь Хэни и Хэбхи, а с ними двое слуг и три умельца-краснословия. Хэни и Хэбхи позвали еще сто человек, не сто человек, тысячу позвали. Родичам кинули клич. На одного слона из индийского

тростника надели седло, на другого надели седло с навесом. А в седла посадили самых красивых девушек селенья.

Пришли они в джунгли, которым нет ни конца ни края, и стали там бродить, подобно сухому листу, гонимому ветром. Ночью спали, а днем опять пускались в путь, и вдруг увидели: Дам Шан рубит дерево смук. Смотрят: закачалось дерево, стало клониться долу.

Хэни говорит:

— Дам Шан! Зачем ты рубишь дерево? Ведь это смук. Такие точь-в-точь деревья растут у нашего дома. Одно — к востоку, другое — к западу. Ведь это дерево наших предков. Нельзя его рубить! Или ты хочешь нашей смерти? Тогда пируй! Ешь бычье сердце с блюда, лакомясь из чаши буйволиным сердцем. Пей отменное вино из кувшинов. А мы домой вернемся.

И видят Хэни и Хэбхи, что Дам Шан весел, как в новогодний праздник. Со всеми вместе пьет вино, ест свинину и буйволятину и рубит дерево.

Вскричал Дам Шан:

— Эй, люди! Ройте землю, как дикие кабаны! Рубите ствол с яростью, словно козлы, которые хотят забодать друг друга. Ну-ка, поднатужьтесь! Пусть топоры сверкают, как темной ночью молния!

Рабы ему отвечали:

— О господин! Дерево смукросло глубоко в землю, оно уходит корнями в подземные ручьи, а ветвями в небо упирается. Может случиться, что у нас не достанет сил его срубить.

Но Дам Шан стоял на своем:

— Взгляните! Оно уже наклонилось. Скоро рухнет на землю. Еще там, сзади, подрубить надобно. Копайте же, ройте поглубже. Рыхлите землю, как дикие кабаны. Ударяйте по стволу что есть мочи, чтобы от топора летели искры, рубите с яростью, словно козлы, которые хотят друг друга забодать!

Взял Дам Шан факел, зажег его и поднес к дереву. Увидел на стволе рану. Была та рана глубокой и сочилась. Дерево качалось, долу клонилось и дрожало. Хэни и Хэбхи в испуге хотели убежать, но дерево их настигало — клонилось туда, куда они бежали, и над головой нависало.

Сказал Дам Шан:

— Эй, Хэни и Хэбхи! Скорее бегите!

Сестры устремились на запад — и дерево к западу склонилось. Кинулись к востоку — и дерево потянулось к востоку. Сестры помчались туда, где живет племя мнонг, потом стали искать спасенья там, где живет

племя бих, а напоследок побежали к адхам, но дерево везде их настигало.

Воскликнул тут Дам Шан:

— О Хэни и Хэбхи! Быстрее бегите домой!

Хэни и Хэбхи помчались к своему селенью, но снова дерево раскинуло у них над головами ветви.

Хэни вскричала:

— О сестра! Нет у меня больше мочи бежать!

— Обопрись о мое плечо! — отвечала Хэни.

По дороге они растеряли весь бетель, который несли в узелке. Вот и селенье, но дерево все ниже и ниже склоняется, и только Хэни до дому добралась, как дерево со страшным стоном рухнуло на землю, и стон его отозвался эхом в небесах. Упало дерево и остальные деревья повалило, так что ни кустика в округе не осталось, будто тайфуном все смело. Только успела Хэни войти в дом, тотчас упала, кофта и юбка на ней изодрались в клочья. Хэбхи же прямо у порога упала.

А Дам Шан между тем бежал к селенью. Слезы лились у него из глаз. Увидел он, что Хэни лежит посреди дома, взял ее на руки и отнес в покои; увидел Хэбхи и тоже отнес в покои. Положил он своих жен, Хэни и Хэбхи, рядом.

Пришли рабы, чтоб в последний раз взглянуть на хозяек, не в глубоких водах они утонули, не от нечистой силы погибли, а все равно не своей смертью умерли. Запричитали рабы:

— О Небо! Нет у нас больше хозяек, остались мы одни в целом свете.

С утра до темной ночи и с ночи до утра Дам Шан оплакивал своих жен. Потом увидел, что слуги принесли могильный столб и на столбе вырезают фигуры. Сказал тогда Дам Шан:

— Эй, люди! Погодите сколачивать гроб и вырезать фигуры на могильном столбе. Я поднимусь на Небо, попрошу, чтоб оно смиловалось надо мной, чтоб отпустило женщин, которые готовили мне пищу, ткали набедренные повязки и рубахи! Эй вы, рабы! Повесьте гонги, пусть будет от них тесно в доме, ударьте в бронзовые гонги, да погромче! Стерегите Хэни и Хэбхи, которые погибли, как гибнет рис во время наводнения или трава под жгучим солнцем. Их души улетели из тел. Гостей зовите. Пусть пируют, как в новогодний праздник! Разнесите печальную весть по всем селеньям! Пусть она дойдет до горных духов. Пусть о ней услышит племя бих, пусть пригонит буйволов и принесет их в жертву. А лаосцы пусть пригонят быков. Племена бло и эпан пусть принесут в дар свиней и кур. Бейте в бронзовые гонги, бейте в бронзовые барабаны! А кто поискусней, пусть ударит в переливчатый гонг. Пусть слоны и слониhi друг за другом

идут к помосту и привозят гостей.

Спросили И Сух и И Сах:

— О Дам Шан, куда же ты хочешь путь держать?

— Я хочу отправиться к духам глубоких рек и к духам земли. Я хочу подняться на Небо, чтобы поведать ему о своем горе.

Взял Дам Шан меч, наточил его так, чтобы муху он надвое рассекал, когда она на острие садится, подошел к дому, где жило Небо, и крикнул:

— О Небо! Спусти мне шест!

Небо спустило шест, но Дам Шан шест изрубил, потому что он был медный. Тогда Небо спустило ему шест из серебра, но Дам Шан и его разломал на куски. Разнес он и третий шест, сверкавший, как солнце. Наконец Небо спустило золотой шест. Дам Шан поднялся, и Небо его спросило:

— Что за дело привело тебя ко мне?

Ничего Дам Шан не ответил, ни слова не проронил. Тогда Небо его табаком угостило. Схватил тут Дам Шан Небо за волосы и вскричал:

— О Небо! Сейчас отрублю тебе голову!

— За что ты мне такую кару уготовил?

— За то, что не вняло моим мольбам. Сколько вина, сколько буйволов и свиней я принес тебе в жертву, но ты не открыло мне свои железные двери. Взгляни на меня! Я выплакал целую чашу слез, даже циновка, на которой я сплю, вся промокла. О Небо! Мертвы мои жены, некому больше рис мне варить и разные яства готовить, некому ткать рубахи и набедренные повязки! Небо! Это ведь ты мне повелело перейти в дом Хэни и Хэбхи! А им наказало стать моими женами! Это ты лошадь взнуздадо, буйволу продело в ноздри веревку. Ты этот брак заключило. Ты грозило превратить меня в раба Хэни, если не возьму ее в жены, а если возьму, обещало сделать меня богатым, могучим вождем, который владеет множеством гонгов: бронзовых гонгов, плоских гонгов, гонгов, украшенных шишаками. Но на что мне все эти гонги из бронзы, рабы и рабыни, если некому больше варить мне рис, разные яства, если некому ткать больше рубахи и набедренные повязки!

Говорит Небо:

— Возьми трехлетний настой пестиков цветка кпо и тычинок цветка кпун и три дня подряд каждое утро орошай им твоих жен.

Молвил Дам Шан:

— А что толку, когда они мертвы, когда их уже коснулся тлен. Неужто они оживут и будут, как прежде, красивы?

Отвечает Небо:

— Разжуй хорошенько чеснок и приложи его к ушам твоих жен, возьми волшебный корень тиа и брось его на террасу.

Сказало так Небо и вдохнуло жизнь в Хэни и Хэбхи, которые были мертвы, словно побеги риса, затопленные водой, словно спаленные жарким солнцем былинки, словно люди, у которых нечистая сила украла душу.

Когда Дам Шан вернулся домой, волосы его были спутаны, как будто он захворал и вот-вот последний вздох испустит. Стал Дам Шан слушать, как бьют его слуги в звонкоголосые гонги и барабаны из бронзы. Стал смотреть, как один за другим подходят к помосту слоны и привозят гостей. Будто первый день Нового года настал, столько людей собралось хоронить Хэни и Хэбхи. Воинов тоже пришло великое множество, мечи их и пики издали можно было принять за луг, поросший травой и цветами, на которых играет отблеск вечерней зари.

Дам Шан вошел в дом, увидел Хэни и Хэбхи и снова заплакал.

— О жены мои, срезанные на лугу былинки. О, горе мне, горе Дам Шану! Словно небесные духи, вы меня одарили, сделали богатым и могучим вождем. Как поит соками свою листву баньян, так вы кормили меня и поили. О небесные духи! Дайте мне силу оживить моих жен, чтоб они, как прежде, ели печень буйвола из чаши, чтоб они ели из блюда печень быка, чтоб пили вино из самых лучших кувшинов. О Хэни, о Хэбхи! Зачем вы смертным сном уснули? Неужто я не смогу вас оживить! Вы забыли о нас! Взгляните, какое отменное вино слуги несут в кувшинах гостям, каких быков и буйволов уводят на заклание. Посмотрите, сколько разной живности у вас в хлевах — свиней, быков, а буйволов шесть раз по десятку. Сейчас я намажу вам волшебным снадобьем уши и еще в рот вам его положу.

И ожили Хэни и Хэбхи, восстали ото сна. Омыли руки в тазу, лицо ополоснули в медной чаше и говорят:

— О Дам Шан! О чем ты плачешь? Мы просто спали. Скажи, зачем разложены все эти белые и разноцветные ткани?

Вскричал Дам Шан:

— О люди! Мои жены ожили! Кто буйволов пасет, пусть гонит их сюда. Кто сторожит быков, приводит пусть быков. Вино несите! Ударьте в гонги и барабаны. Кто в гонги бить горазд, пусть ударит в гонг, да так, чтоб переплелся серебряный звон с золотым звоном. Бейте в барабан дамбло, священный барабан, который громче грома гремит! Бейте же в гонги, ударьте в барабаны! Ожили Хэни и Хэбхи! Мне Небо их послало, чтоб стал я богатым и могучим вождем, чтоб носил на голове двойную повязку, а на плече — мешок из звериных шкур.

Целый день отдыхал Дам Шан, всю ночь почивал, а наутро проснулся и говорит:

— О Хэни, о Хэбхи! Я собрался в дальний путь. Назад меня не ждите.

— В какие же места ты отправляешься?

— Я отправляюсь в дальние места, туда, где зеленеет лес, которому нет ни края, ни конца. Я буду ночью спать, а днем идти.

Спросила Хэни:

— Зачем тебе уезжать из дому? Разве у нас мало бронзовых гонгов с шишаками? Разве тебе недостает плоских гонгов?

Отвечает Дам Шан:

— Нет. Мне не надобны гонги, ни плоские, ни бронзовые с шишаками. Я хочу позабавиться, соскучился от безделья.

Говорит Хэни:

— О Дам Шан! Все, что есть у нас в доме, — твое: и бронзовые гонги, и слоны. Ты носишь на голове двойную повязку, а на плече — мешок из звериных шкур, ты богатый и могучий вождь. В доме висят сто бронзовых гонгов с шишаками, ты один ими владеешь. Еще есть у тебя сто плоских гонгов. Возле селенья пасется сотня твоих слонов. Твоими медными котлами можно уставить леса и поля. Двор твой полон свиней и коз. Слава о тебе дошла до самых горных духов. Все люди на западе и на востоке возносят тебе хвалу за то, что ты смел и отважен, а если случится, что в бою ты потерпишь поражение, то все равно не отступишь и добьешься своего.

Говорит Дам Шан:

— Услыхал я, что живет на свете женщина Солнце и задумал ее полонить, чтоб не было вождя, равного мне по силе и богатству. Чтоб никто не мог счесть гонги, которыми я владею, — бронзовые гонги, плоские гонги и гонги с шишаками.

Чтоб не могли равняться со мною лаосцы и люди из племени мнонг. Чтоб бамбук але склонялся передо мною, а бамбук мэо завял и высох, когда я пройду. Чтобы, завидев меня, рушились горы, а ручьи мелели. Вот почему я и собрался в путь. Еще слышал я, что среди всех божеств и горных духов на западе и на востоке нет женщины прекрасней женщины Солнца. Округлы икры ее ног, а юбки краше той, которая на ней надета, не сыщешь. За целый год пути отдохну я лишь десять дней, посплю только пять ночей. Так что не ждите меня назад.

Сказал так Дам Шан и вскочил на коня. Плащ на нем надет белый с черным. В руке сверкает копье, меч висит на поясе. Подъехал Дам Шан к дому Танг Манга.

Спрашивает его Танг Манг:

— Далеко ли ты собрался? Зачем ко мне пожаловал?

Дам Шан отвечает:

— Я голоден, рис ищу, чтоб наестся вволю. И жажда меня мучает, хочу найти вина. Я путь держу туда, где выросла лиана пампил. Я не побрезговал бы буйволятиной, отведал бы охотно мясо быка.

Сказал тогда Танг Манг:

— Вот рис, вот курица, зажаренная на огне, вот вино, а рядом с кувшином тростинка лежит. Уши мои готовы выслушать тебя. Скажи, о богатырь, куда спешишь?

— Я спешу полонить женщину Солнце. Ты живешь возле джунглей, может, знаешь тропинку к тем пастбищам, где она пасет своих буйволов и быков?

Говорит Танг Манг:

— Как не знает малое дитя тропинок в джунглях, как не знает женщина тропы слонов и носорогов, так и мне неизвестно, где пасет своих быков и буйволов женщина Солнце!

— А я затем только приехал к тебе, чтоб об этом спросить. Как можешь ты не знать, если живешь у самых джунглей, между востоком и западом. Давай поедem вместе, ты мне покажешь, где женщина Солнце пасет свои стада. Будь же добр, поезжай со мной!

И отправились они в путь. Целый год ехали, а спали всего десять ночей, всего пять дней отдыхали. Один скакал на жеребце, второй на кобыле ехал. Цокот копыт был похож на жалобный плеск волн, был он подобен вздохам морского прибоя. Он разносился по лесам и эхом отдавался в горах. Но вот путники подъехали к селенью Дам Пак Куэя. С помоста на них смотрели дети, женщины любовались ими. Все знали достославного Дам Шана, могучего, богатого вождя, который носит двойную повязку на голове, а на плече мешок из звериных шкур. Дам Шан с Танг Мангом въехали в селенье, спешились у дома. Тотчас прибежали люди, чтобы привязать коней, а другие просто пришли поглазеть. В два прыжка Дам Шан с Танг Мангом одолели лестницу и поднялись в дом. Топнули ногой, и дом качнулся семь раз. Дам Шан вонзил свой нож в плетень из бамбука и сел посреди дома, гибкий, как змея, как тигр, который пришел к ручью на водопой. Скажет слово или рассмеется, кажется, будто это гром гремит или молния сверкает. Никто не умел так говорить, как Дам Шан, никто не умел, как Дам Шан, смеяться.

Дам Пак Куэй позвал рабов:

— Эй, слуги! Дайте гостю подушки! Несите циновки и одеяла! Только

живо! Вниз постелите белые циновки, а сверху постелите красные циновки. Табак нарежьте мелко, положите его в бронзовую чашу и подайте гостю. Не забудьте принести в корзине табачных листьев. Пусть Дам Шан, наш гость, вволю покурит. Сварите двух куриц, да одна чтоб непременно была несущою, рис очистите, растолките в ступе, сварите и гостю подайте. Самый лучший кувшин вина несите, с горлом широким, как у людей племени мнонг, тот, который узорами украшен сверху, а снизу — резьбою, тот, у которого ручки ярко разрисованы, тот, за которого трех слонов дают. Эй, кто по воду ходит, пусть спешит к ручью. Кто в гонги бьет искусно, пусть нас потешит. Кто ловче всех тростинки вставляет в кувшин с вином, пусть покажет нам свое уменье.

Все тотчас тростинки в кувшин воткнули, и стал хозяин потчевать гостя. Дам Шан пил, пил и никак не мог от кувшина оторваться.

Сказал Дам Пак Куэй:

— О, Дам Шан! Ты выпил вдоволь вина, отведал курятины, риса поел, теперь расскажи, зачем пожаловал к нам. Быть может, кто-нибудь дом твой разграбил, захватил селенье и увел в рабство юношей и полногрудых женщин?

— Нет, беды со мной не стряслось. Но не ради забавы я пришел в твой дом. Скажи, достанет ли у меня сил полонить женщину Солнце?

Ответил Дам Пак Куэй:

— Нет! Тебе не добраться до женщины Солнца! Те края кишат тиграми и ползучими ядовитыми гадами. Тропа, по которой она за тыквами ходит, утыкана шипами, острыми, словно ножи! Тропа, по которой она ходит за перцем, уставлена западнями и ловушками. Пойдет по тем тропам вождь, вождь погибнет, пойдет богатый, богатый погибнет, пойдет смельчак, смельчак погибнет.

Воскликнул Дам Шан:

— Неужто никто не может пройти по тем тропам? Неужто не может пройти по тем тропам смельчак, который не знал поражения, который скорее падет в схватке, чем отступит. Само Небо меня бережет, и я все равно пойду. У меня есть волшебное снадобье, оно помогает в логове убивать носорогов, в джунглях усмирять тигров и пантер. Что ж мне бояться тех тварей, которые ползут по дороге или сидят на деревьях, если мне не страшны пантеры и тигры.

Дам Пак Куэй с горечью воскликнул:

— Тебя ждет верная гибель. Ползучие твари в воде, летучие твари в лесу на деревьях — все они грозят тебе смертью. На опушке лежат груды человеческих костей, а в горах, куда ни глянешь, кости быков и буйволов.

Сколько там погибло славных и могучих вождей! Земля в том лесу черная и вязкая. Не одного вождя она засосала, многие нашли там свою могилу. Сделай милость, останься! Я прикажу заколоть в твою честь борова и буйвола. Только не ходи в этот небесный лес, где не счесть шипов. Если ненароком туда залетит белка-летяга, она и земли коснуться не успеет — всю ее изрешетят колючки.

Дам Шан отвечал:

— Нет! Я ничего не боюсь! Я все равно отыщу ту тропу. Я доберусь до тех мест, до которых хочу добраться. Встретится на дороге тигр — убью тигра!

Дам Пак Куэй сокрушенно сказал:

— Когда надобно сидеть дома, ты хочешь в путь отправляться. Когда надобно отправляться в путь, ты сидишь дома. Быстрее зажги факел и скачи, покуда тьма не рассеялась.

Молвил Дам Шан:

— Никто в целом свете — ни на западе, ни на востоке — не посмеет сказать о Дам Шане дурное, — ни люди эдэ, которые живут возле рек, ни люди племени мнонг, которые обитают в долинах, никто не посмеет сказать, что Дам Шан не вождь, что он не носит на голове яркой двойной повязки, что у него на плече не висит мешок из звериных шкур. Знай же, Дам Пак Куэй: я ничего не боюсь!

— Что же ты медлишь, почему не идешь? — спросил Дам Пак Куэй. — Ведь погибнешь! Отчего ты не зажжешь факел и не тронешься в путь, пока на земле еще ночь; зажги факел, чтобы не забрести ненароком в лес, где бродят разъяренные слоны, в лес божественной Сун И Рит, чтобы не увязнуть там в болоте.

Отвечает Дам Шан:

— Уже полночь. Со всех четырех сторон доносится петушиное пенье. Скоро рассвет. Скоро проснется богиня Света и озарит все вокруг.

Говорит Дам Пак Куэй:

— О Дам Шан! Пока не рассеялась тьма, пока земля твердая и застывшая, ты еще сможешь проехать на своем коне. А как только взойдет солнце, земля в тех лесах размягчится, станет жидкой и топкой. Так говорят люди про лес божественной Сун И Рит.

И Дам Шан отправился в путь. Он ехал сквозь мрачный лес, взбирался на горы, где густо росли кусты и деревья. Острые травы ранили руки Дам Шану, ранил ноги индийский тростник. В дороге Дам Шана мучили голод и жажда, но он ехал и ехал. Все пустынее становился лес. Вот он подъехал к хлеву, где Небо держало своих буйволов. Над хлевом повис

ладно сделанный змей — само Небо его запустило. Только не было здесь людей — ни мужчин, ни женщин Дам Шан не встретил. Он дальше поехал, долго ехал и увидел ограду. Внизу она была сплетена из медных прутьев, вверху из железных. За оградой лежало селенье, люди селенья сторожили Луну и Солнце.

Доскакал Дам Шан до высокой горы, поднялся на вершину, отрубил от горы целый склон, бросил его в топь и сделал дорогу из земного мира в небесный мир. И пошел он к дому, который стоял в стороне, — там жили супруги Хкунг и И Ду вместе с богами Луны и Солнца. Грянул гром, и зашумел ливень — будто усталый конь задышал. Здесь ночь не сменяла день и было всегда светло. И открылась взору Дам Шана обитель женщины Солнца. Лестница-радуга вела в ту обитель. Увидел Дам Шан ступу и пест из чистого золота; когда толкли рис, они так сияли, что глазам было больно. Дам Шан спешился, снял седло с коня и повесил на лестницу, затем подал хозяевам знак: гость, мол, приехал. И не мог Дам Шан отвести глаз от огромного дома, от слонов, которые во дворе стояли. А сколько здесь висело гонгов из меди — плоских и с шишаками. Рабов и рабынь было столько, сколько в джунглях индийского тростника. Дом по углам весь был золотом изукрашен. Даже самый богатый и самый могучий вождь не владел таким домом. Дам Шан вошел внутрь, вонзил меч в стену и сел посередине. Слуги, которые ходили по дому, приняли его за небесного духа, чья слава взвилась над горами и достигла обители Света.

Женщина Солнце молвила:

— Эй, слуги! Взгляните, кто к нам пожаловал, что за чужак вошел в жилище.

Отвечали слуги:

— Мы его не знаем. Он одет в звериную шкуру. Волосы у него на ногах острые, будто ножи, скажет он слово — и кажется, будто это цикада заводит свою песню. Нет ему равного среди вождей.

Женщина Солнце сняла с себя юбку и надела другую, еще краше. Та юбка засверкала ярче утренней зари. Волосы у богини рассыпались по плечам и прикрыли уши. Вышла она из покоев. Где ни пройдет, все вокруг озаряется светом. Ступит шаг — и чудится, будто ястреб взлетел, будто феникс взмыл в небеса. Как течение воды в ручье, плавны ее движения. Никто не сравнится с нею красой. Шея у нее длинная и стройная, как у павлина. Женщина Солнце была истинной дочерью Земли и Неба.

Спросила женщина Солнце:

— Что тебе надобно, о человек, из мира праха и пыли?

Ответил Дам Шан:

— Я ищу женщину, которая варила бы мне рис, ткала и шила.

И снова спросила женщина Солнце:

— Скажи, зачем ты меч оставил без ножен? Зачем покинул жен, рабов и землю?

Отвечал Дам Шан:

— Я крепко держу в руках свой меч, у моей секиры есть рукоятка, у каждой женщины есть муж, а у мужчины есть жена.

Молвила женщина Солнце:

— О человек, ты лукавишь, ведь у тебя на земле есть жена, зачем же ты пришел к другой, улыбаешься ей и речи с нею заводишь?

Дам Шан отвечал:

— Я хочу иметь двух наложниц и жену, прекрасней которой не сыщешь ни на земле, ни на небе, я увезу тебя, и ты будешь жить в моем доме вместе с Хэни и Хэбхи!

— Нет! Я не уйду отсюда! Здесь мои пращуры жили, те, что породили Луну и Солнце. Я останусь в стране моих предков, между Землею и Небом.

Дам Шан ушам своим не поверил.

— Странно мне слышать твои речи, — сказал он. — Я засыпал трясины, которая отделяет земной мир от мира небесного, я пробирался через топь по колено в грязи, в грязи до самых подмышек. Я все одолел, чтобы тебя увидеть.

Сказала женщина Солнце:

— Если я пойду за тобою, на земле все погибнет: свиньи и куры, носороги и буйволы, быки, мулы и лошади. Даже лаосцы и кхмеры погибнут. Не будет земли для посевов. Воды не станет. Что будут пить люди эдэ? Исчезнут плоды. И в редких лесах, и в густых лесах засохнут деревья и увянут травы. Камыш перестанет расти, не будет давать побегов. Исыякнут ручьи. На землю обрушится страшная засуха. А сейчас мне пора. Близится время восхода. Ты должен уйти, человек.

Но Дам Шан стоял на своем:

— Нет! Я не уйду! С мечом и луком я пробирался через лес, в глубокой теснине я убил носорога и одолел тигра в высоких горах, меткой стрелою сбил ястреба, победил злых духов. Всем сердцем я к тебе стремился, ты должна стать моею женой, только вместе с тобой я покину твой дом.

— О человек! Торопись, ты должен уйти! Я дочь Неба, а ты простой смертный. Ты только и можешь, что есть рис и разные овощи да запивать их водою. А я не хочу жить вместе с людьми.

Молвил Дам Шан:

— Я думал: ты встретишь меня добром, но ты надо мной посмеялась, презрением ты меня одарила. Пусть будет по-твоему, я возвращусь в родное селенье.

Сказала женщина Солнце:

— Помедли немного, не спеши выходить из дома, подошло мое время, время восхода солнца. И если ты сейчас отправишься в путь, ты непременно погибнешь!

— Теперь мне все едино — жизнь или смерть. Я уйду!

Сказал так Дам Шан и на коня вскочил. Но только он тронулся с места, как солнце из-за горы вышло. Погнал коня Дам Шан к темному лесу. Но солнце пригрело землю со всех четырех сторон, и стала она вязкой и топкой. Вначале увязли в трясине ноги коня, а солнце стало над самой высокой вершиной. Оно совсем растопило землю, и она поглотила коня. Вот-вот и Дам Шан поглотит. Но прежде, чем исчезнуть навеки в трясине, увидел Дам Шан бабочку, которая мимо летела, и взмолился:

— О бабочка, спаси меня!

Но услышал в ответ:

— Не могу я тебя спасти!

Увидел Дам Шан стрекозу, которая мимо летела, и снова взмолился:

— О стрекоза, спаси меня!

Но стрекоза отвечала:

— Не могу я тебя спасти!

— Лети тогда к моим женам в селенье и скажи, что увяз я в трясине, в проклятом лесу, в лесу божественной Сун И Рит, в темном и мрачном лесу.

Стрекоза полетела к дому Хэни и Хэбхи:

— О Хэни, о Хэбхи! Я вам принесла дурную весть: ваш муж, ваш Дам Шан, увяз в трясине, в черном, будто смола, лесу.

— А как он в том лесу очутился?

— Он отправился в путь, чтобы добыть в жены Солнце, и погиб в черном, будто смола, лесу, в трясине лесов божественной Сун И Рит.

— Ты, стрекоза, наверно, смеешься над нами! Можно ли верить твоим словам?

— Забавы ради такого не скажешь. Дам Шан и впрямь мертв, он погиб в заповедном лесу. Солнце взошло, земля стала топкой, и Дам Шан утонул. И не было никого из родных рядом с ним.

Вскричала Хэни:

— Эй, слуги! Бегите к дому Хэанг, старшей сестры Дам Шана, передайте ей весть, скажите, что Дам Шан хотел похитить женщину Солнце и увяз в трясине мрачного леса божественной Сун И Рит.

И побежали слуги к дому Хэанг:

— О госпожа! Мы принесли тебе дурную весть: Дам Шан погиб в зловещем лесу божественной Сун И Рит, там, где Земля сходится с Небом.

— Эй, слуги! — вскричала Хэанг. — Ведите без счета буйволов и быков на закланье. Я хочу вознести моление в память о брате, который погиб в черном, мрачном лесу.

Кинули клич Хэни и Хэбхи:

— Эй, люди! Дам Шан погиб. Он увяз в трясине в лесах божественной Сун И Рит. Сзывайте всех: все племена, всех жителей селенья, всех слуг. Пусть сотни, нет, пусть тысячи придут хоронить Дам Шана. Кто лошадей пасет, пусть лошадей приводит! Кто быков пасет, пригонит пусть быков!

И стали со всех четырех сторон стекаться люди, несли ножи, несли мечи. Их было множество, как ланей, которые идут на водопой, как в муравейнике крылатых муравьев, черных муравьев и термитов. Шли вожди племени бих с ожерельями из тигриных клыков, шли вожди племени мнонг с ожерельями из медвежьих зубов. Бесконечной вереницей тянулись люди, и не было им счету.

И говорит Хэанг:

— Кто над могилой столбы воздвигать умеет, пусть тащит столб. Кто знает, как над могилой построить хижину, пусть строит хижину. Кто забивает искусней всех быков и буйволов — пусть на закланье их ведет. Кто варит рис — пусть живо его очистит. Эй вы, умельцы, ударьте в бронзовые гонги и барабаны!

Все люди селенья слышали плач Хэни и Хэбхи. Даже руки и ноги намокли у них от слез. Они плакали день, а потом еще ночь, даже о сне позабыли.

— О Дам Шан! — причитала Хэни. — Ты велик, словно баньян! На всей земле не сыщешь вождя, который был бы славен, как ты, ни среди бихов, ни среди мнонгов. Если бы почил ты в родном селенье, мы над могилой твоей воздвигли бы столб деревянный, а на том столбе вырезали бы твой образ, хижину построили бы и весь год гроб для тебя долбили бы, но умер ты не своей смертью, трясина тебя засосала в темном и мрачном лесу. Наставляла тебя матушка, но ты не послушался. Забавы тебя сгубили. Не отведаешь ты больше рису и буйволятины, воды не выпьешь. Мой рис на блюде давно остыл. Засохла курица, и стала она словно костлявый тощий ястреб. Засосала тебя трясина в мрачном, темном лесу.

— О Дам Шан! — причитала Хэбхи. — Не чаяла я, что умрешь ты в пустынном лесу. Уж лучше бы ты погиб в схватке с врагом, в бою за чужие земли и рабов. Вернись же, отведай сердце быка, что на блюде лежит,

отведай буйволиное сердце, выпей вина из лучших кувшинов.

— О брат! — причитала Хэанг. — Ты был могучим, богатым вождем. Если бы ты попал в плен к мнонгам, к славным вождям, я бы им выкуп дала за тебя, я дала бы им столько гонгов, слонов и рабов, сколько они пожелали бы. Но ты мертв. Никогда больше не увижу я твоего лица, никогда не встречусь с тобой.

Хэбхи лила слезы и причитала:

— Тебя матушка наставляла — ты не послушался, тебя отец наставлял — ты не послушался. Сгубили тебя забавы да игрища. Все слезы я выплакала, их хватило бы на целую чашу. Не есть тебе больше рису, буйволятины и мяса быка, не пить воды, лианой пампил не лакомиться. Мой рис давно остыл на блюде, а курица засохла и стала будто тощий костлявый ястреб. Не чаяла я, что трясина тебя засосет в темном лесу, уж лучше бы ты погиб в схватке с врагом, в бою за чужие земли.

Рыдала Хэанг:

— Сломается нож — его починить можно. Затупится секира — ее наточить можно. Слон пропадет — нового купить можно. Но мертвого брата не оживишь! О, горе мне, о, горе!

В тот миг в рот Хэанг муха влетела. То была душа Дам Шана.

Повелела Хэни принести сто бронзовых гонгов с шишаками и сто плоских бронзовых гонгов и бросить их в трясину в лесу божественной Сун И Рит.

Повелела так Хэни и говорит:

— Насыпали мы могильный холм, хижину построили на нем, принесли в жертву великое множество буйволов и быков. Вернемся же теперь в селенье. Эй, люди! Эй, слуги! Обряд совершен, пора возвращаться домой. Вознесем молитву почившим предкам и духам, чтоб помогали нам покрепче косари держать в руках, когда мы выйдем валить деревья и расчищать землю под посевы.

Наутро, как только засияло солнце, в жертву принесли пять кувшинов вина и буйвола и помолились за здоровье всех жителей селенья.

VI

Прошел день, ночь миновала, а когда наступил следующий день, Хэанг вышла на склон горы в поле и соорудила хижину. В ней она провела весь день и всю ночь, отгоняла диких зверей и птиц, чтобы не портили посевы, а наутро заметила, что соски у нее потемнели. Хэанг понесла. И

родила она вскорости сына. Дни и ночи плакал и кричал младенец, ни на минуту не унимался. Кого только не звали — тысячу самых искусных бабок-повитух, сто знахарей — никто не мог сказать, что приключилось с младенцем, отчего он денно и ночью слезами заливаается. И вот однажды уснула Хэанг, весь день спала и всю ночь, и явился ей во сне небесный дух, который сказал, что она Дам Шана родила и что надобно ей младенца Дам Шаном наречь. Так и сделала Хэанг, и с той поры младенец больше не плакал, не надрывался, вся хворь из него вышла. Стал он есть бычье сердце с бронзового блюда, буйволиное сердце с серебряного блюда, стал пить вино из лучших кувшинов — все делал так, как некогда дядя его, Дам Шан. И принесли в жертву душам почивших предков пять кувшинов вина, и принесли в жертву буйвола. В жертву духам принесли семь кувшинов вина и буйвола, праздник устроили в честь наречения младенца Дам Шаном и помолились, чтоб пребывал он в благоденствии и богатстве, чтоб владел во множестве бронзовыми гонгами — плоскими и изукрашенными шишаками, чтоб стал могущественным вождем, как его дядя.

Дам Шан ростом еще был с тыкву, а уже умел гонг выбрать, торговать слона и раба обменять.

Играл он с детьми, фигурки из глины вместе с ними лепил и был всех ловчее. На лестницу никто быстрее его не взбирался. Однажды уснула Хэни, спала всю ночь, а наутро кинула клич:

— О брат мой И Зин! О брат мой И Лин! О братья И Зан и И Лан! Что вы делаете там, за селеньем? Живы ли вы? Спешите же, братья, сюда!

Молвил И Сух:

— Зачем ты скликаешь братьев, сестра?

— Не ради забавы я кинула клич. О И Сух, о И Сах, вы умельцы дела улаживать, вы умеете радовать сердца вождей. Так вот хочу я, чтоб в доме у меня был человек, который может на горном склоне поле разбить, срубить дерево, который будет отгонять зверей и птиц, чтобы посевы не губили.

И принесли в жертву духам кувшин с вином, принесли в жертву курицу. Помолились предкам, чтоб помогали во всех делах.

И отправились И Сух и И Сах в путь. Пришли они к дому Хэанг.

Сказал И Сух:

— О сестра! Хотим мы в одном ручье с тобою купаться. Куда прикажешь, туда и пойдем. Надобно нам с тобой рассудить одно дело.

Хэанг вышла из покоев, велела кувшин вина принести, зажарить курицу и рис подать на бронзовом блюде.

Говорит ей И Сух:

— Яства запивают вином. После вина разговор заводят. Верно я говорю, сестра? Смерть Дам Шана сгубила наш рис, засушила траву. Дом у нас, того и гляди, обвалится, вот-вот настил рухнет. Чтоб род наш не оскудел, должны вы отдать нам вместо Дам Шана другого мужчину из вашего рода. Когда засыхает банан, надо тотчас другой банан посадить, когда засыхает сахарный тростник, надо другой вырастить.

Спрашивает Хэанг:

— Кого вам надобно? Скажите!

— Всем ведомо, что если умер дядя, племяннику надобно его заменить; если тетка умерла, племяннице надобно ее заменить. Так уж повелось, что живой заменяет умершего. Как пчела летит за медом к цветку, как парень спешит к девушке, так спешили мы к вам, чтоб рассудить это дело.

И говорит Хэанг:

— Не знаю, что и делать. Мой сын еще мал, весь день забавляется с глиной. Не то что бегать, ходить еще как следует не умеет. Ему не под силу в поле работать. Плюнет он — плевок через очаг не перескочит. Крикнет он — от посевов диких зверей и птиц не отгонит. Любит живот набивать. А глаза у него то и дело слипаются — так бы и спал весь день и всю ночь.

Говорит И Сух:

— Не беда, что он мал, не беда, что он глуп. Пусть придет к сестрам в дом как хозяин, чтобы было кому сторговать слона и купить гонги. Мы поможем ему стать могучим вождем. Хоть и мал пока ваш Дам Шан, пусть он станет мужем нашим сестрам, а когда подрастет, продолжателем станет тех славных дел, которые дядя его вершил.

Говорит юный Дам Шан:

— Матушка! Я не ленив. Я могу в поле построить хижину, умею траву полоть и деревья рубить. Дай только срок, я подрасту и стану могучим, богатым вождем.

И сказала Хэанг:

— Замени же, мой сын, Дам Шана, смерть принявшего, сбереги все добро и богатство, которые он оставил.

И отвечает юный Дам Шан:

— Матушка! Я возьму в жены Хэни, но прежде пусть мне отдадут все добро, которое оставил дядя.

И сказал тут И Сух:

— Этот обычай нам ведом, и мы строго его соблюдаем. Все добро, которое оставил Дам Шан, мы отдадим тому, кто Дам Шана заменит. А матушке подарим слона.

Сказала Хэанг:

— Эй, родичи! Пойдемте за юным Дам Шаном, отведем его в дом жены.

И все толпой двинулись к дому Хэни: кто шел с огромным ножом, кто с длинным мечом. Подошли к дому.

Слуги Хэни вино поднесли гостям, развесили медные гонги, буйвола забили и пированье устроили. Зажарили мясо, опустили в кувшин тростинки и вознесли моление за здоровье матери Дам Шана. Наутро принесли еще вина и еще одного буйвола забили, чтоб совершить брачный обряд. Жених и невеста воссели рядом. Жених взял в рот тростинку, опущенную в кувшин с вином, невеста тоже взяла в рот тростинку, а ноги они поставили на стальную секиру. Совершили обряд и отдали выкуп матери жениха: одного слона, одну рабыню, чтоб стряпала, и одного раба, чтобы работал на хозяйку.

Прежде чем вернуться в свой дом, Хэанг сказала Дам Шану:

— Сын мой! Заботься о жене и о детях, пусть их жизнь будет счастливой. Утром пораньше выходи в поле, пока росинки блестят на траве, мотыгой взрыхли землю. Не бегай в родительский дом и по чужим домам не слоняйся. Не проводи время в праздности.

Наставила она Дам Шана, потом к Хэни обратилась:

— А ты, дочь моя, о Дам Шане заботься, расти его, пусть мужчиной станет. Я же домой возвращусь.

Дам Шан проспал весь день и всю ночь. А утром пошел в поле, чтоб привести в порядок сторожевую хижину, потом вернулся и в доме навел порядок. Он на все был горазд: и гонг умел выбрать, и барабан торговать, и повелевать рабами. Он еще не вырос, а уже стал настоящим вождем, ни в чем не уступил бы дяде.

Вот и Новый год настал. Гостей собралось видимо-невидимо. Они пришли вина испить и заесть его буйволятиной и свининой.

И вскричал Дам Шан:

— Братья мои! Люди селенья! Рабы! Давайте же встретим Новый год в веселье и радости! Принесем жертвы и помолимся душам умерших предков, горным духам и речным божествам, духам земли и воды, тем, которые обитают в небесах и живут в глубине земли, тем, которые правят на западе и властвуют на востоке. Пусть даруют нам силы и ниспошлют благоденствие, пусть зеленеет земля, пусть воды никогда не иссякнут, пусть растут в изобилии бананы и сахарный тростник. Несите же кувшины с вином, ведите на закланье буйволов, боровов и быков!

Ударьте в гонги! В самые громкоголосые гонги бейте! В самые

звонкоголосые гонги бейте! Ударьте, пусть их звон услышат в каждом доме, пусть он в землю уйдет сквозь настил. Пусть он над крышей взвьется и разнесется по небу! Пусть обезьяны на деревьях в изумление отпустят ветви и наземь грянутся. Ударьте, пусть злые духи услышат и перестанут людям вредить. Пусть мыши, кроты бросят рыть свои норы! Пусть выползут змеи! Пусть остановятся лани с оленями, уши свои наострят. Зайцы пусть уши подымут и перестанут травинки жевать. Пусть носороги и слоны на месте застынут. Пусть бросят они детенышей молоком поить. Пусть все сущее только и слушает, только и внемлет гонгам Хэни и Дам Шана.

Сказание о Дам Зи

Широко раскинулось богатое селенье, домов в нем столько, сколько травинок на холмах. Разный люд там живет — и бедный и богатый.

На трех холмах стоит селенье, на трех холмах, которые поросли буйной травой, и подступают к нему с трех сторон джунгли. А за оградой, которая возведена вокруг селенья, в кучу свалены шелуха от рисовых зерен, очистки батата и маниоки. Гуляют по селенью парни и девушки, путники из далеких и ближних мест, их великое множество, будто пчел,

которые покинули улей. Каждый знает — и кто на западе живет, и кто на востоке живет, как богато селенье Дам Зи, как здесь много гонгов из бронзы, узорчатых кувшинов — все знают, что здесь в изобилии рис и вино. Дом, где живет сам Дам Зи, стоит посредине. По широкой лестнице, которая ведет в дом, непрерывной чередой движутся люди — одни идут вверх, другие вниз. Помост из толстоствольного бамбука сделан, а ниже помоста — доска, на ней барабан стоит со стропилами вровень. Сверкают огнем кувшины из меди, а котлов, больших и малых, столько, что ступить некуда. Свиней во дворе — будто камней в горах, кур — словно листьев в лесу. Выйдут гуси и утки на озеро, белым становится озеро. Огромные стада быков и буйволов на пастбищах пасутся, прирученным слонам в лесах нет счету. Люди селенья из года в год досыта едят, из месяца в месяц пьют вдоволь. В гонг ударят в доме Дам Зи — стропила обрушатся, бронзовый барабан загремит — столбы покосятся. Обезьяны в джунглях на ветках заслушаются, забудут о цветах и о сладких плодах.

Дам Зи и его братья, которые ростом стали с отца, и их сестра, которая с мать сделалась ростом, весь день и всю ночь отдыхали. Дам Зи был могуч, словно старый баньян, он первым вырос и давно возмужал. Второго брата звали Син Мын, третьей в семье была сестра Бера Этан, за ней шел младший брат по имени Син Мэнга. Дам Зи и его братья добыли себе сверкающие кхиены, добыли мечи. Все трое уже в тот возраст вошли, когда сила есть, чтоб кхиен метнуть ловко и с мечом в руке оборонить от врага селенье. Братья часто охотились в джунглях на носорогов, не раз ходили на тигров, а диких кабанов, оленей, ланей и других тварей, которых они перебили, которым головы свернули, не счесть. Красавцами уродились три брата и именами звучными родители их нарекли. Были братья стройными и проворными, как дикие лани. Взор ясный, как у попугая, меткий и острый, как у осы. Повязки на бедрах дивно расшиты. Шагнув братья шаг — украшения звенят. Кинжалы висят у пояса, до самых бедер спускаются, мечи по земле волочатся.

Голову братья держат горделиво, будто лесная птица, у губ упрямые складки пролегли.

Сестра их Бера Этан тоже слыла красавицей. Во всем обширном крае второй такой не сыщешь. Волосы на лоб ниспадают, сверкают белые зубы, лицо овальное, будто яйцо из-под несущки. Тело округлое, точно корзиночка, в которую девушки украшения кладут и на ночь у изголовья прячут. Кожа розовая, как цветок оран, и блестящая, словно цветок кэнок. Сядет она — деревья и травы вянут в изумленье. В лес зайдет — птицы умолкнут, забудут о спелых плодах. Волосы у нее в большой пучок

собраны, и медная шпилька из него торчит. В маленькие пучки шпильки из серебра понатыканы. Станет она наверху, а волосы по самым нижним балкам дома рассыпаются. Стан тонкий, словно муравей, груди дивно изогнуты, будто котлы медные, ягодицы круглые, будто яйца, что пташка лесная снесла. Юбка и кофта на ней цветами расшиты, бахрома развевается, с ветром играет, будто догнать его хочет, украшения звенят. Ходит она плавно, легко, мерно покачиваясь, будто хобот слоновый. Ступит шаг — никто не услышит, как не слышно плеска рыб под водой.

Взглянешь на Бери Этан и не поверишь, что мать с отцом ее на свет родили. Будто славный умелец вылепил ее искусной рукой или отлил из бронзы. Посмотришь на нее издали — глаз не отведешь, вблизи она — еще краше, еще милее. За одно ее слово целого буйвола можно отдать, за улыбку — и слона не жаль. Засмеется она — каждый обрадуется.

Во всех селеньях, на западе и на востоке, возносят хвалу Бере Этан. Раскроет она губы в улыбке, зубы сверкают, словно цветок дамзы, раскрывший поутру лепестки. А станет она ткать или вышивку сделает — никто в проворстве рук не сравнится с ней. На шее два ожерелья сверкают: из серебра и из золота. На свете нет краше Бери Этан.

Трех сыновей и дочь народили на свет мать и отец. Мать на рассвете вставала и весь день трудилась. Порвется у детей одеяло, она другое ткёт, прохудится рубаха — она кладет заплату.

Выросли дети, ума набрались, сыновья вышли в поле работать, стали в лесу на птиц охотиться, дочь начала для матери ткать, для отца вышивать набедренные повязки. И вот как-то утром, когда в поле больше не было дела, мать сказала сыну:

— О Дам Зи! Я родила вас, моих сыновей, вы выросли, ростом догнали отца. Я родила вас, мои сыновья, я вас вырастила. А теперь вы должны выполнить то, о чем я вас попрошу. Вы приносили вдоволь рыбы и мяса, я варила и жарила, но рыба и мясо мне приелись. Хочу я узнать, вправду ли сладок и вкусен чудо-тростник гуон, который растет в далеких джунглях. У вашей матери ноги ослабли, руки дрожат, сохнет тело, как сохнет и вянет от тумана табачный лист...

И отвечает Дам Зи:

— О матушка! Ты хочешь узнать, вправду ли сладок и вкусен чудо-тростник гуон, который растет в дальних джунглях?

— Хочу, сын.

— Завтра же мы, твои сыновья, отправимся в джунгли за тростником. Стара наша матушка стала, немощен наш батюшка.

Солнце все ниже и ниже клонилось. Куры уже уселись на насест,

вернулись с пастбищ буйволы и быки. Тогда Дам Зи и взошел на крыльцо, и бросил клич людям селенья, чтобы рассудить вместе с ними, как завтра в путь отправиться за чудо-тростником.

Вскричал Дам Зи:

— Эй, слушайте, рабы! Всех вас скликаю я. Поешьте рису, воды напейтесь и ко мне спешите. Рассудим одно дело.

Тут раб пришел и спрашивает:

— О господин наш, о Дам Зи! Мы слышали твой зов. Что приключилось?

Отвечал Дам Зи:

— Не ради забавы кинул я клич. Вот люди придут, все как есть расскажу, без утайки.

Люди селенья едва слышали клич, тотчас к Дам Зи поспешили. Даже малые дети пришли, старцы с посохами приковыляли. Огромная толпа собралась, тогда и молвил Дам Зи:

— Слушайте, рабы, слушайте, люди селенья! Мы подожгли шелуху от рисовых зерен, костер развели, в костер побросали очистки бататов, чтобы дымом вам подать знак. Слушайте же, люди, меня.

Отвечали рабы и люди селенья:

— Мы слушаем тебя, о господин наш!

— Завтра мы отправимся в джунгли, чтобы добыть чудо-тростник. Пусть пойдут с нами все — и стар и млад!

Отвечали рабы и люди селенья:

— Нам давно хотелось добыть чудо-тростник, но некому было повести нас в джунгли, а ты вызвался, и завтра мы все пойдем за тобой.

Молвил Дам Зи:

— Раз так, припасите рису и соли побольше. Никто не ведает, долог ли, короток ли будет наш путь. А вы, юноши, с милыми девушками проститесь, прежде чем в джунгли уйти, а у кого есть жена, с женой распрощайтесь.

Отвечали юноши:

— О господин наш, напрасны наставленья твои. Мы знаем обычаи предков и строго их соблюдаем.

Все разошлись по домам, чтобы припасти еду и все остальное, что в пути надобно бывает.

А юному Син Мэнге, младшему брату Дам Зи, никак не сидится дома, тянет его со двора. Ведь он вырос, ума набрался, он хочет теперь, чтобы к ним в дом женщина пришла, которая бы рис для него варила, ткала рубахи и расшивала узорами набедренные повязки. И спрашивает он сестру:

— Скажи-ка мне, сестра! Вот я вырос, ростом стал с отца, умею джунгли корчевать, в поля их превращать. Хочу, чтобы к нам в дом женщина пришла, которая бы рис для меня варила, ткала рубахи и расшивала узорами набедренные повязки. Ты не слыхала, не живет ли в селенье на западе или на востоке девушка, которая в одиночестве коротает дни и ночи? Где бы такую найти, чтоб красивой была, хоть сядет, хоть встанет, чтобы округлой была, как тюк, хлопком набитый?! Где бы такую найти, чтобы ровней была мне, словно вино одного урожая. Где бы такую найти, что со мной родилась в один день, в один час?

Отвечала Бера Этан:

— О брат мой Син Мэнга! Ни в селеньях на западе, ни в селеньях на востоке, ни в деревнях, что раскинулись возле реки, ни в селах на склонах гор не найти такой девушки. Но есть одна, которая придется тебе по нраву. Зовут ее Хэбиа Сун, а живет она у реки Эзон. Взглянет она на тебя прямо, потом посмотрит сбоку и полонит твое сердце.

— Видно, права ты, сестра, — отвечал Син Мэнга.

Назавтра, только солнце стало клониться к закату, Син Мэнга надел на бедра повязку, самую лучшую выбрал, цветами вышитую, красной и синей бахромой украшенную. Шагнет Син Мэнга, а бахрома вьется, вслед летит. Надел он рубаху с красным шитьем на груди, голову повязал шелковым платком. Сияет тот платок, переливается, точь-в-точь как перья у птицы диеу. Вышел Син Мэнга из дому и отправился к тому селенью, где жила Хэбиа Сун. Подошел Син Мэнга к дому красавицы и задумался.

— Как в дом войти? Поднимешься прямо по лестнице — в очаг угодишь, где мать развела жаркий огонь, проберешься в дом с другой стороны — опять в очаг угодишь. Можно бы в окошко влезть, да не знаю, спустит ли мне красавица лестницу.

Юноша подошел было к окошку Хэбиа Сун, но слон, который дом сторожил, учуял чужака и прогнал его. Син Мэнга побежал прочь, тихонько приговаривая:

— Эй, слон длиннохвостый. Твои бивни огромны и могучи. Не гони меня. Я пришел сюда, чтобы увидеть красавицу Хэбиа Сун. Дай срок, я воздам тебе заботой и лаской.

Как услышал слон эти слова, так успокоился, не гнал больше Син Мэнгу, захлопал хоботом, слезы потекли у него из глаз. Опустился он на все четыре ноги. Син Мэнга проворно взобрался к нему на спину, тогда слон опять на ноги встал, и юноша впрыгнул прямо в покои прекрасной Хэбиа Сун, вошел, осторожно ступая. Красавица почивала, и снились ей сладкие сны. Была она прекрасна, словно браслет из серебра, кем-то

забытый на узорной циновке. Остановился юноша и не знает, что делать, как ему девушку разбудить.

— Как же мне быть теперь? Позовешь ее громко, разбудишь — станет гневаться. Дотронешься до лица — укусит, чего доброго. Возьмешь за ногу — ногой ударит. Возьмешь за руку — ударит рукой. Поглажу-ка ей груди — тогда она рассмеется.

Так он и сделал.

Шевельнулась легонько красавица, изогнулась, словно змея, и спрашивает:

— Кто это здесь? Не Син Мын ли?

— Нет, я не Син Мын.

— Так, может, это Дам Дероан?

— Опять не угадала.

— А, теперь знаю. Син Мэнга пришел.

— Да, это я, Хэбиа Сун.

— Где же ты бродишь, Син Мэнга, что за весь год твоя нога в первый раз ступила на лестницу моего дома, что за весь месяц ты в первый раз поднялся ко мне на помост?

Отвечал Син Мэнга:

— Хочешь знать, где я брожу? Нынче буйвол ищет нежную, молодую траву, юноши эдэ выросли и набрались ума, им надобно иметь свой дом и поле на горном склоне.

Сказала прекрасная Хэбиа Сун:

— Тебя обуяли дерзкие мысли. Как же посмел ты коснуться моих одеял и циновок?

— У меня крепкие ноги, потому я отважился пройти по поперечным стропилам в твоём доме, у меня широкие бедра, потому я отважился пройти по продольным стропилам в твоём доме, дерзнул коснуться твоих циновок и одеял. Истинную правду тебе говорю, а если солгал, пусть обрушатся на меня горе и беды.

Молвила Хэбиа Сун:

— О Син Мэнга! Лошадь, которая пасется на лугу, возвращается в стойло, буйвол, мучимый жаждой, смиренно склоняет голову перед ручьем. Я хочу, чтобы был у меня в доме мужчина, который умел бы деревья в джунглях валить, засеивать поле и сторожить его от лесных птиц и зверей. Если ты согласен на это, будешь мне мил.

— Правду ли ты говоришь, о прекрасная Хэбиа Сун?

— Правду! Но прежде скажи мне, сколь велика была твоя храбрость, когда шел ты в мой дом?

— Когда шел внизу, мимо свай, под помостом, моя храбрость была величиной с золотую чашу, когда я к тебе поднимался, она стала величиной с серебряный таз, а когда я вошел в твои покои, моя храбрость стала велика, как кувшин вина, который слона стоит.

— Правду ли ты говоришь, о Син Мэнга?

— Правду!

И сказала тогда Хэбиа Сун:

— О Син Мэнга! Одного я боюсь, что дома тебя ждет жена, а ты хочешь обзавестись еще и подружкой. Боюсь, что в каждом роду у тебя есть подружки, и в роду ние, и в роду шкоро. А сюда ты пришел лишь затем, чтобы развеять свою печаль, чтобы позабавиться.

Отвечал Син Мэнга:

— С тех самых пор, как я покинул материнское лоно и отец нарек меня именем, ничего такого, о чем ты говоришь, со мной не случилось. Я вырос, ума набрался, но не гулял по селеньям на западе, не бродил по деревням на востоке. Нынче ночью я хочу лесную лиану эпанг разрубить, оторвать макушку у дерева мдин в горах, изломать банановую пальму и изрубить сахарный тростник. Хочу подарить тебе медный браслет. Но если лицо мое тебе не по нраву и статью я не вышел, тогда попусту мы с тобой толкуем.

Ответила Хэбиа Сун:

— Смотри же не отрекись от своего слова. Ты обещанье дал, которое навеки юношу с девушкой связывает. И если в один прекрасный день ты заведешь себе другую подружку, пусть дом, где живут твои отец и мать, в прах превратится, пусть развеется пеплом по ветру.

Отвечал Син Мэнга:

— Если такое случится, я откуплюсь, семь слонов приведу тебе, о Хэбиа Сун! Но если в один прекрасный день ты заведешь себе парня из дальних или ближних селений, пусть дом, где живут твои мать и отец, в пепел и прах превратится, а всех людей твоего селенья, от мала до велика, я истолку в ступе.

— Пусть будет так! — молвила Хэбиа Сун. — Завтра ты пойдешь в джунгли добывать чудо-тростник. Знай же, Син Мэнга! Если нынешней ночью ты принесешь мне кувшин с деревянной подставкой, если ты принесешь мне кувшин с крышкой из листьев, я не обрадуюсь. Лучше добудь мне дощечки из дерева пры, изукрась их узорами, и подари мне дощечки из дерева мша, их ты отдели резбой. Да не забудь припасти для меня узорчатых досок и досок с искусной резбой.

Прекрасны юноша Син Мэнга и девушка Хэбиа Сун! Когда они рядом

идут, их можно принять за пару чудесных рыбок кзоа, что скользят в подводном гроте; когда сядут они, кажется, будто две птицы тихонько клюют плоды на баньяне.

Сказала Хэбиа Сун:

— О Син Мэнга! Отведай моего табаку. Я рубила его топором, нарезала его мечом, он жесткий, как конский навоз, он жесткий, как слоновый навоз. Кури же, отведай моего табаку!

И ответил Син Мэнга:

— Милая! Когда матушка для меня нарежет табак, тараканий дух от него идет, когда батюшка для меня нарежет табак, он гнилью воняет, когда ты для меня нарезаешь табак, ароматен он, как цветы горчицы.

Молвила Хэбиа Сун:

— Потолковали мы с тобой, все рассудили, пора и почивать. Руки мои остыли, ноги остыли, и лишь в твоей воле нынче ночью согреть их.

Отвечает ей Син Мэнга:

— Никто не учил рыбу искусно плавать, никто не учил обезьяну проворно взбираться на пальму. Мне давно ведомо то, о чем ты сказала сейчас. Нынче ночью мы крепко прижмемся друг к другу — бедро к бедру, нос к носу. О милая! О Хэбиа Сун! Открой мне свое лицо, я его поцелую. И колени твои поцелую, что крабами пахнут, и бедра твои поцелую, что бетелем пахнут, и шею твою поцелую, что пахнет медом, который пчелы с цветов собирают.

Сказала Хэбиа Сун:

— О Син Мэнга! О мой милый! Взгляни на груди мои, посмотри на сосцы. Они изогнулись, как бивни слона. Целуй же меня, целуй. И не забудь в дальних краях, как ты груди мои целовал.

Сказал Син Мэнга, улыбаясь:

— О милая! Не оставляй свои груди округлые у ручья, куда по воду ходят, не оставляй свои груди, изогнутые, словно бивни слона, на тропе, по которой в лес за хворостом ходят, оставь их лучше мужу.

Ответила Хэбиа Сун:

— Странно мне слышать такие твои шутки. Или я тебе наскучила?

Отвечал Син Мэнга.

— О милая Хэбиа Сун! О прекрасная Хэбиа Сун! Нынче ночью лягушка взберется на жабу, нынче ночью жаба взберется на лягушку. Нынче ночью к тебе заберется моя улитка.

И в лад ему говорила Хэбиа Сун:

— О милый! О Син Мэнга! Мы ровня с тобою, мы как вино одного урожая. Я слаба и мала, ты носил бы меня на плечах, если б я ходить не

умела, ты бы кормил меня, если б я есть сама не умела. Мы нынче браслетами обменялись, ты подарил мне ожерелье из бисера и юбку, а я тебе рубаху поднесла. Соединимся же с тобою и восстанем с ложа, лишь, когда осыплются с дерева мкиа все плоды, когда переспеют манго, когда небеса разверзнутся.

Услыхав эти слова, Син Мэнга снял с девушки расшитую цветами юбку — плотно прилегала она к девичьим бедрам, — положил ее под голову и вместе с Хэбиа Сун возлег на ложе.

Прокричал во дворе царь петухов Дам Дери, потом на самом краю селения запел царь петухов Медеранг. Возвестили начало дня те петухи, у которых гребни на клюв ниспадают, а те петухи, у которых гребни до неба достают, подали знак, что луна еще светит. За тех петухов мать и отец Хэбиа Сун отдали медный котел.

Красавица Бера Этан взяла медный котел, весь в латунных заклеях, потом принесла котел с узорчатым дном рису сварить для братьев, чтобы досыта наелись они перед тем, как в джунгли отправиться. Стала рис высыпать — зашумело вокруг, будто капли дождя застучали по листьям, вот вскипела вода в котле, — зашипела, как рис, который в ступе толкут, стала девушка пену снимать — пар поднялся, все окутал вокруг, словно туман. Не успела Бера Этан изжевать свой бетель, а рис уже готов. Вынула она рис из котла, положила на блюдо, изукрашенное цветами кэтам, — рис дымится! Положила она рис на блюдо, изукрашенное цветами кэбон, — дивный запах от риса пошел. А рис белый-пребелый, как цветок эпанг. В котле с похлебкой столько речных креветок, сколько цветов на дереве пэт.

Кликнула братьев Бера Этан:

— О братья! Рису поешьте и в путь отправляйтесь.

Сели братья, стали есть. Рис горстями берут, а каждая горсть величиной с лисью голову, каждый ком риса — как голова кошки. Кабана в три приема съели, буйвола проглотили, никто до трех сосчитать не успел. Быстро справились с рисом.

И сказала Бера Этан:

— О братья, не съедите ли еще чего-нибудь? Не в ближний путь отправляетесь. Найдете ли вы очаг, чтобы рису сварить?

Ответили братья:

— Мы сыты, сестра. Животы у нас не пустые корзины, чтоб их набивать, не утробы диких ненасытных зверей. Ешь, пей, да знай меру. За три года мы один банан съедим. Одним стеблем сахарного тростника наедемся досыта.

Проснулись птицы в лесу, запели и возвестили, что пора котлы на огонь ставить, рис мыть. А когда они во второй раз запели, пришло время завернуть вареный рис в широкие листья, открыть ворота и тронуться в путь. В том караване, который снарядили охотники, были слоны с широкими бивнями, были слоны с длинными бивнями, до самой земли, были слоны, которые трубят громогласно. У слона-самца на спине цветное седло, у слонихи — седло из индийского тростника, а у слоненка — седло из бамбука.

Дам Зи кинул клич, и караван тронулся. Путь был нелегкий. Шли по крутым извилистым тропам. Пики и копья белели, как хлопок, и ярко блестели, луков было не счесть, как ветвей на раскидистом дереве, колчанов со стрелами — будто тыкв в огороде. Шли богатыри с бородами, длинными, точно листья кукурузы. Их было великое множество, как термитов, как муравьев. Сотня впереди шагала, тысяча — позади. Растянулись они цепочкой по всей тропе, будто пчелы, покинувшие свой улей.

С горы на гору взбирались они, с Мозолистой скалы поднялись на Совиную гору, потом на Барабанную гору; в одну сторону обернулись, видят — качается, к земле клонится тонкоствольный бамбук, много его — целый лес. В другую сторону оборотились, смотрят — толстоствольный бамбук растет, много его — целый лес, в том лесу цикады поют свои печальные песни, дождь накликают, ветер свистит там и кричат птицы: птица пут и птица кэчао. Голые камни, и крутые скалы, да глухие пещеры могли нагнать тоску даже на белку-летягу, которая живет в бескрайних лесах. Налево посмотришь — река Шоа течет, направо взглянешь — река Шу несет свои воды, а вдалеке белеет берег реки Ба.

В лесах множество длинных-предлинных лиан и сочных плодов, у деревьев стволы как ствол у бамбука — с коленцами. На ветках резвятся обезьяны. Бамбук там стеною растет, толстый, как кость у слона. Отовсюду пенье доносится — это девушки ходят по берегу, собирают в корзинку травы и песни поют. По реке снуют челноки, то всплывают, то тонут стволы бамбука, те, которые поток унес из леса. Слышится смех киньских^[1] девушек — они вышли к реке, чтобы сети расставить. Вот у ручья показались девушки, у них за плечами корзины — эти девушки по берегам рек собирали травы, искали траву «язычок лани». Караван перешел через низенький холм, потом на высокую гору взобрался, и путники увидели селенья Дут и Кэрен, которые рядом стоят. Всего в тех селеньях тридцать семь очагов, а живут в них одни девушки. Ворота там на редкость красивы. Внизу они из медных прутьев сделаны, вверху — из

железных. На воротах синяя бахрома и красная бахрома на ветру развеваются. Караван подошел к воротам и остановился: его путь лежал через это селенье. И крикнул Дам Зи что есть мочи:

— О девушки! Отоприте ворота! Мы в горы идем добывать чудо-тростник, собирать на холмах тростник гуонтоак.

А девицы в тот час сидели за прялками. Заслышали они зов Дам Зи, перестали пряжу прясть, выглянули на улицу, спрашивают:

— Кто это нас кличет? Не ты ли, Дам Зи?

— Да, я, — отозвался Дам Зи.

— Куда же ты путь держишь, о Дам Зи? Как забрел в наше селенье, где одни только девушки живут? Ведь приходишь ты к нам всего раз в году, когда цветет хурма, когда земля и вода внимают пенью птицы кэток.

— Наш путь не так уж далек, — Дам Зи отвечал, — год минет, еще месяц промчится, мы одолеем высокие горы и добудем чудо-тростник, чтобы мать и отца потешить.

И сказали девушки:

— Погодите немного, откроем врата. Но мы еще нить не кончили прясть, в прялках еще пряжа осталась!

Вскричал Дам Зи:

— Не пойму! Что же вы медлите?

И сказал Син Мэнга:

— О Дам Зи! Надобно моление вознести небесным духам, попросить их, чтобы сломали прялки. И тогда девушки отопрут нам ворота.

Обратился Дам Зи к духам:

— Внемлите, о духи! Меня услышьте, о божества! Я поднимаю семь пальцев, обращаясь к тебе с мольбой, о Мэза, Крокодил священный, я поднимаю пять пальцев и взываю к тебе, о Небо! О птицы лесные, летите к духам и божествам! Коль боги почивают, разбудите их, пусть услышат наши молитвы, пусть по их велению вырастет шерсть на прялках, чтобы девушкам прясть стало труднее, пусть прялки у них развалятся, тогда девушки выйдут и отопрут нам ворота.

Молится старший брат духам и божествам, а девы будто ничего и не слышат, прядут все усердней, прядут все проворней.

Вот настал черед молиться среднему брату, Син Мыну, но над ним девицы еще пуще насмеялись. Стал тогда возносить молитву Син Мэнга, меньшой брат.

— О горные духи! — вскричал Син Мэнга. — О божества ручьев и рек! Я поднимаю семь пальцев, я обращаюсь к тебе с мольбой, о Мэза, я поднимаю пять пальцев, я взываю к тебе, о Небо. Пусть девицы сами

сломают прялки, а нам отопрут ворота!

И только умолк Син Мэнга, как девушкам стало труднее прясть. Прутки, по которым пряжа скользила, сломались.

Подивились девушки:

— Отчего это у нас нынче пряжа все рвется и рвется? Эй, прялки! Худо вам будет! Мы и без вас обойдемся! Разве мало матери наши оставили нам хлопку в корзинах? Разве мало ткани припасли для нас? Вон посмотрите, сколько всяких платьев, красных и синих, сушится во дворе! Все мы сызмальства приучены к забавам и шуткам. Но от вас, прялки, шуток не потерпим!

Сказали они так, вскочили, схватили ножи, изрубили прялки. Щепы до самого потолка громоздились. Побежали девицы, надели юбки, цветами расшитые, с алой бахромой, что по ветру развевалась, и прически себе сделали: у одних черные волосы, будто ужи, до самых пят извиваются, у других — пучки круглые, словно яйца лесных птишек, в маленьких пучках медные шпильки торчат, в большие пучки шпильки из серебра воткнуты. В ушах серьги из слоновой кости, на шее ожерелья сверкают. Смех у них звонкий, голос серебристый, как у птиц, вострепнувших на рассвете. Бедра у дев округлые, словно полная луна, походка легкая. Прекраснее дев и не сыщешь. Подошли они к воротам и вознесли молитву божествам, чтобы ниспослали они удачу и счастье трем братьям:

— О божества! Пусть птички лесные отнесут вам наши молитвы. Если бог-супруг почивает, пусть богиня-супруга разбудит его, если богиня-супруга забудет о наших молитвах, пусть бог-супруг напомним о них. Если ждет трех братьев удача в походе, если возвратятся они целы и невредимы, пусть сейчас громким криком отзовется лес возле ручья, куда мы ходим по воду, пусть упадет на землю засов с ворот.

И в тот же миг с грохотом свалился на землю засов, а лес у ручья громким криком отозвался. И двинулся караван Дам Зи в путь. Идет Син Мэнга и любуется девушками. Краешком глаза, чтобы никто не приметил: до чего же хороши! Особенно одна ему приглянулась. Обменяться бы с ней браслетами, но караван ведь не остановишь. И спросил самого себя Син Мэнга:

— Кто даровал этой девушке дивную красоту? Не доведется мне нынче обменяться с ней браслетами и ожерельями, кофту и юбку ей подарить. Пусть бы хоть поцеловать себя дозволила, хоть разок крепко поцеловать. О девушка! Покажи мне свое лицо, дай наглядеться на тебя, щеку мне свою благоуханную подставь, я ее поцелую.

Так шел Син Мэнга, сам с собой толковал и начал потихоньку от

каравана отставать. Говорит ему тогда старший брат:

— Поспеши, Син Мэнга! Надобно нам поскорее добраться до гор.

Отвечает Син Мэнга:

— Вы продолжайте путь, а я ненадолго к девам зайду погощу.

И говорит одна из дев:

— Поднимись к нам в дом, Син Мэнга. Если тебя мучит жажда, напьешься воды, если хочешь курить, мы поднесем табаку. Гости приходят к нам лишь однажды в год, лишь весною приходят киньские юноши, поднимаются на наше крыльцо. Войди же, о Син Мэнга!

Поднялся Син Мэнга по лестнице, в дом вошел, уселся у очага, напился воды, выкурил трубку и с девушками разговор завел. О том поговорили, о сем потолковали, даже о полях и посевах поговорить не забыли. А потом, как водится, повели речь о том, что часто между парнями и девушками случается. Но тут сказал Син Мэнга:

— Долгий мы с вами разговор затеяли. Пора мне в путь трогаться.

Девушки сказали ему на прощанье:

— Да будет твердым твой шаг, да будет крепкой твоя рука!

Син Мэнга пробирался сквозь темные мрачные джунгли, переплывал глубокие реки; лесами шел Син Мэнга. В малом лесу высятся горы из птичьих костей, в большом лесу громоздятся груды оленьих костей, а бескрайние джунгли Лайза все скелетами усеяны, так что ступить негде. Вошел Син Мэнга в редколесье — залюбовался плодами, которые давно поспели и с веток свисали, заслушался пенья птиц между землею и небом.

Син Мэнга шел и шел, не зная отдыха, и догнал наконец караван слонов, который Дам Зи вел в дальние края. Караван переправился еще через семь рек, перешел еще пять ручьев. Добрался до леса, где резвятся и поют песни птицы кэток и таовао, поднялся на холм Хэлун и остановился. Все диву дались, такая здесь была красота. От скал на землю темная тень падает, чудные водопады с высоты низвергаются. А на холме, что супротив путники увидели, птицы поют, лакомятся плодами баньяна и смоковницы. Залюбовались путники всей этой красотой; вдруг смотрят; на дальней горе растет, упирается в самое небо тростник тоак.

И говорит тут Дам Зи:

— О младший мой брат, Син Мэнга! Мне этот холм по нраву, поставим здесь наши хижины!

За ним вслед сказал Син Мэнга:

— Пусть отдохнут наши ноги.

Вскричал тут Дам Зи:

— Эй, рабы! На землю тюки положите и хижины ставьте!

Отвечали рабы:

— Раз ты велишь, мы мигом скинем тюки.

И тотчас все разбрелись кто куда, людьми наполнились джунгли и горы. Все снуют, все хлопочут: валят деревья, рубят тростник, срезают бамбук и косят высокие травы. Каждый валит по одному дереву, каждый по одной лиане срезает. И вот посреди холма, где было безлюдно и пусто, выросли хижины, красивые, просторные. А людей вокруг стало столько, сколько муравьев в муравейнике. Кто веером обмахивал Дам Зи, кто рис варил, а кто отправился в долину, чтобы набрать съедобных трав, или к ручью, чтобы наловить рыбы, или в лес, чтоб настрелять птиц и разной дичи.

И говорит тут Син Мэнга:

— О Дам Зи, мой старший брат! Завтра надобно пораньше встать и отправиться в джунгли за чудо-тростником гуон и за бананами.

На утро, только солнце осветило хижины, рабы засуетились, стали еду готовить и питье. Все вдоволь поели риса, напились воды и пошли в горы. Впереди шел Дам Зи, за ним по стопам рабы следовали.

И говорит Дам Зи:

— Нынче надобно нам подняться в горы, нарубить побольше тростника гуон, запасти тростник гуонтоак, лишь тогда мы сможем возвратиться на ночлег!

Огляделся Дам Зи и видит: вокруг растет чудо-тростник гуон, зеленеет чудо-тростник гуонтоак. Хотел Дам Зи сам его нарубить, да не поспевал за рабами. А братья его, Син Мэнга и Син Мын, то проворно спускались к ручью, то ловко взбирались на холм. Куда ни посмотришь, везде следы человеческих ног: кто-то раньше прошел здесь и все повырубил. Спустится Дам Зи с одного холма, на другой поднимется — никак не найдет хорошего тростника, приходится ему срубить то, что оставили Син Мэнга и Син Мын. Не знает Дам Зи, кто его обогнал, и ругается.

— Что за мерзкие твари порубили весь мой тростник, подобрали бананы? Покарай их, о Небо!

Наконец все собрались в условленном месте. Син Мэнга и Син Мын последними пришли. Едва дотащились, так была тяжела их ноша. Рабы стали спрашивать:

— Откуда это вы принесли такой чудесный тростник? Где он растет? Скажите нам, не таитесь.

— Этот чудесный тростник растет на горах, в густых зарослях, он растет в глухих джунглях, в самой чащобе.

Подивились рабы:

— Мы сил не щадили, взбирались на крутые горы, переходили глубокие ручьи, в джунгли пробирались, где ходят стадами слоны и рыщут кровожадные тигры. Везде побывали, но не смогли собрать столько тростника. Кто-то до нас там прошел, — мы видели следы человека.

Вот настала пора отдыхать, и все по хижинам разошлись. Сколько здесь было людей — не счесть. Тут говор, там смех, кажется, будто птицы поют свои звонкие песни над капоковым деревом с могучим стволом и раскидистыми ветвями. Юноша Син Мэнга всех обошел. Видит: у одних много тростника, у других мало, а тем, у кого мало, решил помочь — вместе с ними отправился в джунгли. А когда вернулся, сел на камень у ручья. Сидел-сидел и вдруг приметил семь нежных лиан эпанг, которые обвили сосну. Лианы совсем молодые, но их не обхватишь.

Юноша молвил:

— О старший брат, о Дам Зи! Я не видел лиан чудесней, чем эти. Они плотно сосну обвивают, лианы — совсем молодые, но их не обхватишь. Тростника мы мало добыли, давайте же срубим эти лианы.

Ответил Дам Зи:

— О младший брат! Ты верно сказал. Мы тотчас пойдем к той лиане. Но прежде вели сосну срубить.

И повел Син Мэнга людей селенья ту сосну рубить. Подрубили ее ловко под корень, и сказал тогда Син Мэнга старшему брату, чтоб он первым ухватил зеленые нити и начал валить сосну вместе с чудесной лианой эпанг, которая была о семи стволах.

— О старший брат, о Дам Зи! — молвил Син Мэнга. — Мы подрубили сосну, берись же теперь за зеленые нити лианы и вали ее вместе с сосной на землю. Семь стволов той лианы мы поровну разделим между всеми людьми селенья. Мы же, три брата, силу свою испытаем и ловкость покажем, поглядим, кто из троих самый могучий, кто самый крепкий.

И отвечал Дам Зи:

— О младший брат, я знать не знаю, я ведать не ведаю, как разом повалить семь лиан да сосну.

И говорит Син Мэнга:

— Тот, кто сможет разом свалить семь лиан да сосну, тот поистине самый могучий и сильный, женщинам он по душе. О старший брат, берись же за дело. Если не справишься, за дело возьмутся другие люди селенья. Но ты не печалься, женщины ни на востоке, ни на западе тебя не разлюбят.

И ответил Дам Зи:

— О мой младший брат, ты остер на язык! Только чересчур дерзко шутишь со старшим братом.

И стал Дам Зи силу в себе собирать. Могучую силу собрал, равную силе буйвола, кровью шея его налилась, стала толстой, как ствол большой банановой пальмы. Придавил он корни ногами — в землю ушли ноги, левой рукой ухватил он семь зеленых нитей, правой связал их в единый пучок и принялся тянуть. Трижды он назад подавался, трижды вперед наклонялся, три раза тащил, три раза дергал — все напрасно. Зеленые нити его за собой потащили, подбросили к небу и, словно куль, опустили на землю.

Говорит тогда Дам Зи:

— О мой младший брат, Син Мэнга! Не дали мне мать с отцом силы богатырской. Теперь одна немощь в моем теле осталась, руки и ноги ноют, нет больше мочи.

Подивился Син Мэнга:

— Неужто вся твоя сила иссякла?

Дам Зи отвечал:

— Вся, Син Мэнга.

Сказал тогда Син Мэнга;

— О Син Мын, средний брат мой, твой черед теперь подоспел. Ухватись за зеленые нити и дерни, может, ты посильнее старшего брата.

И ответил Син Мын:

— Нет, я не сильнее. Я слабее старшего брата.

Син Мын обошел вокруг ту сосну и семь лиан. Завязал потуже набедренную повязку и стал силу в себе собирать: вобрал он в себя силу шести буйволов сразу, раздулся, будто слон, а шея его толщиной и крепостью стала как ствол огромной банановой пальмы. Придавил Син Мын корни ногами — в землю ушли ноги, левой рукой ухватил он семь зеленых нитей лианы, а правой все семь нитей в единый пучок связал. Потом дернул три раза, потянул книзу и стал раскачивать, еще семь раз дернул. Лишь на три пальца всего наклонились лианы, потом распрямились, вверх вытянулись так, что достали до половины ствола. Выскользнули нити из рук Син Мына, грянулся он оземь и угодил прямо в глубокую яму.

Вскричал тут Син Мэнга:

— Эй, люди, на помощь! Надобно вызволить нашего среднего брата!

Тут сам Син Мын подал голос:

— О младший мой брат Син Мэнга! Все силы, что матушка мне даровала и батюшка дал, истопились.

Сказал тогда Син Мэнга:

— О Небо! Как же быть теперь? Видно, настал мой черед силу

испытать. А если я сам не одолею сосну и не свалю лианы, люди селенья придут на подмогу. Я ведь слабее моих старших братьев. Они выросли прежде меня. Я же как слабый побег тростника, кровь на моей голове еще не обсохла. Я не умею ни говорить, ни смеяться. Но все же попытаю удачи, ухвачу зеленые нити и дерну. Только вы, старшие братья, надо мной не смейтесь.

Подошел юноша к лианам, поглядел на них, потом наклонился — ноготь согнул на ноге, распрямился — ноготь согнул на руке, поднатужился и стал сильным, как слон, могучим, как носорог. Уперся он ногами в корневище — ноги в землю ушли. Как взялся юноша за лиану, как дернул зеленые нити — все дерево задрожало, затряслось, листья на землю полетели, и ветер их унес. Син Мэнга качнул дерево раз, другой, третий, трижды потянул за зеленые нити, потом в последний раз дернул их — ветки на дереве все обломились.

Закричал тут Син Мэнга:

— Эй, люди! Скорее от дерева отойдите, да подальше, а то свалится оно наземь, много бед натворит!

Все убежали, укрылись за тремя холмами, поросшими густою травой. И тотчас же семь лиан, что тесно сосну обвили, рухнули на землю. А вслед за лианами еще целых три леса повалились. Вот какова была сила младшего брата! Побегит Син Мэнга в одну сторону — здесь кусты и деревья валятся с треском. Побегит в другую сторону — там кусты и деревья падают. Увидели это люди селенья, которые в джунгли пришли вместе с братьями, и издали радостный вопль. Старшие братья, Дам Зи и Син Мын, громко смеялись от радости и хлопали себя по ляжкам бесчисленное множество раз.

Молвил Дам Зи:

— О, сколь могуч и силен наш младший брат Син Мэнга!

Молвил Син Мын:

— Син Мэнга — нам опора. Он — хижина, где мы сможем укрыться от напастей, он — ступа с пестом, в которой и для нас найдется место.

Везде, где прошел Син Мэнга, волоча за собой семь лиан, дорога осталась. Была она широкая, словно поле на горном склоне, которое славно промотыжили.

И сказал тогда Син Мэнга:

— О старшие братья, Дам Зи и Син Мын! Где вы? Спешите ко мне! Лианы рубите скорее!

Дам Зи отвечал:

— Мы здесь, мы к тебе поспешаем, о Син Мэнга.

Дам Зи и Син Мын с ножами пришли, принесли резак, за ними шли люди селенья. Дам Зи хватил резакон по лиане — на створе даже трещины не осталось, только искры посыпались от удара. Опять он размахнулся — полыхнуло алое пламя, на трех холмах сгорела трава, а лиана как была цела, так и осталась. Между тем Син Мэнга не сидел без дела: он для красавицы Хэбиа Сун украшал прялку узорами и резьбой. Трудился, а сам поглядывал на старших братьев, которые у лиан суетились, ножами размахивали.

И говорит Дам Зи:

— О младший брат Син Мэнга! Не разрубить нам эти лианы. Хоть убей нас — не можем!

И сказал в ответ Син Мэнга:

— Эй, рабы, эй, люди селенья! Неужто вы все так немощны? Тогда и впрямь лучше вам умереть. Я лианы для вас свалил наземь, а вы разрубить их и то не можете.

Сказал так Син Мэнга, шагнул к лиане — в руке у него огромный резак блеснул — и рассек ее всю от вершины до корневища, а листья и ветки, которые на створе торчали, срезал, бросил подальше.

Попадали те листья и ветки на горы и на холмы — и все вокруг загрохотало. Всю лиану юноша рассек от вершины до корневища, да так быстро он с делом справился, что никто и глазом не успел моргнуть. Расщепил он ее без труда, как молодой побег сахарного тростника, хоть и была она, словно скала, крепкой.

Вскричали тут люди:

— О, Небо! До чего же силен, до чего могуч Син Мэнга!

И сказал Син Мэнга старшему брату:

— Послушай-ка, Дам Зи, я изрубил лиану, а теперь надобно щепы связать — на плечах их понесем.

Принялись Дам Зи с Син Мыном щепы в охапки вязать. Снизу завяжут — сверху развязывается. Сверху завяжут — снизу развязывается. Так и не сумели ни одной вязанки сделать. Видит Син Мэнга, что старшим братьям и с этим делом не справиться, сам все щепы связал, вскинул их на плечи и к хижинам зашагал. Пришел, бросил вязанки на землю — закачались холмы и горы. В одну сторону наклонились, потом в другую и опять на место встали.

Люди поели рису, воды напились, оседлали слонов и погрузили на них тростник и лианы. Син Мэнга взобрался на слона и сказал:

— О, старшие братья, и вы, люди селенья! Пора домой возвращаться.

Вслед за младшим братом молвил Дам Зи:

— Да, пора возвращаться. Пока мы в джунглях ходим, заждались нас старая матушка и немощный батюшка.

И двинулся караван в обратный путь. Впереди шли слоны, за слонами сто человек шагало, не сто — тысяча поспешала. Когда прошли половину пути, Син Мына жажда одолела:

— О Дам Зи, — обратился он к старшему брату. — Мне бы воды попить. А то ехать дальше не могу — жажда одолела.

Дам Зи отвечал:

— Спустись к ручью, посмотри, не пересох ли он.

— Так я и сделаю, — молвил Син Мын.

Караван остановился, и Син Мын пошел искать воду. В правой руке он держал меч, в левой — стальной кхиен. Долго шел он, перешел через десять пересохших ручьев, прошел три ущелья — нигде нет воды. Добрался он до леса в горах, где птицы кэток и таовао оглашают громким криком небо и землю, вскарабкался на вершину высокой горы и, наконец, увидел поле, приметил сторожку и услышал пенье: то девушка песней отгоняла птиц.

Думает Син Мын:

«Чье это поле? Оно невелико, да и не мало. Рис наполовину созрел. Куда ни глянешь — везде тыквы и бобы. Возле шафранного дерева шестнадцать грядок разбито; бананов целая роща, сахарный тростник золотом отливает, словно бамбук в горах. Как бы мне дознаться, чье это поле?»

Все слышнее пенье девушки, которая сторожит поле и птиц отгоняет. Поет она ту песню, которую парни и девушки распевают, стоя друг против дружки: парень спросит, девушка ответит, потом девушка спросит, парень ответит. Голос у девушки звонкий, звонче ручья, который бежит по ущелью.

Подошел Син Мын к самому полю и видит: с вершины горы серебристый ручей вниз устремился, И опять думает Син Мын:

«Чье же это такое красивое, такое обильное поле? По берегам ручья громоздятся высокие скалы. Огромные деревья отбрасывают на землю свою прохладную тень. В прозрачных водах рыбы резвятся, угри извиваются. Это поле и впрямь прекрасно, жаль только, что хозяин не вышел меня приветить».

Склонился Син Мын к ручью, чтоб напиться, смотрит — вся вода черным-черна от помета, плывет помет по ручью, и конца ему не видно.

«Такой хороший ручей, а весь в помете. Видно, здешний хозяин совсем не гоняет птиц. Придется в сторожку войти и попросить у хозяина

напиться».

Ступил Син Мын на поле, но зацепился за веревки, они были к колотушкам привязаны, к тем колотушкам, которыми птиц отгоняют; громче зазвенела песня, которую пела девушка.

Кыш! Кыш! Птица кэчао,
Ты летаешь высоко в небо!
Кыш! Кыш! Птица кэтия,
Ты летаешь низко над землей!
Рис этот мать посадила,
А поле отец под посев приготовил.
Рис мой не клюйте, поле не разоряйте.
В джунгли летите, спелых плодов там не счесть!

Молвил Син Мын:

— Первый раз за весь год я к тебе пришел, о девушка. Единый раз за все лето тебя навестил. Жаль мне тебя, неужто ты одна коротаешь свои дни в этом безлюдном краю?

Сказал так Син Мын и пошел к хижине, что стояла среди поля. Девушка заметила богатыря. А в этот час у нее в сторожке сидел юный Прон Мын.

И обратилась девушка к Прон Мыну с такими словами:

— О Прон Мын! Скоро Син Мын войдет в хижину, беги же отсюда быстрее!

— Куда мне бежать? Где спрятаться понадежней?

— Видишь вон ту большую корзину из-под риса? Садись, я тебя ею накрою.

— Ладно, пусть будет по-твоему.

Прон Мын присел, а девушка ловко накрыла его корзиной. Юноша боялся ногою двинуть, рукою шевельнуть, не кашлял, дышать и то боялся, чтобы его не слышал Син Мын. А тот к хижине подошел и крикнул:

— Эй, кто там? На зов откликнитесь!

На крыльцо вышла девушка, та, что сторожила поле.

Молвил Син Мын:

— Жажда меня извела, пожалей богатыря, дай воды напиться. Я из похода возвращаюсь домой, мы ходили рубить чудо-тростник, что зовется гуон.

— Если ты гость добрый, войди в хижину, я дам тебе воды вдоволь и

все, что ты пожелаешь.

— Ничего мне от тебя не надо, я только напиться хочу, — отвечал ей Син Мын.

Молвила тогда девица:

— Вот тыквенная бутылъ с водой, напейся, о путник.

Син Мын вошел в хижину, взял у девицы тыквенную бутылъ и стал пить глоток за глотком, а когда напился и хотел уйти, девушка его за руку крепко взяла и сказала:

— Не спеши, успеешь покинуть мой дом. Сейчас я рису сварю, чтобы в дальней дороге силы твои не иссякли. Ты ведь голоден, я знаю.

Молвил в ответ Син Мын:

— Боюсь, что стемнеет, пока ты рис сваришь.

— Не бойся, не стемнеет, — сказала девица. — Я мигом сварю.

И Син Мын остался, чтобы отведать рису. Девушка взяла медный котел, весь в латунных заклепках, потом принесла еще котел с узорчатым дном. Закипела вода — будто водопад зашумел, с горных вершин низвергаясь, стала она рис высыпать — будто ливень в лесу застучал по листьям, закипела вода и поднялся пар, как туман в седьмую луну. Вот и сварился рис, и девушка подала его гостю. Рис этот был на удивление бел, словно цветок эпанг, каждая рисинка на блюде отдельно лежала.

Молвила девушка:

— О Син Мын, отведай риса вместе со мною.

И сели за трапезу богатырь и девушка, чтоб риса отведать из одного блюда. За едой забавлялись, шутили. Спросил богатырь, как девушку звать, из какого она рода. Сказала девушка, что звать ее Хэбиа Плао, потом богатыря спросила, как звать его. Съели они рис, потом за курицу принялись, которую Прон Мын с собою принес. Сидели они так, пировали и были как две птички, что согласно щебечут в гнезде или порхают на дереве среди спелых плодов. Девица протянет руку за рисом и Син Мын с того же места рису себе положит. Глядят они друг на друга, улыбаются, а потом вместе смеяться стали. Над тем, что далеко и что близко, смеялись, смеялись, глядя в глаза друг другу, смеялись шутя и смеялись всерьез, смеялись, как брат с сестрой и как девушка с парнем. Наелся Син Мын и к воде потянулся, но Хэбиа Плао сказала:

— Поешь еще рису! Не стесняйся, гостем себя не чувствуй в этой хижине.

— Я уже сыт, — отвечал Син Мын.

— Что же ты так мало ешь? — удивилась хозяйка.

И молвил Син Мын ей в ответ:

— У меня ведь живот, а не пустая корзина, жадно раскрывшая пасть, не пустая сума, которую можно снедью набить, я не лань, не олень, которые могут жевать беспрестанно. Должен меру знать человек в питье и еде.

Хэбиа Плао взяла медный таз, наполнила его водой до краев и подала Син Мыну:

— Вот вода, утоли свою жажду! Не выпьешь до дна — я тебя не отпущу, здесь оставлю. Если хочешь вернуться в родные края, листьев нарви и воду попробуй в них завернуть, чтобы отнести ее старой матери и отцу. Сумеешь это сделать — я тебя отпущу в родные края.

В ответ Син Мын так ей сказал:

— Какая утроба может вместить целый таз воды?

Девушка опять ему говорит:

— А ты пей, может, доберешься до дна.

Не стал Син Мын перечить, не захотел ссориться. Но, как ни старался, выпить всю воду не смог. Самая малость все же осталась в тазу.

Говорит Син Мын:

— Выпил я ровно столько, сколько могу, больше мне не под силу. Не надо неволить меня, о сестра!

— Значит, не можешь ты осушить таз?

— Нет, не могу, вылей, сестра, то, что осталось на дне!

— Нельзя выливать! Раз не выпил, заверни воду в листья и унеси домой.

Стали браниться Син Мын и красавица Хэбиа Плао, он мало слов говорил, она — много.

Не стерпел тут Син Мын и крикнул:

— К чему мне вода? Ее и в материнском доме хватает!

Схватил он таз с водою и кинул, стукнулся таз о стропила, отлетел в сторону и упал прямехонько на ту корзину, в которой затаился Прон Мын. Вода дождем пролилась. Вымок Прон Мын, будтомышь. Гнев его обуял, выскочил он, корзинку отбросил и заорал во все горло:

— Что вы тут замышляете? Почему творите бесчинство? Наелись рису до отвала, наполнили утробу водой, а теперь вздумали меня поливать!

Крикнул так Прон Мын и, не помня себя от ярости, подскочил к Син Мыну, чтобы помериться с ним силой. Вцепились они друг в друга и стали метаться по хижине. Син Мын поднатужился, схватил врага, поднял и бросил на землю. Потом сам за ним спрыгнул. Но только хотел кинуться на него, как Прон Мын поднялся и крепко схватил Син Мына. И стали они теперь бороться посреди поля, где рис поспевал. Хэбиа Плао не знала, что

и делать. Но тут увидела, что у Прон Мына трясутся руки, и спросила:

— Выходит, одолел тебя Син Мын?

Только она это сказала, как видит, что Син Мын задрожал будто тонкий побег на свирепом ветру. И опять спросила Хэбиа Плао:

— Выходит, одолел тебя Прон Мын?

Хотела она разнять богатырей, да подумала, что не под силу ей, женщине, друг от друга оттащить двух мужчин, у которых силы больше, чем у буйвола. Только и осталось ей, что забраться наверх, в хижину, и оттуда смотреть, чем дело кончится. А Син Мын тем временем оттеснил врага туда, где самый лучший рис созревал. И там, где, друг в друга вцепившись, они проходили, где дрались друг с другом, от посевов лишь пыль да труха оставались. Куда бы в схватке они ни бросались, гибли посевы, как гибнут поля под ногами слонов, которые с горных вершин устремились грозной лавиной в долины, чтоб пожевать сладкой травы; земля под ногами у молодцев трескалась, как лопаются коробочки с хлопком. Когда увидела Хэбиа Плао, что вытоптаны посевы и поле погибло, села она и стала плакать. Выплакала она все слезы, а богатыри между тем в еще большую ярость пришли и, вцепившись друг в друга, метались по полю. Хэбиа Плао залезла на самое высокое дерево и стала звать Ти Мэре, начала призывать своего родного брата:

— О мой старший брат Ти Мэре! Возвращайся скорее домой. Поспеши к моей хижине! Беда грозит нашему полю, у меня, у девушки, сил не хватает горю помочь. О старший брат, возвращайся скорее!

А Ти Мэре был в тот час в гостях у друзей, в киньском селенье. Услышал он зов младшей сестры и говорит:

— О други мои: ты, господин Кук, и ты, господин Кай! В доме моем беда приключилась. Не ведаю, что и делать. Сердце мое трепещет, и печень дрожит. Не каждый год такое бывает со мною, други! О господин Кук, о господин Кай, вы оставайтесь, а я возвращаюсь домой.

Говорит тогда один из друзей:

— Возвращайся, о друг! Плохо, коли девушка в доме остается одна.

И приготовил он тотчас соли, вина, украшений богатых, нарядов красивых, чтобы все это Ти Мэре в дар передал сестре. И простился Ти Мэре с друзьями, в путь поспешил. То он шел, то бежал, множество рек переплыл, множество холмов одолел, столько, что и счесть их не мог. Он не бежал, а неся вскачь, он не бежал, а летел. Вот и поле родное, и смотрит Ти Мэре — в хижине, возле столба, Хэбиа Плао сидит, горько плачет. Спрашивает тогда Ти Мэре:

— Отчего ты плачешь, сестра?

Отвечает Хэбиа Плао:

— Большая беда приключилась, несчастье стряслось большое. Взгляни, все наши посевы погибли, разорили поля наши.

Окинул Ти Мэре взглядом поле, видит: зерном налитые колосья риса, бананы, тыквы, сахарный тростник — все истоптано, все в пыль и труху превратилось, будто их в ступе пестом истолкли. спрашивает Ти Мэре:

— Кто же здесь учинил такое бесчинство?

Отвечает сестра:

— Вон видишь — два богатыря, два молодца, Син Мын и Прон Мын, в жестокой схватке друг с другом схватились. Мне их разнять не под силу.

— Что за причина этой лихой забавы? Из-за чего они в схватке жестокой схватились?

Тут Хэбиа Плао старшему брату все рассказала, как говорится, от головы до хвоста. Выслушал ее Ти Мэре, и стал громко звать молодцев, которые с усердием катались по полю, крепко вцепившись друг в друга, стал он кричать им:

— Эй, погодите, хватит драться. Если что и случилось меж вами, поднимитесь в хижину, мы рассудим, кто прав, кто виновен. Остановитесь! Вы в пыль и труху превратили посевы. Где мой рис, где моя кукуруза? Боюсь, не хватит у вас добра, чтобы мне за все заплатить.

Услышав зов Ти Мэре, богатыри разом головы повернули, на Ти Мэре посмотрели, потом друг на друга взглянули — и снова потеха пошла. Звал Ти Мэре, звал, даже охрип. Потом пошел молодцев разнимать, хотел оттащить их в разные стороны, но они еще сильнее разъярились.

Меж тем Дам Зи, Син Мэнга и все люди, которые с ними пришли, стояли на дороге, дожидаясь Син Мына. Немало времени прошло, и вот наконец Дам Зи обратился к меньшому брату:

— О Син Мэнга. Почему наш брат, наш Син Мын, до сей поры еще не возвратился? Неужто он в джунглях потерял тропу и сбился с пути?

— Не знаю, не ведаю, что и ответить тебе, о старший брат.

Молвил тогда Дам Зи:

— Залезай на высокое дерево, доберись до самой вершины, о младший брат, и оттуда окрест посмотри, не блуждает ли где наш Син Мын. Глаза пошире раскрой, взгляни на речные берега, на горные поля посмотри, может, увидишь там брата Син Мына.

И взобрался Син Мэнга на вершину высокого дерева. Восточный лес оглядел, окинул взором западный лес, любовался дивными деревьями и тут заметил вдали поваленные деревья, которые рядами лежали, и поле, поле красавицы Хэбиа Плао, где рис созревал, а среди поля увидел двух

молодцев, которые в схватке схватились.

Воскликнул юноша:

— О старший брат, о Дам Зи! Среди поля красавицы Хэбиа Плао два дюжих молодца дерутся. Один из них похож на нашего брата Син Мына.

— В толк не возьму, что там стряслось, зачем средний брат ввязался в драку, — сокрушенно молвил Дам Зи. — Спускайся скорее, пойдем его выручать.

Син Мэнга спустился с дерева на землю и так сказал людям:

— О соседи мои и рабы, которые пришли с нами! Снимите со слонов всю поклажу! И чудо-тростник гуон снимите, и бананы — все, что на слонов навьючено, — и возле дороги сложите. Пойдем выручать брата Син Мына.

Рабы отвечали:

— Слушаем, о господин!

Молвил тогда Син Мэнга:

— О рабы, о люди селенья! Когда приблизимся к полю красавицы Хэбиа Плао, остановитесь с краю, дальше не надобно идти. Только мы с братом перешагнем межу.

Подошли они к полю красавицы Хэбиа Плао. Рабы и люди селенья остановились у самого края. А Дам Зи и Син Мэнга двинулись дальше, пошли прямо к хижине.

И говорит тут Дам Зи:

— О рабы! Стойте здесь, дожидайтесь нас на краю поля. А мы тем временем молодцев схватим — Син Мына вместе с Прон Мыном, рассудим, кто из них прав, а кто виноват. Тогда и вы шагнете на поле.

Рабы отвечали:

— Мы повинемся тебе, о господин!

Между тем Син Мын и Прон Мын все боролись, обуянные яростью, словно два буйвола, что в ревности дикой дерутся из-за буйволицы. Ни один не желал уступить, ни один не хотел разнять рук. Син Мэнга сделал шаг правой ногой, потом левой и, легко ступая, подошел к молодцам, которые забыли себя в отчаянной схватке. Рабы и люди селенья, которые стояли на краю поля, дрожали от страха, они боялись, что два молодца ринутся на юношу и станут его избивать. Но Син Мэнга подошел к богатырям, сцепившимся в схватке, и нанес могучий удар, чтобы их разнять. Одной рукой он что было силы схватил за волосы Син Мына, а другой рукой крепко держал Прон Мына. Потом кинул их в разные стороны. Син Мын и Прон Мын — оба без памяти грянулись оземь.

Сказал Син Мэнга:

— О почтенные, не хмельного ли вы напились? За что с усердием и яростью терзаете друг друга? В схватке сошлись, весь рис истоптали у людей, разве хватит у ваших матерей и отцов добра, чтоб за все заплатить?

Очнулся Син Мын, поднялся, следом за ним Прон Мын на ноги встал, потом сел на землю. Но тут заметил, что Син Мэнга шагнул к нему, и от страха затрясся всем телом.

Молвил Прон Мын:

— О мой друг, о Син Мэнга! Дурное дело сотворили мы с Син Мыном. Схватились из-за хозяйки этого поля и дрались до тех пор, покуда не иссякли силы.

Син Мэнга взял Син Мына левой рукой, а Прон Мына — правой и повел их к хижине, где сидела красавица Хэбиа Плао. Красавица поведала обо всем, что приключилось, все рассказала, как говорится, от головы до хвоста. Ти Мэре, Дам Зи и юноша Син Мэнга, опустив голову, выслушали рассказ от корней до самой вершины. Первым делом красавица Хэбиа Плао во всем повинилась:

— Я в ответе за все, о Ти Мэре, о Дам Зи, о Син Мэнга! Одна я виною тому, что два молодца дюжих, Прон Мын и Син Мын, весь день боролись, дрались, катались по полю. Это из-за меня воды и скалы бились друг с другом.

Молвила она так и начала свой рассказ:

— О Ти Мэре, о Дам Зи, о Син Мэнга! Вот как было дело. Мы с Прон Мыном давно уже обменялись браслетами, давно подарили друг другу красивые ожерелья. Я выросла, ростом с матушку стала, пришла пора привести в дом мужчину, чтобы в поле вместе со мной выходил, сторожил посевы и птиц отгонял. И вот как-то, не так давно это было, Ти Мэре ушел в гости к киням, тогда и явился Прон Мын, — он поле расчищал и помогал мне птиц гонять — очень страшно одной жить среди гор и джунглей. И вот, когда Прон Мын сидел в хижине у меня, пришел вдруг Син Мын. Я застыдилась, велела Прон Мыну понадежней спрятаться, укрыться получше. Вначале не знал он, где ему спрятаться, потом залез в большую корзину. Не ведаю я, откуда взялся Син Мын. Он только попросил воды, чтоб жажду свою утолить, а я зазвала его в хижину. Испил Син Мын водицы и уже уходить собрался, а я еще рисом захотела его угостить, и остался он отведать рису. После того я взяла медный таз, наполнила его водой до краев и гостю велела таз осушить до дна, если он хочет домой возвратиться. И еще я ему сказала: если он хочет покинуть мой дом, пусть крупных листьев нарвет, завернет в них воду и снесет матери и отцу. А не сумеет завернуть воду в листья, домой его не отпущу. Но Син Мын ведь не

зверь с утробой бездонной. Он не смог выпить всю воду. Стали мы с ним ругаться и препираться. Лопнуло у Син Мына терпенье, схватил он таз да как швырнет его, — таз прямехонько на корзину упал, на ту, в которой Прон Мын сидел, и вымок Прон Мын с головы до ног. Разгневался он и бросился на Син Мына. Пошла лихая потеха, и скатились они с помоста в поле, где рис поспевает. Вот как приключилась беда. Рассудите теперь, как быть, о Дам Зи, о Ти Мэре, о Син Мэнга! Я отдаю себя на ваш суд. Простите меня — останусь в живых, решите смерти предать — пусть по-вашему будет.

Повелел Син Мэнга:

— Теперь ты скажи, о Син Мын.

И Син Мын повторил слово в слово то, что сказала Хэбиа Плао. А под конец так молвил:

— Хэбиа Плао тому виной, что мы с Прон Мыном в жестокой схватке сошлись.

Вновь повелел Син Мэнга:

— Теперь ты скажи, о Прон Мын.

Прон Мын повторил слово в слово то, что сказал Син Мын, и под конец во всем обвинил красавицу Хэбиа Плао.

Выслушал всех Син Мэнга и говорит:

— О Хэбиа Плао! Ты поднесла гостям напоенные ядом плоды, ты хотела сгубить двух ни в чем не повинных молодцев.

Села Хэбиа Плао и заплакала навзрыд. От слез даже бедра у нее намокли, а в горле не осталось ни капли влаги. За все свои проступки она смиренно ждала праведного суда. И Син Мэнга обратился тогда к старшему брату красавицы, к Ти Мэре:

— О Ти Мэре! Теперь ты знаешь все, что здесь приключилось. Виною всему твоя сестра. Она ни за что ни про что людям зло причинила. Замыслила она — хоть так, хоть эдак — двух богатырей своими рабами сделать. Но мы того не допустили. Прикинь, подумай да в толк возьми, кто прав, а кто виноват.

Сказал Ти Мэре:

— О Син Мэнга! От долгих, усердных дум мои уши готовы лопнуть. Все в вашей воле: простите сестру — останется она в живых, не простите — пусть умрет.

Молвил в ответ Син Мэнга:

— О Ти Мэре! Мы согласны возместить тебе убытки. Если мало с нас запросишь — семь буйволов дадим, если запросишь много — десять слонов пригоним, если вытоптаны твой рис и кукуруза — мы приведем

тебе слонов, рабов подарим. А сейчас дозволю выпустить на твое поле наших слонов — пусть попасутся, и пусть наши рабы пройдутся по полю. Ведь все равно придется нам платить за порчу твоих посевов. А о драке, которая была, о жестокой схватке мы по-иному рассудим.

И говорит Ти Мэре:

— О Син Мэнга, пусти своих слонов пастись на поле, где были мои посевы.

И крикнул Син Мэнга:

— Эй, рабы! Гоните слонов на поле, пусть пасутся, пусть сожрут весь рис, все побеги и колоски, чтоб ведомо нам было, за что добро отдаем, когда почтенному Ти Мэре будем платить за потраву. Эй, рабы! Съешьте все бананы, весь сахарный тростник, никого не бойтесь, ешьте, мы позволяем!

Спросили рабы:

— Ты, господин, всерьез или забавы ради так сказал?

— Не до забав мне. Ступайте ж на поле и слонов ведите за собой!

И хлынули на поле люди, и ринулись на поле слоны, ели сахарный тростник, бананы рвали. А Ти Мэре стоит и смотрит, как рабы и люди Дам Зи все превращают в пыль и труху, все рушат вокруг, и жаль ему стало поля, которое он расчищал собственными руками, но как этому помешать, не знал. И вынес он из хижины огромный нож, размахнулся и молодецким ударом вонзил нож в самое твердое дерево. Нож в дерево по самую рукоять ушел. И говорит тогда Ти Мэре:

— О Дам Зи! Кто из вас сумеет вытащить нож, который я в дерево по самую рукоять вогнал, тому отдам в жены мою младшую сестру, красавицу Хэбиа Плао, и не стану требовать с вас платы за порчу посевов.

Спрашивает Дам Зи:

— Это твой вызов, о Ти Мэре?

— Да, о Дам Зи!

Сказал тогда Дам Зи:

— Раз так, мы все по очереди будем тащить из дерева этот огромный нож.

Сказал так Дам Зи, а душу его между тем страх обуял: вдруг не достанет у него сил выдернуть нож. Но меньшей брат Син Мэнга подбадривает его:

— Не бойся, Дам Зи, старший брат мой! Лишь в испытании, в трудном искусе можно свою силу измерить. Он богатырь, и мы все богатыри, не малые дети. Ни о чем не тревожься, брат.

Сказал так Син Мэнга и к Ти Мэре обратился:

— Шутки ради ты это говоришь или на самом деле сдержишь свое слово?

— Сдержу!

— Значит, если один из нас вытащит этот нож, ты сдержишь слово, которое дал собственным языком, исполнишь свое обещанье?

Отвечает ему Ти Мэре:

— У меня всего один язык, у меня один только рот, мое слово неизменно.

Молвил тогда Син Мэнга:

— О Син Мын, ты первый берись за рукоять, попробуй вытащить нож, ведь все это из-за тебя приключилось. А потом — за Прон Мыном черед.

— Пусть так. Я мешкать не стану и силу свою испытаю, хоть не очень богато одарили меня ею мать с отцом.

Подошел Син Мын к дереву, взялся за рукоять. Трижды дергал нож, трижды тащил — все напрасно, только кости у него захрустели.

Молвил Син Мын:

— О Син Мэнга! Иссякла моя сила. Руки и ноги свело.

— Теперь, Прон Мын, твой черед, — сказал Син Мэнга.

Но и Прон Мыну не посчастливилось: он даже рукоять с места не сдвинул.

Говорит тогда Син Мэнга:

— Настал твой черед, о старший брат Дам Зи. Как видно, тебе суждено вытащить из дерева нож.

Ответил Дам Зи:

— Разве могу я тягаться с этими двумя молодцами, о младший брат мой? Они крепки, как молодые побеги, а и им не достало силы вытащить нож, я же стар, мышцы мои немощны, жилы слабы.

Сказал так Дам Зи и за рукоять взялся, дернул он, а только нож не поддался — как был, так и остался на месте.

И говорит Дам Зи:

— О Син Мэнга, младший брат мой! Нет больше моей мочи. Надобно нам смириться и сполна заплатить за потраву.

Отвечает Син Мэнга:

— Если хочешь сполна возместить Ти Мэре все убытки — воля твоя. Только помни, нам придется отдать все добро, которое нажили мать с отцом, а самим — стать рабами.

Страх обуял всех людей и рабов, стоявших поодаль, и стали они так говорить:

— Если братья проиграют, нами станет владеть Ти Мэре. Смотрите,

остался один Син Мэнга, на него вся надежда. Может статься, что мы не вернемся домой, никогда не увидим своих жен и детей.

Сказал Син Мэнга:

— О Ти Мэре! Если я призову на помощь богов и духов и выдерну этот нож из дерева, я не буду тебе платить за потрапу риса и кукурузы, а красавицу Хэбиа Плао отдам в жены брату Дам Зи. Ведь, по обычаю, старший брат должен первым жениться. Согласен ли ты, о Ти Мэре? Если согласен, я пройду испытание, вытащу нож.

Отвечал Ти Мэре:

— Я согласен.

Потом он спросил у сестры, согласна ли она пойти замуж за Дам Зи, который уже не молод.

Но вскричал тут юноша Син Мэнга:

— Настал мой черед! Я выдерну нож из дерева.

Он схватил рукоять левой рукой, потом взялся за нее правой рукой, дернул трижды и вытащил нож из дерева. Потом опять вогнал его в дерево и снова вытащил — и так три раза кряду. Все смеялись от радости и восклицали:

— О, Небо! Силен и могуч наш Син Мэнга! Он — наша опора.

А Дам Зи и Син Мын так и покатывались со смеху, колотя себя по ляжкам.

И говорит Дам Зи:

— О, Небо! Могуч наш младший брат Син Мэнга. Если с гор нагрянут враги, мы сможем укрыться за его спиной. Если с моря придут враги, он будет нам оплотом и опорой. В ступе с пестом и для нас есть место.

Красавица Хэбиа Плао, стоя на крыльце, тоже смеялась и говорила:

— Юноша Син Мэнга и лицом хорош, и статью вышел, он мне по нраву. Мы с ним словно рис с кукурузой, возвращенные рядом. А Дам Зи мне не люб. У него ноги обросли волосами длинными, как две руки, если их вместе сложить, волосы у него на бедрах длиною с ладонь, из-за бороды и шеи не видно. Нет, люб мне один только юноша Син Мэнга. Я не хочу назвать мужем Дам Зи, пусть лучше срубят и повалят нежный ствол банана! Водь это значит, что суждено мне, молодой, до самой старости слезы лить и стенать в тоске.

И отвечает ей Ти Мэре:

— Сестра, твое желание я сердцем понимаю, но ведь я слово дал. Возьми в мужья Дам Зи, разве это не все равно что стать женой Син Мэнги? Син Мэнга и Дам Зи — родные братья и живут под одною кровлей.

— О нет, — отвечала Хэбиа Плао. — Мне не все равно, чьей быть

женой — старшего брата или младшего, — мне не надо двух мужей.

И сколько Ти Мэре ни уговаривал Хэбиа Плао, сколько ни просил ее дать согласие и сочетаться браком с Дам Зи, девушка на своем стояла.

Сказал тогда Син Мэнга:

— Не можешь ты, сестра, отказаться от брака с Дам Зи. Ведь прежде чем мы искус прошли, Ти Мэре нам дал обещанье. И раз мы, братья, решили искать женщину, которая умеет рис варить и ткать одежды, то первым делом должны найти жену нашему старшему брату, а уж после наш черед наступит. Так во всех богатых домах заведено.

Говорит Хэбиа Плао:

— Да, это так, но мы с Дам Зи — все равно что рис с кукурузой, возвращенные в разные годы. Лишь тогда скажут люди: «Что за прекрасная пара», — когда юноша Син Мэнга с ножом-резаком на плече и рогами оленя в руке выйдет вместе со мной на горное поле.

Иссякло у Дам Зи терпенье, и говорит он:

— Сейчас мы домой воротимся, месяц пройдет, год пролетит, и я за тобой приду, о Хэбиа Плао. И уж тогда придется за нами пойти самому Ти Мэре, твоему старшему брату.

И вот трое братьев, рабы и весь караван тронулись в путь. Сто человек шли впереди, еще тысяча сзади шагала, и было их великое множество, как пчел в улье или муравьев в муравейнике. Когда подошли к родному селенью, Дам Зи вскричал:

— О рабы, о люди! Уже близко родное селенье. И стыд обуял нас, стыд перед теми, кто оставался в селенье, перед нашими женами и детьми. Ведь мы ходили в джунгли, чтобы добыть чудо-тростник гуон, а вернулись ни с чем. Боюсь, что жены ваши и дети станут на вас гневаться. Так слушайте, что я скажу, может, мои слова вам придутся по нраву. Построим на этом месте деревню. И если ваши матери и отцы, жены и дети захотят прийти сюда, пусть приходят. Ответьте же мне, о люди, согласны вы или не согласны.

Ответили рабы:

— Как повелишь, так мы и сделаем.

— Коли так, в лес пойдите, нарубите деревьев, нарежьте лиан, накошите травы на холмах и сюда принесите. Мы поставим дома. А после ваших жен и детей позовем, матерей и отцов.

И стали люди и рабы строить дома. Кто умел деревья рубить, тот отправился в лес. Кто ловко срезал индийский тростник — стал срезать тростник, кто искусно траву косил, тот пошел за травой. А умельцы, те, которые искусно дома возводили, стали строить селенье. Запели в родном

селенье звонкоголосые гонги, загремели барабаны из бронзы. Прежний покинув кров, устремились к новой деревне матери, жены с детьми, сестры и братья.

День целый Дам Зи отдыхал и целую ночь, а наутро кликнул он братьев и друзей своих:

— О братья мои Син Мын и Син Мэнга, о друг мой Прон Мын! Завтра мы в джунгли пойдем, нарубим бамбуковых палок и сделаем змея. Согласны ли вы? Мы змея в небо высоко запустим, и если найдется красавица, которая танцем чудесным змея приворожит, и змей спустится к ней на зов, мы ее в жены возьмем.

Отвечает Син Мын:

— Мы все сделаем так, как ты велишь.

И братья отправились в джунгли, чтобы бамбук нарубить. Они взяли с собой ножи-резаки и кхиены.

Вместе с ними пошли люди селенья. Сто человек впереди шагали, а еще тысяча — позади. Посередине сами братья выступали. Шли они прямою дорогой, длинной, словно большая река, брели по извилистым тропам, похожим на черных змей. Взглянут налево — река Шоа несет свои воды, направо посмотрят — берег Шу тянется, а прямо — белеет, сверкает прибрежный песок реки Ба. Вдруг увидели братья на другом берегу заросли толстоствольного бамбука, а на том берегу, где они стояли, тоже рос, красовался высокий, стройный бамбук. Из леса доносились голоса и смех девушек, которые ягоды в лесу собирали.

Сказал тут Дам Зи:

— Как отрадно слушать этот веселый гомон! Надобно нам спуститься к реке Уа, там растет отменный бамбук.

Добрались братья до истоков реки Уа, где все вокруг густо поросло дивным бамбуком. Стали тот бамбук рубить, смотрят — он весь древоточцем изъеден.

Сказал тут Дам Зи:

— О Син Мэнга! Этот бамбук не годится, змея из него не склеишь. Может, пойдем вон в ту рощу, там и нарубим бамбук?

Отвечал Син Мэнга:

— Что же, пойдем, попытаем удачи!

И пришли они в рощу, где рос высокий стройный бамбук. Один ствол другого лучше, и все чуть не в самое небо упираются. Сказал тут Син Мэнга:

— О Дам Зи! Мы добрались до рощи, где растет стройный высокий

бамбук. Ты самый старший из нас, бери же резак в руки и руби. Если не сможешь, мы придем тебе на помощь.

Взмахнул Дам Зи резакom, ударил по стволу, но, сколько ни бился, сколько ни старался, все напрасно, только измучился, руки натрудил — даже малой веточки не смог срубить.

И говорит Дам Зи:

— О Син Мэнга, меньшой брат мой. Я натрудил руки, ноги мои обмякли. Иссиякла во мне сила, которой мать с отцом меня одарили.

Промолвил в ответ Син Мэнга:

— Говоришь, сила в тебе иссякла? Что же, брат Син Мын, настал, значит, твой черед показать нам свое умение и силу!

Взял Син Мын в руки резак, размахнулся и начал рубить, пустил в ход всю свою силу, которой мать с отцом его наградили, но с бамбука даже листочек сухой не упал.

И сказал тут Син Мын:

— Иссиякла моя сила, о брат Син Мэнга.

Подивился Син Мэнга:

— Неужто сила твоя иссякла, о средний брат, о Син Мын? Выходит, настал черед Прон Мына!

Взялся за дело Прон Мын. Он тоже напрасно старался, как Дам Зи и Син Мын: верхушка бамбука и та не качнулась.

Молвил тогда Син Мэнга:

— Что же, и твоя сила иссякла? Раз так, теперь мой черед!

Правой рукой он крепко схватил нож-резак и подступил к бамбуку. Ударил — и тотчас рухнул высокий ствол, повалился в тот же миг наземь. И стали падать один за другим бамбуковые стволы. Син Мэнга собирал их, вязал охапками. Рабы подбегали, подставляли спины и уносили бамбук в селенье. Меж тем Дам Зи велел меньшому брату позвать умельца И Ку, который ловко бамбук обрезал, делал дранку, и еще кликнуть умельца И Ли, того, который искусно стругал и плел из бамбуковой дранки разные вещи, делал свистульки и дудки.

— Пусть они смастерят нам славного змея. А мы им в награду за это пожалуем гонг, — молвил Дам Зи.

Пошел Син Мэнга к дому, в котором жили И Ку и И Ли. К умельцам он обратился с такими словами:

— О други! И Ку и И Ли! Прославились вы своим умением. Просим, почтенные, сделайте для нас славного змея. А мы вам за это гонг звонкоголосый подарим.

— Что ж, мы согласны, мы готовы помочь вам, о Син Мэнга. И платы

от вас никакой не возьмем, — ответил И Ку.

Рису сварили И Ку и И Ли, вина принесли и потчевать стали Син Мэнгу и Син Мына с Прон Мыном, которые вслед за Син Мэнгой пришли.

Молвил И Ку:

— О други! Отведайте рису и выпейте с нами вина.

Сели Син Мын, Прон Мын и Син Мэнга, стали есть рис. Наелись и за вино принялись. Сытые и хмельные вышли из дому, а с ними вместе — умельцы И Ку и И Ли. Пришли они к дому Дам Зи. Тут И Ку и И Ли дали отдых рукам и ногам, а потом за дело взялись — стали они мастерить змея для братьев.

Сказал им Дам Зи:

— О други мои, о И Ку, о И Ли! Дайте отдых рукам, а к делу завтра приступите. К чему так спешить? Дни наши долги и месяцы длинные.

Отвечает И Ку:

— К утру закончим — двинемся утром в обратный путь, к вечеру кончим — вечером домой возвратимся. Мы хотим поскорее змея для вас смастерить.

Говорит тут Дам Зи:

— Добрые мысли у вас.

И Ку и И Ли дранки из бамбука нарезали, остов сплели, а после, чтоб отменной бумаги купить, отправились не куда-нибудь, а прямо в киньские земли. Добрались до дома, где жили господин Кук и господин Кай, купили у них отменной бумаги. Целых пять дней И Ку и И Ли резали, целых пять ночей шили и смастерили огромного змея.

Сказал тут Дам Зи:

— Ладный, отменный змей! Ты и впрямь настоящий умелец, ловко бамбук нарезаешь, ловко остов для змея плетешь, о И Ку! Ты и впрямь настоящий умелец, искусно режешь бумагу и шьешь, о И Ли! Вы так проворно смастерили отменного змея со свистулькой, будто только и было у вас дела, что приклеить пальмовый лист.

Отдали умельцы змея со свистулькой Дам Зи, и промолвил И Ку:

— О друг наш Дам Зи! Вот твой змей!

Дам Зи диву дался:

— Неужто так быстро змея вы смастерили? О средний мой брат Син Мын, о друг мой Прон Мын, и брат меньшей Син Мэнга! Ведите коней и скачите в киньские земли, купите железную цепь — будем змея высоко в небо запускать.

Пять крепких коней взнуздали Син Мын, Прон Мын и Син Мэнга, чтоб железную цепь из киньских земель привезти, и мигом назад

вернулись.

Опять подивился Дам Зи:

— О Син Мэнга, о братья мои! Вы уже с цепью железной вернулись?

— Да, мы цепь привезли, — Дам Зи услышал в ответ.

Сказал тут Дам Зи:

— Теперь у нас есть железная цепь, чтобы змея запустить в небеса, нет только красивой цветной бахромы, чтобы той бахромой мы могли змея украсить.

Говорит Син Мэнга:

— У нашей матери и отца корзины полны красивой цветной бахромой. Слышал я, что ту бахрому оставили наши дядья и пращуры наши.

Сказал тогда Син Мын:

— Давайте откроем корзины и возьмем бахрому! Искать ее в другом месте — только силы попусту тратить.

Так и порешили братья: взять ту бахрому, которую оставили пращуры и дядья, и ею украсить змея.

Сказал Син Мэнга:

— О старший брат! О Дам Зи! Пойди принеси разноцветную бахрому, ту, что сияет, словно спелый плод на дереве, будто цветы в лугах.

— Я иду, — ответил Дам Зи и побежал домой.

Поднялся он вверх по лестнице и на крыльце матушку с веретеном в руках увидал. И повел Дам Зи такую речь:

— О матушка! У нас, у сыновей, змей есть. Есть у нас железная цепь, чтоб высоко в небеса его запустить, только бахромы нет, не достает разноцветных нитей, чтоб по краям ее привязать и змея украсить.

Молвила матушка:

— О сыновья! Не затевайте этой забавы! В давние времена дядья ваши тоже запустили змея и гибель свою нашли. Боюсь, что и вы той же тропой пойдете. Вот почему я вам не дам бахромы.

— Значит, не дашь ты нам бахрому?

— Нет! В этой затее гибель ваша таится.

Гнев обуял Дам Зи, он схватил палку и разнес на куски дивные кувшины, за которые слонов отдают, перебил чудные кувшины, за которые платят рабами. Потом по лестнице вниз сошел.

Видя все это, матушка проговорила:

— Если сын утром кувшин с вином разобьет, к вечеру я новый кувшин куплю. Но если смерть настигнет сыновей, мне не видать их больше.

Вернулся Дам Зи туда, где стоял змей, а Син Мэнга его спрашивает:

— Где же бахрома разноцветная, о Дам Зи?

— Матушка бахромы не дает, — Дам Зи отвечал.

— О Небо! Как же нам быть теперь? И что же это за мать у нас? Пусть пойдет брат Син Мын и упросит ее. Может, Син Мына матушка любит больше.

Пошел к матушке Син Мын, но и он вернулся ни с чем.

Сказал тогда Син Мэнга:

— Раз вам, братья мои, не удалось уговорить матушку, настал мой черед идти к ней! Попытаю удачи!

Син Мэнга поднялся в дом.

— Почему, матушка, — спросил он, — ты не хочешь отдать нам разноцветную бахрому?

— Потому что боюсь, как бы вы не накликali смерть на себя. Где тогда я вас разыщу, где найду своих сыновей?

Говорит ей Син Мэнга:

— Значит, не отдашь ты нам бахрому? Пусть я погибну, что из того? Я ведь сын, а не дочь, которой надобно род продолжать.

Собрал Син Мэнга всю свою силу, которой родители его одарили, ринулся он на матушку, схватил ее за волосы, взял отца за волосы и поволол. Так больно родителям было, что той боли они не стерпели. Говорит матушка:

— О сын, не вмоготу мне боль такую терпеть. Я дам тебе бахрому, отпусти меня!

— Правду ли ты, матушка, говоришь или шутишь?

— Правду говорю, о сын. Иди же, бери бахрому!

Отпустил Син Мэнга мать с отцом, побежал к плетеной корзине, вытащил всю бахрому, какая там была, и к змею по краям привязал.

Все теперь есть у змея Дам Зи: и железная цепь бряцает, и разноцветная бахрома с двух сторон свисает, и украшения звенят.

Вскричал Дам Зи:

— Теперь все есть у нашего змея. Высоко, в самые небеса можно его запустить, пусть летает змей!

Отвечает Син Мэнга:

— О братья мои Дам Зи и Син Мын, о друг мой Прон Мын! Готов наш змей, изукрашен алой бахромой и синею, и ожерелья на нем звенят. Одного только недостает: звонко поющей струны, из железа кованной. Когда змей высоко в небо взлетит, пусть все узнают, что это змей богатыря Дам Зи заводит песню.

Говорит тут Дам Зи:

— Раз так, давайте спустимся в долину к нашим друзьям, Куку и Каю.

Попросим их сделать для нас из железа поющую струну, они ковать мастера.

Сделали Кук и Кай струну из железа, тоньше той струны и быть не могло, а после медь расплавили и струну сверкающей медью украсили. Взяли братья струну, туго-претуго натянули на змея. Вот и готово все, а ветер в небе утих — змею никак не взлететь. Сказал тогда Син Мэнга:

— Как же нам быть, о Дам Зи? Как нам вызвать могучий ветер?

Отвечает Дам Зи:

— Мы Небу молитву вознесем.

— О Дам Зи, вознеси же молитву, — сказал Син Мэнга.

И стал Дам Зи молиться:

— О горные духи, я к вам обращаюсь, я заколю борова, услышите вы, как он в страхе визжит перед смертью. О духи речные, я принесу в жертву вам буйволов и быков, я буйволятиной и мясом быка накормлю вас. И когда поспешите вы ко мне в дом на пированье, чтобы мяса отведать и выпить вина, не забудьте, возьмите с собой ветер могучий. Я хочу запустить высоко в небеса змея.

Так усердно молил Дам Зи Небо и духов, что язык у него отнялся, а Небо и не вздохнет, не повеет ветром.

Молвил Дам Зи:

— О Син Мэнга! Иссякли силы, которыми мать и отец меня одарили. Не могу больше голос исторгнуть из горла, не могу больше молить-заклинать Небо.

И вознес тогда молитву Небу средний брат, Син Мын:

— О горные духи, зову вас на пированье, я заколю пятнистого буйвола. О духи речные, вас я тоже зову на пированье и в жертву вам принесу белого буйвола. Только возьмите с собою могучий вихрь, чтобы мы могли высоко в небеса запустить змея.

Но Небо и не шелохнулось. Лишь показались на нем черные тучки, а ветра все нет да нет.

Молвил тогда Син Мэнга:

— Жаль мне вас, братья! Матерью вы прежде меня рождены на свет, а не можете справиться даже с таким пустячным делом. Настал мой черед молиться Небу и духам.

И стал Син Мэнга молиться:

— Я поднимаю семь пальцев, молю тебя, о Мэза, я возношу пять пальцев, славлю вас, о духи гор! К тебе, о Небо, я обращаюсь, и тебя, Земля, молю, всем душам умерших низко кланяюсь с молитвою. Пташек лесных шлю к божествам. Если супруг-бог почивает, пусть супруга-богиня

его разбудит, если супруга-богиня забудет, пусть ей супруг-бог напомнит. На пированье вас зову, о божества! В жертву вам я принесу семь кувшинов вина, на закланье уведу семь буйволов, только молю вас, о божества, когда пожалуете, двери наши откройте ветром, пусть наш змей взойдет высоко в небеса!

Не успел Син Мэнга закончить моление, еще уста не сомкнул, а на небе уже собрались черные тучи и на землю грозный вихрь обрушился, могучий тайфун налетел, разметал он хижины в западной стороне и в восточной, людей крова лишил.

Сказал Син Мэнга:

— О старший брат Дам Зи, взгляни-ка, ветер поднялся, ты должен первым змея запустить! А не под силу тебе это будет, мы, младшие братья, придем на подмогу.

Отвечал Дам Зи:

— Ладно, я первым запущу змея.

И стал Дам Зи топтать землю, чтобы собрать всю свою силу, которой одарили его мать и отец, когда произвели на свет, и собрал он в себе такую силу, как у буйвола. Протянул Дам Зи руку, взял железную цепь и стал запускать змея. Но пробежал всего три холма, где трава зеленела, и упал, на колени рухнул.

Вскричал Дам Зи:

— О Син Мэнга! Рук я не чую, о младший брат, жилы на моих ногах совсем ослабли, иссякла сила, которой мать с отцом меня одарили.

Сказал тут Син Мэнга:

— Делать нечего! Теперь ты, Син Мын, запускай змея.

Пробежал Син Мын семь голых холмов и упал, на колени рухнул, точь-в-точь, как Дам Зи перед тем. А змей не взлетел, не взмыл к небу.

Говорит Син Мэнга:

— Что ж нам делать? Пусть теперь друг наш Прон Мын испробует свою силу.

Побежал Прон Мын, но напрасно, только устал, изнемог, а змей так и остался на месте.

Молвил тогда Син Мэнга:

— О, Небо! Вы, братья, старше меня, а змея запустить не сумели. Он не взлетел в небеса. Выходит, настал мой черед запускать змея.

Топнул юноша Син Мэнга одною ногой, потом другою ногой ударил в землю, воздел к небу палец, чтоб силы собрать, которыми мать с отцом одарили его при рождении, набрался сил и стал могуч, как слон. Вырвал он у Прон Мына железную цепь. И взмыл Син Мэнга высоко в небеса, и

полетел, оседлав небесные ветры, и потянул за собою цепь. Змей, огромный, как крыша общинного дома, наполнился ветром и взлетел в небеса. А струна, та, что на змее была, запела, услаждая слух Луны. Увидели люди в селенье, что змей взлетел, обрадовались и заговорили:

— О, Небо! Наш змей поистине прекрасен!

Дался диву Дам Зи:

— О, Небо! Откуда только меньшей мой брат силы набрал, чтобы так высоко запустить змея?

Змей парил в небесах, а Син Мэнга с цепью стал потихоньку на землю спускаться. Спустился и отдал старшему брату цепь подержать.

— О Дам Зи! Возьми цепь, поддержи ее — я рукам дам отдых и трубку выкурю.

Подбежал Дам Зи, обеими руками за цепь ухватился. Но тут снова налетел ветер, змей еще выше поднялся, еще дальше улетел, и Дам Зи за собою потащил. Повис Дам Зи между небом и землею. И стал кричать, стал звать братьев:

— О Син Мын, средний брат! О Прон Мын, друг мой! Поспешите, ухватитесь вместе со мной за цепь, чтобы змей опустился на землю.

Побежали Син Мын и Прон Мын, поднатужились, чтобы змея опустить с небес на землю, но змей оказался сильнее всех троих. А Син Мэнга тем временем сидел, трубку курил да поглядывал на своих старших братьев и друга Прон Мына, которых змей тащил в облака.

— О, Небо! Куда вы годитесь, если все трое змея не можете одолеть, если нет у вас сил, чтобы цепь удержать.

Так и не докурил Син Мэнга свою трубку, отложил ее в сторону, подпрыгнул высоко, ухватился за цепь, дернул и потянул змея вниз, — Дам Зи, Син Мын и Прон Мын грянулись наземь, едва не расшиблись.

Говорит Дам Зи:

— Великая сила таится в этом змее: он за собою троих потащил.

Взял Син Мэнга железную цепь, вышел на крыльцо и цепь к столбу привязал. А змей все поет да поет, никак не устанет, песнями слух услаждает, в небесах летает, парит высоко, не иссякает сила в его крыльях. И возликовали от радости небеса, а семь девушек из соседних селений головы подняли, смотрят на змея и хвалят его. Первую девушку звали Хэгухун, вторую — Хэлун, третью — Гэхун, четвертую — Кэпам, пятую — Мэна Этин, шестую — Хэбиа Сун, седьмую — Хэбиа Рда. А были те девушки возлюбленными трех братьев-богатырей.

Говорили девушки:

— Славно летает змей, он несет нам радость. Давайте же танцевать,

чтобы приворожить змея, пусть прилетит на наш зов.

И семь девушек пошли к селенью Дам Зи. На всех семерых были новые юбки надеты, были надеты новые кофты, цветами расшитые, алой и синей бахромой изукрашенные, ожерелья звенели на девушках, вся тропа тем звоном наполнилась и берег ручья, куда ходят по воду. Ожерелья у семи красавиц блестели, потому что сделаны были из чистого серебра, на руках запястья сверкали. А волосы, собранные в пучок, могли поспорить красотой с яйцами лесных птишек. Светились все девушки юной красою, груди у них расцвели лишь недавно и набухли, как молодые ростки бамбука. Подошли красавицы к тому столбу, к которому Син Мэнга железную цепь привязал, и стали танцевать, чтобы приворожить змея.

Только у одной чересчур неуклюже двигались ноги, у другой не хватало гибкости в руках, а у третьей спина совсем не гнулась. Словом, так и не смогла ни одна танцем приворожить змея, не сумела порадовать глаз гибкостью.

Сказали тут девицы:

— О, Небо! Не ведаем мы, найдется ли в этих обширных краях девушка, которая своим танцем искусным, гибкостью рук и ног сможет полонить змея богатыря Дам Зи, чтобы, замороженный, он камнем упал, рухнул прямо на черную землю. Видно, в этих краях только красавица Бера Этан, сестра Дам Зи, так дивно танцует. Давайте же позовем милую Бера Этан, пусть поучит нас своему уменью.

И пошли они, все семеро, к Бера Этан.

Сказали они:

— О Бера Этан, сколько мы ни танцевали, но так и не сумели приворожить змея Дам Зи. Просим тебя, о подруга, поучи нас своему уменью. А мы подарим тебе за это семь клубков разноцветных нитей.

Отвечает Бера Этан:

— Да пребудет над вами ясное Небо! Обознались вы, видно, ведь я для Дам Зи не девушка из селенья в западной стороне или в восточной. Я ему не дальняя родня. Мы с ним брат с сестрой. А вы — подружки моих братьев, вам-то и надобно танцем завлекать змея.

Молвили все семь девушек:

— Ты только покажи нам свое уменье, а если змей спускаться начнет, он не успеет коснуться земли, как ты мигом убежишь, быстро спрячешься. Чего же тебе бояться?

Сказала Бера Этан:

— Пусть будет по-вашему, я покажу вам свое уменье.

Польстилась она на обещанные семь клубков разноцветных нитей, а

потому решила уменье свое показать и вниз спустилась. Ту юбку, что была на ней, сняла, новую юбку надела. Кофту тоже сменила — нарядилась в новую. Юбка цветами расшита и изукрашена алой бахромою и синей, развевается бахрома под ветром. Волосы Бера Этан в пучок собрала, шею ожерельями из серебра украсила, запястья на руки надела. Никто не смог бы с ней красотой сравниться: ни девушки медетхуа, которые живут по берегам реки Ба, ни девушки хрэ.словно бабочка, которая порхает в лугах, она была легка и изящна. Если одной ногою Бера Этан шагнет невпопад, она тотчас назад отступит и другую ногу выставит. Походка у Беры Этан плавная, а сама она — гибкая, как хобот у слона. Подошла она к тому месту, к тому столбу, где цепь была привязана, начала танцевать.

Только змей голову повернет — Бера Этан слегка присядет, колени разведет в танце, змей хвостом вильнет, а красавица руки к нему протянет. Сколь прекрасен был танец змея на небесах, столь дивным был на земле танец Беры Этан. Само Небо не могло от похвалы удержаться. Вскричало Небо:

— Как искусна в танце правнучка наша, Бера Этан!

Взмахнуло Небо рукой и приказало змею вниз спуститься. Спустился потихоньку змей и застыл на макушках деревьев, которые росли на горах в западной стороне. Увидели Дам Зи и Син Мэнга, что змей опускается, поспешили выбежать и глазам своим не поверили: это их сестра змея заворожила, из-за нее змей на землю опустился...

Досадно стало Дам Зи, и говорит он:

— А я-то возрадовался, думал, это девушка из селенья в западной стороне или в восточной, ну на худой конец дальняя родня, а это, оказывается, наша родная сестра, Бера Этан.

Увидела Бера Этан старшего брата Дам Зи, испугалась и убежала. Стыдно ей стало перед братьями, не знала, куда и укрыться, куда ей спрятаться. А семь девиц, семь возлюбленных трех братьев-богатырей, без конца нахваляют ее:

— До чего же искусна Бера Этан, и ноги у нее гибкие, и руки послушные.

Только убежала Бера Этан, только скрылась, как змей снова взмыл в небеса. Семь дней кряду и семь ночей резвился он в небесах, плясал! Захотел Син Мэнга, чтобы еще выше поднялся змей, еще дальше полетел, и говорит он старшему брату Дам Зи:

— О старший брат! Отвяжи цепь, пусть змей все небеса облетит, пусть долетит до селенья твоей невесты Хэбиа Плао, пусть весть ей подаст, что

ты жив-здоров.

Только Дам Зи отвязал цепь, как змей оборотился и полетел в другую сторону. А Дам Зи говорил ему вслед:

— Лети, о змей, далеко лети! Лети к белым облакам, лети к черным тучам. Увидишь внизу малое селенье, попроси вина из кувшина, попроси белой курятины. Увидишь внизу большое селенье, попроси борова и три кувшина вина. А встретятся на пути богатые села — требуй буйвола и лети дальше, нигде не задерживайся!

Летит змей в небесах, а песня его повсюду разносится. Оборотился к западу — увидал малое селенье, выпил из кувшина вина, отведал белой курятины. А после того, какое бы он ни встречал селенье на своем пути, пусть богатое, пусть бедное, везде ему приносили жертвы. Оборотился змей к востоку — увидел большое селенье. Только в селенье том жертв ему не принесли и пированья не устроили. Целых три дня и целых три ночи змей свистел и гудел над селеньем. И там, где змей кружил, поднялся могучий вихрь и опрокинул все хижины, разметал все дома. Прибежали люди к вождю, чтобы он вознес молитву духам: «Да улетит от нас змей в другие края!» И так сказали люди вождю:

— О вождь! Ты слышишь, как неведомая громадная птица все дни витает в небе над нашим селеньем? Страх обуял нас. Ночью мы за себя страшимся, днем нам чудится, будто поют стрелы врагов-чужаков. Мы не можем спокойно есть, спать спокойно не можем. В джунгли ходить боимся, лес не смеем расчищать, у нас не хватает духу землю под посевы готовить. Мы не ходим по тропам в лес за валежником, за водой не спускаемся к ручью.

И спросил вождь:

— О люди селенья! Как же нам быть?

И услышал он в ответ:

— Ты наш вождь, возьми рису, выйди и вознеси молитву духам Неба и Земли.

Вождь вынес рис, поставил его на высоком крыльце и обратился с молитвой к духам, стал помощи у них просить:

— О Ду, ты высоко восседаешь в небесах, о Дие, ты на луне стоишь. Не ведаете ли вы, что за огромная птица с воем кружит и кружит над нашим селеньем? Отгоните эту птицу от ручья, где мы воду берем, отгоните ее от ворот селенья, мы заколем семь буйволов, принесем вам в жертву семь кувшинов вина, и будете вы пировать вместе с нами.

Не успел почтенный вождь молитву закончить, как змей повернулся и улетел в другую сторону. А ураган утих.

Говорит вождь:

— Вот что надобно было этой птице: буйволятиной и бычьим мясом полакомиться и вина выпить. Ведите же, о люди, на закланье буйволов, вино несите и гонги вешайте! Молитву мы вознесем этой чудесной птице!

А змей между тем прилетел к селенью, где жила Хэбиа Плао. Змей гудел и стонал, кружа над селеньем. Всех обуял страх, лютой ненавистью все возненавидели этого змея.

И сказал Ти Мэре:

— Знаю я. Это змей старца Дам Зи поет. Только не отдам я старцу в жены свою сестру. Ему бы разбогатеть без труда, вот он чего желает. А я такого мужа моей меньшей сестре выберу, чтобы работал усердно, чтобы выращивал на полях в изобилии кукурузу и рис. Ведь этого Дам Зи, когда он в путь выступает, рабы на носилках несут, опахалами его обмахивают. Юноша Син Мэнга — вот кто поистине достоин стать мужем моей меньшей сестры. Нет, не по нраву нам старый Дам Зи. О Хэбиа Плао! Давай убежим отсюда, укроемся в дальних краях. Давай убежим к бихам, давай спрячемся у мнонгов, давай пойдем вдоль берега реки Ба и там найдем пристанище. Здесь нам нельзя оставаться, не то придет Дам Зи и заберет тебя в жены. А тебе незачем замуж идти за него.

Отвечает Хэбиа Плао:

— О Ти Мэре, старший брат! Куда бы мы ни убежали, где бы мы ни укрылись, все равно братья нас разыщут, следом за нами придут, вся беда в том, что мы дали им обещанье. Не знаю я, какою тропой бежать, где искать спасенья. Уж лучше нам в селенье остаться. Пожалеют нас братья — в живых останемся, не пощадят — умрем.

Говорит Ти Мэре:

— Что из того, что мы дали обещанье? Знай же, если ты вместе со мной не покинешь селенье, пусть все увидят, как я голову тебе снесу, а сам уйду отсюда. И не тошно тебе стать женой Дам Зи? Он стар и немощен, этот Дам Зи.

Испугалась Хэбиа Плао, что брат и вправду снесет ей голову, и, не мешкая, уложила добро в корзину. Потом взяла ту корзину и пошла за братом, вслед за ним зашагала. Обошли брат с сестрой все селенье в западной стороне, все деревни в восточной стороне исходили, искали пристанище, только никто им приюта не дал, — каждый боялся пустить их к себе. Медленно шла вслед за братом красавица Хэбиа Плао. Шла она, вспоминала Дам Зи и думу думала. А слезы ручьем текли по щекам.

— О Дам Зи, мой жених! Приди же за мной. Ведут меня неведомо куда, хотят в богатый дом отдать. Меня ждет гибель. О юноша Син

Мын, О Син Мэнга, спасите меня, вызволите невесту вашего старшего брата!

Долго шли Ти Мэре с сестрой и добрались наконец до селенья Дам Шана, богатого и могущественного вождя, слава о нем до горных духов дошла, дошла она до духов широких рек. И сказал Ти Мэре, склонившись перед Дам Шаном:

— О друг мой Дам Шан! Заставила нас беда уйти из родного селенья, Дам Зи грозитя взять в жены мою сестру. Спаси нас, Дам Шан!

Дам Шан отвечал:

— Оставайся с сестрой у меня, о мой друг Ти Мэре. Мы не боимся старца Дам Зи. Пусть только явится, мигом голову ему снимем и в реку выбросим.

Так и остались жить Ти Мэре и Хэбиа Плао в селенье Дам Шана. Но змей их настиг, стал кружить над селеньем, парил в небесах, шумом людей изводил: никто рису спокойно поест не мог, никто поспать сладко не смел, тут и Дам Шан не выдержал, не стерпел и говорит:

— О, горе! Коварен и зол змей старца Дам Зи, разве проживешь здесь долго? Надобно поискать приюта в селенье у нашего друга Дам Тюка; высится то селенье среди широкого моря на далеком-далеком острове. Там мы и найдем пристанище.

И повел Дам Шан людей в те далекие края, и Ти Мэре с сестрою взял. Сели они на быстрые морские ладьи и через море поплыли к Дам Тюку. Но чем дальше отплывали от берега ладьи, тем мрачней становились думы красавицы Хэбиа Плао, слезы текли и текли у нее из глаз.

— О Дам Зи! Зачем ты меня покинул, отчего бросил свою невесту? Ты ведь обещал приехать за мною, увезти меня в свой дом. Отчего же ты не едешь? Приди, о жених мой, вызволи меня, о Дам Зи!

Увидел Дам Тюк, что приплыли к острову люди во множестве, услышал, что просят они пристанища, и говорит:

— Я дам тебе приют, о красавица Хэбиа Плао. Никого не бойся. Никто не посмеет нагрянуть сюда — ни носорог огромный, ни могучий свирепый тигр, ни бешеный слон, что клыками роет землю.

Отвечала Хэбиа Плао:

— Раз так, я останусь у тебя.

Но змей и тут их нашел. Не стало в селенье Дам Тюка ни покоя, ни радости, люди не могли есть рис, сладко спать боялись. Одолели могущественного Дам Тюка тревожные думы, — ни посидеть ему спокойно, ни постоять, — позвал он красавицу Хэбиа Плао и говорит ей:

— О Хэбиа Плао! Выйди, змея танцем приворожи, пусть спустится на

землю, пусть шумом своим не пугает больше людей, пусть пройдет у них страх.

Надела Хэбиа Плао новую юбку, в новую кофту нарядилась, еще прекраснее стала. Выбрала место в тени, остановилась там и говорит:

— Змей, змей, если суждено мне стать женой Дам Зи, спустись ко мне с высоких небес.

И не пошла, поплыла красавица в плавном танце: что змей в небесах сделает, то Хэбиа Плао на земле повторяет. И хоть парил змей в голубой вышине, а красавица Хэбиа Плао на земле танцевала, не уступала она ему ни в чем. Дивно красавица танцевала и не знала усталости, за то и заслужила похвалу от великого Айдие, восседавшего в небесах, достославного Иду, что на луне пребывает. Взмахнул Айдие рукой и повелел змею на землю спуститься. Стал змей тихонько спускаться, стал к земле клониться. А когда совсем спустился, Хэбиа Плао сняла разноцветную бахромку, которой змей был с боков изукрашен, и убрала ее в корзину — до краев наполнилась корзина бахромой. Взяла красавица ту корзину, унесла ее и спрятала понадежней. А змея в щепы разбила, чтобы ногами никто его не растоптал.

Дам Зи и два брата взглянули на небо, смотрят — нет змея, потом голову вниз опустили, видят — стелется цепь по земле. Говорит Дам Зи:

— О братья! Наш змей спустился. Только где он спустился, в каком селенье, того мы не ведаем. Если он в том селенье спустился, где живет красавица Хэбиа Плао, она припрячет для нас бахромку, которой был изукрашен змей. Если же он осел в селенье, где богатые люди живут, не видеть нам той разноцветной бахромы.

Дам Зи тотчас позвал Прон Мына, потому что Прон Мын хранил браслет красавицы Хэбиа Плао, залог свадебного обещанья. Вздумай красавица Хэбиа Плао убежать, Прон Мын все равно разыскал бы ее. Сказал Дам Зи:

— О друг мой Прон Мын! Ты хранишь браслет, данный в залог моей клятвы и клятвы Хэбиа Плао. Если красавица убежала и ищет приюта в селеньях западной стороны, или стороны восточной у каких-нибудь богатых людей, придется тебе ее отыскать. Хотел я, чтобы змей помог мне жену найти, для того и делал его, но цепь оборвалась, змей упал, а вот куда упал — не ведаю. Знаю лишь одно: где мой змей опустился, там и надо искать красавицу Хэбиа Плао. Только она гибкостью рук и резвостью ног, искусным танцем: может приворожить моего змея. Непременно найди то место, где змей опустился. Сегодня в полдень ты должен уйти, и в полдень же надобно тебе возвратиться. Не разыщешь змея — умрешь от моей руки.

Ты был свидетелем клятвы, которую мы с Хэбиа Плао дали, и сказал тогда, что Хэбиа Плао никуда от нас не уйдет.

Задумался Прон Мын, загрустил и говорит:

— Ума не приложу, как быть. Откуда мне знать, где опустился змей?

Пошел Прон Мын в конюшню, выбрал самого быстрого скакуна. Вскочил на него. Конь полетел, словно птица, взвился стрелой высоко в небеса, и там, где он промчался, деревья и травы к земле клонились. А Прон Мын коня туда направил, где пролегла железная цепь. Долго скакал он и увидел наконец селенье Дам Шана. И спросил Прон Мын людей, тех, что остались в селенье, тех, что не успели уйти вслед за вождем своим, могучим Дам Шаном:

— О люди селенья! Не видали вы, где наш змей опустился? Это ведь змей грозного господина Дам Зи, того самого, который ищет свою невесту. Если вы змея найдете, разноцветную бахрому снимите с него и припрячьте для нас. Тот, кто припрячет для нас разноцветную бахрому, будет обласкан: если девица это славное дело свершит, Дам Зи возьмет ее в жены, если юноша — станет он побратимом Дам Зи. Но если люди селенья позарятся на чужое добро, утаят от нас бахрому, мы превратим их дома в пепел, в золу, всех от мала до велика растолчем в ступе.

Отвечали люди:

— О господин! Раньше и правда, случалось, мы видели этого змея, слыхали о нем. Он летал, он кружил над селеньем, где жила красавица Хэбиа Плао. Только старший брат ее, Ти Мэре, боялся того змея, даже взглянуть на него страшился, а потому вместе с сестрой пришел в наше селенье и попросил приюта. Но змей и здесь их настиг. Извел змей вождя Дам Шана и Ти Мэре своим шумом, не смели они голову поднять к небесам, отвели они тогда красавицу Хэбиа Плао на берег моря, сели в морские ладьи и поплыли к селенью Дам Тюка, что высится среди широкого моря на далеком острове. А змей вслед за ними полетел. Больше мы его не видали. Ходит молва, будто красавица Хэбиа Плао взглянула на небо, искусным танцем змея приворожила, сняла бахрому с его крыльев и припрятала понадежней. А змея тут же в щепы разбила.

Спросил Прон Мын:

— Правду ли вы говорите?

И услышал в ответ:

— Мы не малые дети, солгать тебе не посмеем, о господин. Еще не бывало такого, чтобы наши уста произносили коварные лживые речи.

Вскочил Прон Мын на коня и пустился в обратный путь. Солнце еще высоко в небе стояло, когда он в селенье Дам Зи воротился.

Дам Зи увидел Прон Мына и возрадовался:

— О друг мой Прон Мын, ты вернулся? Куда же опустился наш змей, ты видел? Скажи!

— О друг мой Дам Зи! Наш змей все гонялся за красавицей Хэбиа Плао. Старший брат Ти Мэре увез ее в селенье вождя Дам Тюка, которое высится посреди широкого моря на далеком острове. Хэбиа Плао приворожила нашего змея, сняла с него бахромку разноцветную, а самого змея в щепы разметала. Чтобы добыть тебе невесту и назад получить разноцветную бахромку, нужны нам морские ладьи, чтобы плыть по волнам, морские ладьи нам надобно вытесать. До острова того далеко, иначе как на ладьях — не доберешься. Огромно там море и широко. О друг мой Дам Зи!

Говорит Дам Зи:

— О, Небо! Хитер и коварен Ти Мэре. Уж так он меня нахваливал, говорил, что и лицом я ему по нраву, и статью. Ведь мы с ним побратимами стали. А теперь он, как говорится, дернул веревку, ловушку захлопнул. Жажду я с ним сразиться, помериться силами, посмотрим, кто сильнее, я или Ти Мэре. О меньшей брат Син Мэнга! Давай позовем друга нашего, умельца Мэтао Эгой, и наших друзей, искусных умельцев И Ку и И Ли, пусть морские ладьи для нас смастерят. А за это что они от нас потребуют, то мы им и дадим.

Отвечал Син Мэнга:

— Я тотчас за ними пойду, о старший брат Дам Зи.

И пошел Син Мэнга к селенью, где жил Мэтао Эгой, зашагал он к тому селенью, в котором жили И Ку и И Ли. Вошел он в дом и говорит:

— О друг мой Мэтао Эгой, о други И Ку и И Ли! Покорнейше просим вас морские ладьи для нас смастерить, чтобы мы добраться могли до селенья Дам Тюка, которое высится посреди моря. Держит Дам Тюк в неволе милую Хэбиа Плао, невесту нашего старшего брата. Нам надобно вызволить пленницу. А вам за работу три дивных дадим кувшина с вином — каждый из них дороже слона; еще прибавим кувшин, который можно сменять на раба, а вдобавок можете взять добра всякого столько, сколько пожелаете.

Отвечают Мэтао Эгой, И Ку и И Ли:

— Да разве нужна нам награда? Мы и так порадуем вас, потешим уменьем своим.

И все трое за дело споро взялись и стали морские ладьи мастерить. Три дня и три ночи мастерили, ни отдыха не знали, ни сна. И смастерили умельцы четыре отменные ладьи.

Говорит Мэтао Эгой:

— О друг мой Дам Зи! Вот и готовы ладьи морские. Зови же братьев своих, пусть на ладьи посмотрят. Придутся они братьям по нраву — пусть забирают, не понравятся — мы другие ладьи смастерим, которые еще проворней скользят по волнам морским.

Спустился Дам Зи с крыльца, со всех сторон осмотрел ладьи, которые умелец Мэтао Эгой и другие умельцы сработали славно. У каждой ладьи на носу флаг развевался, на корме возвышалась мачта, а парус высокий ждал ветра.

Говорит Дам Зи:

— О други! Радуют глаз эти ладьи, от них доблестью веет. Мы довольны морскими ладьями. О Мэтао Эгой, о И Ку, о И Ли! Возьмите в награду те кувшины, из которых каждый слону не уступит в цене, и еще этот кувшин берите, его можно обменять на раба, а к кувшинам прибавьте кур и свиней, — словом, берите все, что пожелаете!

Отвечает Мэтао Эгой:

— Мы возьмем ровно столько, сколько ты дашь нам в награду.

Между тем четыре морские ладьи, которые Мэтао Эгой, И Ку и И Ли смастерили, отдыхали на берегу. А ладьи те боевыми были: одна большая и три малых. Стали братья едой запастись и созвали людей, чтобы нести морские ладьи к воде.

Не ради забавы собрались нынче Дам Зи и братья в дальний путь. Затем они отправились в путь, чтобы сразиться с Дам Тюком, который посмел держать в неволе красавицу Хэбиа Плао, и еще затем, чтобы назад получить свою разноцветную бахрому, которой был украшен змей. Говорит Дам Зи:

— О мои меньшие братья Син Мын и Син Мэнга! Мы идем в поход на Ти Мэре. Как он посмел разлучить меня с милой невестой? Но мы вызволим красавицу Хэбиа Плао, мы ее спасем!

И в ответ услышал он:

— Если старший брат велит нам идти в поход, мы пойдем в поход, мы не дадим в обиду нашего старшего брата.

Наутро, едва рассвело, Дам Зи послал людей в лес за слонами. Изловили люди длиннохвостых слонов. Мэгуны те слоны прозывались. У каждого слона два широких бивня, умели те слоны реветь и трубить громогласно. Слонам-самцам надели на спину цветные седла, слонихам надели седла из индийского тростника, а самому грозному слону приладили седло с навесом, чтобы было где укрыться от дождя и от солнца. Впереди каравана шли старые слоны, вся шерсть у них на груди и

меж ног истерлась. Люди селенья выступали вслед за Дам Зи. Впереди сто человек выступали, сзади еще тысяча. И не было людям числа, как пчелам, которые вылетели из улья. Вот караван остановился на отдых, и люди столпились — и была людская толпа как многоводное озеро. Но снова двинулся в путь караван, шел он по петляющим тропам, извилистыми путями пробирался; сверкали секиры, словно цветы чак, будто камыши были бесчисленны пики, луков было больше, чем веток на дереве, стрел и не счесть, словно ягод в поле.

Месяц-серп выплыл на небо, когда караван покинул селенье, вот и полная луна засияла, а караван все шел и шел. При золотом свете луны входил караван в селенья в западной стороне и в восточной. Луна изливала свой свет, когда люди входили в дома. И по всем дорогам, и по всем тропам рабы, несли Дам Зи на носилках. Где проходил караван, там опадали листья с деревьев, клонился тростник к земле, пригибались к земле деревья и травы, сухие листья летели, словно термиты, спасающиеся от ливня. Если встречалось на пути селенье, в котором люди не уберегли железную цепь змея Дам Зи, в прах и золу превращали селенье, а людей с собой угоняли. А в тех селеньях, где цепь уберегли, там добро не трогали, и дома не жгли, и людей из селенья не угоняли. По дороге всех злых и коварных вождей погубили.

Все больше становился караван Дам Зи, все многолюдней. Он шел по тем тропам, где цепь от змея пролегла.

Долго шли они, пока наконец вышли к берегу моря. Перед ними в высоком небе летели белые облака. Рабы опустили морские ладьи на волны.

Дошел караван до берега и остановился. Отменными были четыре морские ладьи Дам Зи, дивными были ладьи. Носы острые, флаги развеваются, ветер паруса надувает. Все люди собрались на берегу. Одни ночлег готовили для Дам Зи, другие опахалами его оведали. Три брата, три богатыря сидели и совет меж собой держали о том, как с Дам Тюком сразиться. Молвил Дам Зи:

— Как же вызволить нам невесту, как спасти красавицу Хэбиа Плао, которую держат в плену среди моря на острове?

Долго речи вели братья, толковали о том, как им быть, и наконец Дам Зи хитрый способ измыслил. Сказал он:

— О братья мои Син Мын и Син Мэнга, о друг мой Прон Мын! Садитесь в три малые морские ладьи, захватите трех лесных голубей и к острову смело плывите. Там отыщете ручей, к которому по воду ходят, сами укройтесь, а голубей отпустите, голуби полетят и скажут красавице

Хэбиа Плао, чтоб за водою шла. Вы ее дождитесь, посадите в ладью и плывите!

Ответили младшие братья:

— Мы все сделаем так, как ты нам велишь.

Сели братья в боевые ладьи и поплыли к далекому острову. Заскользили три ладьи по волнам, дружно гребли богатыри. Разыскали они на острове то место, куда по воду ходят, сами укрылись, а голубей отпустили. Полетели голуби над островом, стали кружить, увидели, что милая Хэбиа Плао сидит под помостом свайного дома, у свай, и пряжу прядет. Спустились голуби, сели на гребень крыши и заворковали:

— Чу-к-чу! Славные юноши ждут тебя у ручья на морском берегу. Ча-к-ча! Славные юноши из дальних селений на берегу тебя ожидают, прекрасная Хэбиа Плао. Ступай скорее купаться.

Услыхала красавица Хэбиа Плао, о чем голуби на крыше воркуют, и грустные думы на нее нахлынули, вспомнила она родное селенье, из которого ее так далеко увезли, о подругах подумала.

И сказала Хэбиа Плао:

— О голуби! Не воркуйте, не будите тоску в моем сердце, мне и без того худо.

Убрала Хэбиа Плао прялку, взяла корзины с тыквенными бутылками, пошла за водой и девушек с собой позвала:

— О Бой Зян, О Бан Хэмат, пойдете купаться! Все тело у меня зудит, будто по нему муравьи ползают. Надоело мне плескаться в медном тазу, хочу я в ручье омыться у моря, там, где мы воду берем.

Отвечает Бой Зян:

— Не ходи, о Хэбиа Плао, к ручью. Не купайся у берега моря. Солнце тебя там опалит, муравьи заедят. Разгневаешь ты купаньем своим горных духов, речных духов рассердишь. И не спасут тебя тогда ни мать, ни отец. А упадешь — никто тебя не поднимет. Не ходи, о Хэбиа Плао.

Но сказала красавица:

— Напрасно вы меня отговариваете, ничего у вас не выйдет, я от своего не отступлюсь. Сегодня же искупаюсь в море и только тогда успокоюсь.

Говорит ей в ответ Бой Зян:

— Раз так, то и мы с тобою пойдём.

Сменила красавица Хэбиа Плао юбку и кофту, подружки ее тоже юбки и кофты сменили, — во все новое нарядились. У каждой через плечо висела корзина, а в корзине бутыл из тыквы стояла. Шагнет девушка, и стан ее изогнется, как голова у слона, на котором хозяин выехал прохладой

насладиться.

Спросила Бой Зян:

— О Хэбиа Плао! Зачем ты нынче надела такой роскошный наряд?

— Я надела этот наряд, чтоб солнце меня не опалило, чтоб муравьи не искушали, а если я прогневаю горных духов или духов речных рассержу, если упаду в глубокую пропасть и мать с отцом спасти меня не успеют, чтобы красивой и нарядной я перед божествами предстала.

Сказала Бой Зян:

— Так вот зачем ты надела этот роскошный наряд.

Три девушки вышли к ручью, набрали воды в тыквенные бутылки, потом поставили бутылки обратно в корзины и к морю спустились, чтобы омыться. Сбросив юбки, развесили их на ветвях огромного дерева, кофты сняли, на кусты их бросили. Разделись девушки и прыгнули в воду. И забурлили, запенились волны — ввысь взметнулась вершина бамбука на берегу, потом волны улеглись и вершина бамбука вниз опустилась. Здесь волны едва набегали на берег. А в широком море огромные волны вздымались — каждая волна величиной с корзину для риса, не с корзину для риса, а с дом. Волны грозно ревели.

Говорит Хэбиа Плао:

— Что за чудесный залив! Вы только взгляните, молодые побеги бамбука словно просят: «Сорвите нас!» Вон ладьи вверх по течению плывут, а вон лодки рыбацкие сети тащат. Птица парит в вышине, она таовао зовется, а внизу кружит белая цапля-хохлатка. Как славно здесь, как весело солнце все заливаet своими лучами. О мой жених Дам Зи! Полюбуйся, мои ягодицы — точно луна в первый месяц года, бедра мои — словно луна на ущербе, груди мои так и дышат свежестью, будто воздух в начале весны. Ничего нет на свете прекрасней, чем мое тело.

Красавица веселилась, как птица, не уставала она вспенивать воду, песни пела, звала Дам Зи, своего жениха, и столько раз вспоминала она о Дам Зи, сколько волн было в море.

Вдруг увидели девушки три морские ладьи, которые прямо к ним приближались. То были ладьи братьев богатырей, приплывших за Хэбиа Плао. Поистине дивные ладьи скользили по воде! Впереди, на носу, развевались флаги, за ними — виднелись мачты, паруса надувались ветром, летели ладьи среди огромных волн, грохочущих волн. Увидела Хэбиа Плао ладьи и говорит подругам:

— Взгляните, какие прекрасные лотосы скользят по волнам! О, если бы нам на лотосах этих погулять, порезвиться, сердце потешить, поплавать по морю, радость нас обуяла бы, о подруги!

Сказала Бой Зян:

— Кто знает, выпадет ли когда-нибудь на нашу долю такая удача?

Красавица Хэбиа Плао опять прыгнула в волны и снова вспенила воды. А Син Мэнга гнал боевые ладьи все ближе и ближе. Выждал он, пока красавица Хэбиа Плао от берега подальше отплывет, ринулся к ней на своей лодке, за волосы ее схватил и вытащил из воды. Хэбиа Плао громко закричала, но волны громче ревели. Подружки Бой Зян и Бан Хэма́т выскочили в страхе из моря на берег. Они забыли о юбках, тыквенные бутылки с водой на берегу оставили и со всех ног побежали к селенью.

Вскричала Бой Зян:

— О Небо! О люди селенья! О наши соседи! О Ти Мэре, о Дам Шан, о Дам Тюк! Нашу подругу, красавицу Хэбиа Плао, чужестранцы схватили и за море увезли. Спешите же нашу подругу вызволить!

Услыхав, что его сестру полонили морские разбойники, Ти Мэре рассвирепел, словно буйвол в летний солнечный день.

— А правду вы говорите? Кто же тот храбрец, который полонил мою сестру?

Ти Мэре тотчас схватил в руки свой меч и кхиен да позвал сотню молодцев, не сотню, а тысячу, чтоб ладьи отнесли к причалу. Спешил Ти Мэре сразиться с врагом, сестру вызволить. Всполошились все люди селенья; одни к востоку бежали, другие мчались к западу. Кто нес боевые ладьи к морскому берегу, кто спешил строить новые боевые ладьи. К Ти Мэре на подмогу явилось еще семь богатых могучих вождей, чтоб с Дам Зи сразиться.

Меж тем Син Мэнга направил свою ладью к далекой земле, ладья не плыла, а летела. Причалил он к берегу и там передал красавицу на большую ладью, на ту ладью, где старший брат сидел. Увидел Дам Зи красавицу Хэбиа Плао и говорит ей:

— Хэбиа Плао, моя невеста! Зачем ты собрала в узел свои юбки, зачем понесла тот узел на голове и в страну к чужеземцам-лаосцам убежала? Зачем ты собрала свои кофты и кинулась в кхмерские земли? Как лодка, которая стремится к причалу, как улитка, которая ползет по холмам в поисках леса, как бедняк, который ищет приюта в богатом доме, ты металась то в одну сторону, то в другую. Кто смутил тебя хитрыми речами, что решила ты укрыться на этом далеком острове? Мы ведь обменялись с тобой браслетами, которые звенят на запястьях, ожерельями обменялись, которые на шее висят. И лицом мы друг другу любимы, и статью по нраву, ты мне стала невестой, а я тебе — женихом. И свидетель тому мой друг Прон Мын. Он нам обещал, что никуда ты от нас не уйдешь, а если укроешься в

богатом селенье, спрячешься там, словно в воду канешь, он все равно тебя найдет, все равно отыщет тебя, где бы ты ни была. Нарушила ты свое слово, а все напрасно. Ты хотела сухую траву снова сделать зеленой, плохое вино сделать хорошим, ты справедливость спутала с несправедливостью и бежала в селенье хрэ, в край банаров, ты бежала то в западную сторону, то в восточную. Тебя унесло, будто вершу потоком, везде я искал тебя: и по берегам ручьев, и возле рек, и нашел наконец.

Отвечала красавица Хэбиа Плао:

— Я и впрямь нарушила слово, не сдержала своего обещанья, о мой жених, о Дам Зи. Если простишь, я останусь в живых, а не пощадишь меня — смерть приму. Долгие месяцы, многие дни я жила в дальнем чужом краю у богатых вождей, мои бедра намокли от слез, а в горле моем и в носу не осталось и капли влаги. Обуял меня гнев, ведь тогда никто меня не наставил, никто не научил и покорила я, Ти Мэре послушалась. Сказал он мне: «Сестра, зачем тебе идти замуж за Дам Зи? У него на ногах волосы как солома, у него на бедрах волосы как колючки у дикобраза, а борода длинная-предлинная. Когда он в путь отправляется, рабы несут его на носилках и опахалами овевают. Лень его одолела — в поле он не выходит, деревья не валит, не готовит землю под пашню. Так что не дозволю я тебе стать женою Дам Зи. Я найду тебе другого мужа, такого, который споро работает в поле, ловко лес расчищает, такого как Син Мэнга, твоего жениха меньшей брат. Вот он мне по нраву».

Отвечает Дам Зи:

— Ладно! Мы после рассудим, кому ты станешь женою — мне или меньшому брату.

А тем временем всполошилось все селенье вождя Дам Тюка. Кто ладьи и пироги строил, кто садился в ладью. Не тысяча — десять тысяч рабов летели в ладьях по волнам, чтоб с Дам Зи сразиться. Вел их могучий Дам Шан, славный вождь. Приблизился он к братьям и кинул клич. Этот клич до подножья небес докатился, дошел этот клич до самого края земли, все слушали Дам Шана, все Дам Шану внимали:

— О Дам Зи! Ты отважен, печень твоя — велика и полна желчи! Ты пришел, чтобы рог у носорога отнять, чтобы забрать у слона бивни, ты пришел, чтобы наших сестер полонить! Выходи же на бой, с утра мы потеху начнем, а в полдень будем биться друг с другом в волнах средь широкого моря!

Еще издалека услышал Дам Зи грозный голос Дам Шана, приметил его боевые ладьи. Сказал Дам Зи:

— О братья мои Син Мын и Син Мэнга! О друг мой Прон Мын! Вы

слышали голос Дам Шана, слышали, что он нас на бой вызывает? О братья, о друг мой Прон Мын, садитесь же в свои боевые ладьи, спешите к Дам Шану, спросите, что ему надобно, а я пока буду стеречь здесь красавицу Хэбиа Плао.

Син Мын, Син Мэнга и Прон Мын сели в ладьи и подняли паруса. Ветер гнал паруса, и ладьи летели сквозь волны. Среди широкого моря повстречались они с Дам Шаном, столкнулись с его ладьями. Вскричал Син Мэнга:

— О Дам Шан, мы пришли! Нынче будут кони копытами бить друг друга, буйволы будут бодаться, сойдутся стада слонов, посмотрим, сколь велика та сила, которой мать с отцом тебя одарили, испытаем силу твою. Знаешь ли ты, о Дам Шан, что кости у нас железные, жилы у нас бронзовые, с малых лет богатыри мы. Мы не раз приводили с охоты бешеных носорогов, мы укрощали свирепых слонов, мы без счета перебили пантер, оленей и тигров, нет числа диким кабанам, которым мы шею свернули!

И сошлись в схватке враги средь широкого моря. Волны то вздымались выше свайного дома, то опускались на самое дно морское, вода в пучине, как в воронке, бурлила.

Сказал Син Мэнга:

— О Дам Шан! Пусть на одной стороне стоят твои боевые ладьи, а на другой стороне мы свои боевые ладьи поставим, потом в схватке сойдемся, посмотрим, чьи ладьи развалятся раньше.

И ринулись друг на друга боевые ладьи. И тотчас ладьи, на которых сидели рабы Дам Шана, на щепы развалились, потокомплыли на гребнях волн людские тела, их уносило, как травы, их несло, как листья. Боевые ладьи Син Мэнги из железа сделаны, бронзой окованы, а ладьи Дам Шана сделаны из дерева, построены из бамбука, как же им не разбиться.

Син Мэнга стоит на носу своей боевой ладьи и громко зовет:

— Эй, Дам Шан! Держись! Сейчас мы с тобой в схватке сойдемся!

Ринулась в бой ладья Син Мэнги, отлетела ладья Дам Шана, в дальнюю даль отлетела. Много раз сходились ладьи — под конец ладья Дам Шана совсем развалилась, а сам он кинулся в волны. Гибель свою нашел в тех волнах Дам Шан.

Повел тогда за собой вождь Дам Тет не тысячу — десять тысяч рабов на боевых ладьях, чтобы сразиться средь моря. Но и ладьи Дам Тета тоже пошли на дно, приютами стали для мелкой рыбешки. Потом наступил черед и других именитых славных вождей, которые славились своей силой и могуществом меча. Звали тех вождей одного Дам Бра, другого Мэтао

Лэвек, третьего Дам Дэри, четвертого Дам Дэран. Ударились их боевые ладьи о ладьи Син Мэнги и тоже рассыпались, на куски развалились. Наконец сам Дам Тюк, сам славный вождь, сел в ладью и вышел на бой. Повел он за собою не тысячу — десять тысяч рабов. А те, что в селенье остались, ладьи мастерили.

Ринулся Дам Тюк на своей боевой ладье в бой среди широкого моря и вскричал:

— О Син Мэнга! Я пришел!

И началась битва, храбро сражались богатыри, море пенилось и бурлило. На боевой ладье Син Мэнги впереди развевался флаг, позади парус надувался от ветра. Ринулся Син Мэнга навстречу Дам Тюку и вскричал:

— О ты, моя боевая ладья! Скачи на гребнях свирепых волн, пляши на волнах. А ты, парус, наполнись ветром! О вы, боевые ладьи тех, кто сражаться пошел против нас, пусть вас волны подбросят высоко, а после пусть поглотит вас пучина.

Боевая ладья Син Мэнги ринулась вниз по волнам, стукнулась о подводные камни — будто грянул гром, будто молния вспыхнула, ослепила людей. С неба из туч ливень хлынул, все кругом загрохотало. Со всех сторон злые духи слетелись, они жаждали пожрать души отважных вождей, тех, которые найдут свою смерть в морской пучине.

Тем временем, от битвы вдали, красавица Хэбиа Плао сидела с Дам Зи в большой богатой ладье, рису они вдоволь наелись и теперь забавлялись, шутили.

А юноша Син Мэнга все резвился в своей боевой ладье на широком море, показывал силу свою и ловкость, которыми мать и отец его наделили. Он не ведал преград, его боевая ладья вздымала огромные волны. Пошатнулись, закачались из стороны в сторону палаты, в которых жила Морская Царевна, дочь Морского Царя: ни сидеть нельзя, ни стоять. Выглянула она и увидела юного богатыря в боевой ладье: ловок он был и хорош собой. Полюбился юноша Морской Царевне, и пожелала она сделать его своим мужем. Вбежала она в палаты к Морскому Царю, отцу своему, и говорит:

— О отец, что там за удалой богатырь правит боевою ладьей? Хорош он собой и силен. Полони его, отец, и меня замуж за него отдай!

Отвечает Морской Царь:

— Как же я его полоню? Он храбро сражается, машет мечом, он мечет копья и кхиены.

О отец, ты выйди туда, где волны бушуют, опрокинь его боевую ладью, тогда богатырь утонет и станет жить в нашем селенье.

Сказал Морской Царь:

— Ладно, испытаю-ка я свою силу.

Подплыл он поближе к боевой ладье, которой юноша Син Мэнга правил. Долго плыл вслед за ладьей Морской Царь, наконец улучил момент, когда боевая ладья вождя Дам Тюка столкнулась с ладьей Син Мэнги, могучей рукой ладью накренил: ладья Син Мэнги медленно в волны морские ушла. Морской Царь взял Син Мэнгу на руки и понес в палаты. Увидела Морская Царевна, что отец с ношей вернулся, добыл ей красавца юношу, и от радости речи лишилась. Тотчас юношу к себе увела и с ним заперлась. День целый рядышком просидели Морская Царевна и Син Мэнга, смеялись, беседу меж собою вели.

Увидел Прон Мын, что утонула ладья Син Мэнги, и вскричал:

— О, Небо! Мой друг Син Мэнга утонул, ушел на дно морское.

Направил Прон Мын свою боевую ладью к берегу, туда, где Дам Зи их поджидал. Сказал Прон Мын:

— О друг мой, о Дам Зи! Боевая ладья Дам Тюка ринулась на ладью Син Мэнги и потопила ее, ушел Син Мэнга на дно морское.

Ответил Дам Зи:

— О друг мой Прон Мын! Ты был свидетелем, когда мы с Хэбиа Плао обещанье давали супругами стать. Спустишь же теперь на дно морское и отыщи моего меньшого брата, нашего Син Мэнгу. Отыщешь ты брата, я отдам тебе в жены сестру. Ступай же, не мешкай, только непременно возвращайся назад и мне расскажи обо всем, — найдешь ты брата или не найдешь, все равно приходи. А ты, о мой средний брат, о Син Мын, в сраженье ступай, в схватке сойдись со свирепым Дам Тюком, защити меня!

Задумался Прон Мын и говорит:

— Как же мне быть? Что ждет меня? Жив я останусь или погибну?

Сказал он так и направил свою боевую ладью в широкое море. Потом в морскую пучину ее погрузил и стал петлять между подводных камней и скал. Долго он там бродил, пока вдали не увидел селенье Морского Царя. Издал Прон Мын громкий клич. Прогредел тот клич среди скал и камней, до самых палат Морского Царя донесся, вихрем налетел на те палаты и крышу с них сорвал. Воззвал верный Прон Мын:

— О мой друг Син Мэнга! Мы на битву с врагами идем! Возвратись к нам, Син Мэнга!

Диву дался Морской Царь:

— Кто взывает так громогласно?

Отвечал Син Мэнга:

— Это друг мой — Прон Мын. Зачем вы заперли меня в покоях? Отчего не даете мне выйти отсюда? Отпустите же меня, надобно мне сразиться с коварным и злым врагом, я должен идти.

Сказал Морской Царь:

— Нет, мы тебя не отпустим. Не для того я тебя, юноша, полонил и отдал Царевне в мужья.

Ответил Син Мэнга:

— Не доведут вас до добра проделки ваши.

А Прон Мын меж тем подошел к палатам Морского Царя и спросил:

— Ты, может, видел, не входил ли сюда мой друг Син Мэнга?

Стоит Морской Царь перед дверью, смотрит на Прон Мына и словечка не вымолвит.

А Прон Мын ему говорит:

— Если вы прячете у себя юношу Син Мэнгу, я превращу ваше селенье в пепел и прах, а всех ваших людей, старых и малых, растолку в ступе. Разве вы не знаете, что мы схватились в битве с врагами, чтоб невесту для старшего брата добыть? Для Дам Зи!

Говорит Морская Царевна:

— Преврати в пепел и прах наше селенье, убей всех людей, богатых и бедных, которые здесь живут, только оставь юношу Син Мэнгу, пусть он будет мне мужем.

Разгневался Прон Мын:

— Как смеешь ты вести подобные речи?

Говорит Морской Царь:

— Мы всю правду сказали тебе, о человек. А теперь поступай как знаешь.

Услышал Прон Мын эти дерзкие речи, возвратился к Дам Зи и все ему рассказал:

— О мой друг Дам Зи! Син Мэнга сбился с тропы, заблудился, попал в селенье Морского Царя, а Морской Царь его полонил и хочет женить на своей дочке, Морской Царевне. Не отпускает его Морской Царь. Заперли они Син Мэнгу в покоях Морской Царевны. Вокруг селенья изгородь из камня стоит. Я звал Син Мэнгу, только не может он выйти оттуда. Изгородь из камня надо разбить, разметать, тогда выйдет наш Син Мэнга на волю.

Говорит Дам Зи:

— Чтобы изгородь разбить и ворота обрушить в селенье Морского Царя, надобно захватить с собой волшебный топор, кэран. Волшебный

топор кэран разнесет ворота, развеет их в прах. Тогда ты смело войдешь и вызволишь меньшого брата. А мы с Син Мыном будем здесь биться, будем против Дам Тюка сражаться, за красавицу Хэбиа Плао, чтобы опять ее не полонили.

Сказал Прон Мын:

— Ладно, пойду вызволять Сын Мэнгу.

И снова погрузил Прон Мын свою боевую ладью в морскую пучину и опустил да дно морское у самых ворот, которые волн в селенье Морского Царя. Размахнулся Прон Мын, ударил волшебным топором по воротам, рухнули ворота, развалились. Прыгнул Прон Мын, да так далеко, что сразу очутился посредине селенья, и стал биться с Морским Царем. Все люди, которые жили в селенье Морского Царя, разбежались от страха.

Победил Прон Мын в схватке Морского Царя и стал звать Син Мэнгу:

— О мой друг Син Мэнга, воротись! Я разметал, разорил селенье Морского Царя, выходи, о Син Мэнга.

Вынес Прон Мын на своей ладье Син Мэнгу к берегу. Увидел Дам Зи меньшого брата и засмеялся от радости.

Молвил Дам Зи:

— О Прон Мын! Ты и впрямь верный друг, теперь мы всегда будем жить вместе и вместе смерть встретим. Поистине ты достоин быть мужем нашей сестры, красавицы Бера Этан. Вот только вернемся домой — и тотчас свадьбу сыграем!

Теперь четверо братьев на четырех боевых ладьях вышли в море сразиться с Дам Тюком. Юноша Син Мэнга направил свою ладью прямо на ту пирогу, где восседал Дам Тюк. Не выдержала удара пирога Дам Тюка. Ринулся в волны Дам Тюк, прыгнул могучий вождь прямо в волны морские.

И те вожди, что со всех концов на подмогу Дам Тюку на ладьях приплыли, вслед за ним в волны морские кинулись. Один Ти Мэре остался, старший брат красавицы Хэбиа Плао. Сидит он в боевой ладье, а за ним не тысяча, десять тысяч рабов плывет. На все море раздался клич Ти Мэре:

— Эй, Дам Зи! Держись, я выхожу на бой!

И сошлись враги в жестокой схватке. Бились они на воде, бились они под водой. Вздымали они волны морские — пенились волны, захлестывали берег водой. Солнце уже клонилось к западу, когда ладья Ти Мэре на куски развалилась, а сам он в морских волнах нашел свою гибель.

Тем и закончился бой. Четверо братьев победили в сражении, а Дам Зи себе невесту добыл, красавицу Хэбиа Плао.

Потом братья посадили людей своего селенья на морские ладьи и

повезли их к острову, к тому самому острову, где возвышалось селенье Дам Тюка. Остановились ладьи на морском берегу, у ручья, в том месте, где черпают воду, и люди селенья Дам Зи вошли в ворота.

Поднялся Дам Зи в дом Дам Тюка, забрал все добро, всех буйволов и быков, которые стояли в хлевах.

Сказал Дам Зи:

— Эй, люди Дам Тюка, не хотите ли за нами пойти? Мы убили ваших вождей и старейшин, мы срубили раскидистые баньяны, которые росли у ручья.

И сказали люди Дам Тюка:

— О господин, о Дам Зи! Мы пойдем за тобой. Все равно нам, где жить, где лес вырубать, где пашню для посева готовить, где рис выращивать и строить дома.

И порубили четыре брата дома, и сожгли их, потом взяли солому и подожгли сторожевые башни на поле. Жгли они дома и сторожевые башни, и каждый раз громкий клич издавали, тот клич в небе и на земле эхом отдавался.

Рассмеялся Дам Зи и говорит:

— Эй, Дам Тюк! Теперь мы на твоих полях сорные травы посеем. Может, какой-нибудь путник придет из дальних селений и попросит семян, ты дай ему семян, не жалея.

Селенье Дам Тюка дотла сожгли, а его люди сели в морские ладьи и за Дам Зи поплыли.

Когда вернулись все в родное селенье, Дам Зи так сказал людям Дам Тюка:

— Эй, люди! Если хотите рису досыта есть, идите деревья валить, расчищать поля. Если хотите жилье иметь, сами дома стройте.

И люди гурьбой повалили: кто пошел расчищать поля, кто принялся дома строить.

Воротились четыре брата в свой дом, и на радостях стали вино из дивного кувшина наливать, наливали и пили в честь свадьбы Дам Зи и красавицы Хэбиа Плао, и еще в честь Прон Мына и милой Бера Этан. Принесли братья в жертву духам гор и рек буйволов и быков, принесли они жертвы душам умерших предков, чтобы те в делах им помогали, чтобы здоровье им посылали и богатство.

С тех пор у людей селенья Дам Зи не было врагов ни в западной стороне, ни в восточной. И каждый день оттуда доносилось пенье звонкоголосых гонгов и барабанов из бронзы, и из года в год люди там досыта ели, из месяца в месяц пили вволю.

notes

Примечания

Смех киньских девушек — кинь (букв.: столичный, городской) — так называли вьетнамцев в отличие от горцев.